

СМЕНА

№ 6 МАРТ 1982

**ВЕСНЫ
счастливая
пора...**

В дни работы XIX съезда ВЛКСМ мне исполнится 28 лет. Ровно половину своей жизни я состою в рядах Ленинского коммунистического союза молодежи. Был комсоргом, членом комитетов комсомола школы и института. Сейчас возглавляю Совет молодых ученых и специалистов Кутаисского политехнического института. Несмотря на свой возраст, уверен, что, как поется в популярной песне, «не расстанусь с комсомолом» и в будущем.

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л.И. Брежнев говорил на XVIII съезде ВЛКСМ об «умении доводить до конца всякое полезное дело». Таким делом для нашего Совета стало внедрение в производство изобретений и других научных разработок. В первую очередь мы взяли за механизацию и автоматизацию трудоемких процессов. Общественные конструкторские и технологические бюро работают сейчас на всех предприятиях города. Творческая атмосфера, созданная в этих бюро, позволяет вести научный поиск практически в любой сфере. Молодые рабочие, специалисты, ученые сами же и воплощают свои идеи в металле. Только в прошлом году они внедрили в производство свыше трех тысяч изобретений и рационализаторских предложений.

Я работаю в учебном институте. От нас, преподавателей, во многом зависит, каким он будет, завтрашний инженер. Поэтому-то у нас на кафедре вместе с педагогическим процессом планируется и научно-исследовательская работа студентов. И не случайно в последнее время большинство дипломных и курсовых работ наших учеников носят реальный характер.

Но Совет молодых ученых и специалистов заботится не только о своей непосредственной смене. Молодые рабочие, студенты, инженеры, ученые ведут большую работу по профориентации в подшефных школах и профтехучилищах, где организованы сотни различных кружков. Интересно заниматься в этих кружках и ребятам и самим шефам. XIX съезд ВЛКСМ наметит новые рубежи. Для каждого из нас, уверен, найдется дело по силе и по душе.

Давид Турцеладзе,
кандидат технических наук, заведующий
кафедрой Кутаисского политехнического института,
делегат XXII съезда ВЛКСМ Грузии

АДРЕС:
Грузинская ССР

ПРОФЕССИЯ:
инженер

**КОМСОМОЛЬСКИЙ
СТАЖ:**
четырнадцать лет

МОИ СТЪЕЗД

МОЛДАВИЯ

Георге ЧОКОЙ

Биография неба

Города влюбленные шагают
Каждый день к другим воротам
света.

В поздний час, степенными ночами,
Обладая детскими сердцами,
Почему домам глаза и уши
Мы рисуем — отчего все это?..
Глянем на ладони — страшновато,
Ищем мы свои дома на картах,
Ищем мы шелковые дороги,
Ищем — не находим их в итоге.
Тайна есть в ковровой нитке

длинной,
Есть улыбка в пряди тополиной —
Мы тогда глядим из-под ладони
Солнцу вслед —
Огню на небосклоне.
Неба биографию мы смело
В слове ищем,
В мастерке, в лопатке,
В мраморе послушном и умелом,
В ароматах — о, они так сладки!
И когда встают из борозд стены
Белые, как будто хлопья пены,
И разносят в молодом канале
Пахарей признанья в слове, в камне,
Шепоты мгновений согревая
Каменщиков умными руками...

Перевел с молдавского
Владимир ЦЫБИН.

Дожди над селом

Звезды касаются, слетают,
В высоком тополе блестя...
И тихо листья начинают
Звенеть под пальцами дождя:
Как будто слышишь
Звуки света
И льется музыкой звезда...
Но, к сожаленью, песня эта
Уж удаляется... Куда?
Куда? —
К иной долине дальней
Источник капель полетел,
Чтоб звон позванивал хрустальный
И сад зеленый шелестел.
О женщина!
В столь кротких пальцах
Твоих —
Бессонницы мои:
Им суждено всю жизнь
Встречаться —
Хранить обычаи любви.
Сады любви не замерзают!
Я их рисую на окне —
Перекликаясь, расцветают:
В тебе — во мне, в тебе — во мне.
Твои шаги, как треск орешка,
Звенят,
Поблизости слышны.
То земляника, то черешня
Меня зовут из тишины.
Я для тебя их собираю
На нежно пахнущей земле,
Деревья,
Пальцы поднимая,
К тебе выходят на заре.
Как благодатно умирая,
Дожди оставили следы,
Сад ароматом наполняя
И блеском льющейся звезды...
А где-то,
Где опали клены,
Встречая осень на пути,
Благословит другой влюбленный,
Другие светлые дожди...

Перевел с молдавского
Егор САМЧЕНКО.

ТАДЖИКИСТАН

Гулрухсор САФИЕВА,
лауреат премии
Ленинского комсомола

*

Когда по весне поднимались хлеба,
зелены.

Со дна сундука
Мать сыновний халат доставала.
Единственный сын,
Он домой не вернулся с войны,
Невеста его и сама уже
бабушкой стала.

В печали уставшая,
мать обрела покой,
Латая халат и опять
вспоминала о сыне.
У ней хоть халат был сыновний,
А вот у другой
Сыновних вещей вообще
не осталось в помине...
Солдатская мать ожиданьем живет
сорок лет,

Солдатскую мать
окликает военное эхо.
Не радует сердце ей
даже весенний рассвет.
Прошло сорок лет.
Это целая жизнь человека.

Давно возмужали погибших
солдат сыновья.
Теперь уж их внуки встают
на защиту Отчизны.
Надежно хранимы любовь
и твоя и моя,
Улыбки детей и спокойствие
всей нашей жизни.

О, как я хочу, чтобы вдруг —
наяву, не во сне! —
В прожженной шинели,
С зажатой в ладони пилоткой,
Солдат, что остался на той,
на священной войне,
Вернулся, вернулся, вернулся
усталой походкой...

Слепому поэту

Было матери трудно —
Просила
О подмоге она сыновей,
И они всю отвагу, все силы
Отдавали Отчизне своей.

Ты был верен сыновнему долгу,
Ты прошел через море огня
И пожертвовал светом, чтоб только
Мы дожили до светлого дня.
И тебе в годы мирные эти
О весне соловьи говорят,
Шорох спелой пшеницы — о лете,
Об осенней поре — листопад.
Все расскажут привычные звуки.
Жизнь к тебе подступает сама.
Почему же дрожат твои руки,
Чуть касаясь чужого письма?
Может, все оно переиначит?
Если сердце прозрело, тогда
И тебя оно сделает зрячим
На мгновенье, на день, на года.

Перевела с таджикского
Татьяна КУЗОВЛЕВА.

УКРАИНА

Владимир КОЧЕРГИН

*

Пускай усталость, словно море,
Печаль в глаза плеснет острой...
Но горе-то — уже полгоря,
Когда ты веруешь в людей.

Живи, работай на пределе,
Бери любую высоту.
А люди дружески разделят
С тобой и боль и доброту.

*

Вы не жалеете меня,
Не надо.
Заря вполнеба —
Моя награда.
Гром ли гремит,
Тишина ль прорастает, —
Мысли свои
С землю сплетаю.
Зреют они,
Как колосья пшеницы.
Может быть, зернышко
Вам пригодится.

*

Как светится воздушное озерце,
Не шелохнется высохший камыш.
Там где-то тихо дзенькает ведрце
И маме улыбается малыш.

Его ни мрак, ни туча не посмеют
Задеть войны дюралевым крылом.
...Летит Земля мечты любой быстрее,
В лицо мне дышит сказочным теплом.

Перевели с украинского
Владимир ЮРЧЕНКО и
Давид АГРАНАТОВ.

КАЗАХСТАН

Утеген КУМИСБАЕВ

Братишке

Золотое хвалит время
Тот, кто детство не забыл.
Нашим первым «аргамаком»
Скакунок из прутьев был.
Необъезженный и дикий...
Но скакали мы впотмах,
И к нам яблоки тянулись
На высоких деревьях.

Прячась ночью у дороги,
Как пугали мы девчат!
Не беда, что аксакалы
Недовольные ворчат.

А ты помнишь:
Лунной ночью
Нам все снилось до утра,
Что вдвоем мы катим дыни
Из соседнего двора?

Над землей, лучи раскинув,
Плыли звезды на спине...
Плыли песни над аилом,
Плыли наездник на коне.
А когда стучало солнце
В запотевшее окно,
Лезли в бабушкин передник,
Где всегда конфет полно.

Что с того, что мы друг к другу
Чуткой тянемся душой?
Раз в году,
Никак не чаще,
Мы встречаемся с тобой.
Сорванец,
С которым вместе
Бегал я по борозде,
Твой румяный подбородок
Утопает в бороде.

Горный дождь

Дождь танцует среди камней,
Но в душе не погасит пламя!
Даже сосны кажутся мне
Ненаписанными стихами.

И не верю, что небеса
Слезы льют над горной тропой!
Если мог бы я написать,
Все, что вижу перед собою...

Этот ливень, что камни смел,
Этот сумрак, что так тревожен!
Вот взлетел из-под ног орел,
Меч реки рванулся из ножен.

Росчерк молнии на холсте,
Над вершинами —
Капли меда...
Я б стихи сочинить хотел,
Вдохновенные, как природа.

Перевел с казахского
Марк КАБАКОВ.

Фронтовые письма

Вот письма из окопов и траншей, написаны жене, подруге, маме в оглохшие минуты меж боями, и нет свидетельств проще и страшней.

Вновь память возвращается туда, откуда очень трудно возвращаться, и заново приходится прощаться с оставшимися в прошлом навсегда.

И строчки писем с той поры звучат во мне, в тебе, и сила им дается приказывать тому, чье сердце бьется. Но кто сказал, что мертвые молчат? За глупость платят, делая долги, за ясный ум расплачиваться нужно. Он борется. А значит, есть враги. Но кто сказал, что глупость безоружна?

Она не только ранить, убивать умеет и нарочно и случайно, и этого не стоит забывать, чтоб радости не кончились печально. Но все-таки уверенней всего она чужое время отнимает и тем, что ничего не понимает, и тем, что не уйдет от своего.

Одни слова на веру принимаю, люблю другие, с третьими дружу, но это я совсем не понимаю, при встрече стороною обхожу. Оно ведь безобидно только с виду, людей оно калечило не раз: то оставляло горькую обиду, беду чужую ставя напоказ, то, возвышая собственные муки, умело чью-то радость разбивать. Но разве совершенное от скуки нельзя как преступление разбирать?

За тишиною родниковой, где черный дрозд весну поет, на счастье найденной подковой над лугом радуга встает. Такую взять нельзя в дорогу своих невыдуманных лет. Я, как и прежде, понемногу в себя вбираю чистый свет. Он сбережет меня от фальши, лишь вспомню ласку этих дней, где небо выше, дали дальше, зато все близкое видней.

С той поры, как восходы лучатся и рука знает смену погод, выплываются капельки счастья из руды неизбежных невзгод.

Очень трудно такую расплавить, но всегда не жалели труда, чтобы светлую каплю добавить и оставить другим навсегда.

Когда разгадала я дней ускоренье, когда испытало меня на излом, пришлось убедиться: всегда промедленье опасно. Нельзя оставлять на потом то слово, которое

в пляске рассвета зажглось и меня опалило огнем, те мысли, где трудный вопрос без ответа вставал, вырастая на месте своем. На час отложу их, на день отодвину — возьму и сгорят на закатном огне, а то превратятся в такую лавину, что новые вряд ли пробьются ко мне.

Заветный ключ нашла в реке, где бьют ключи со дна. Светло и холодно руке, а сердцу даль ясна, ясна, как давняя вина, как ночи тишина, что всех иллюзий лишена, как жизнь и смерть ясна. Отсюда родом та любовь, с которой нелегко, она приносит гнев и боль, и все в ней велико. Так велико, что целиком вместились ночь и день, и ни о чем, и ни о ком печалиться не лень.

Осень

Ей дожди и туманы прощаю, а с октябрьским задумчивым днем я такое родство ощущаю, будто мы с ним решаем вдвоем желтым ответом красить дороги, о потерянном вскользь говорить и тепла не спросив на пороге, красоту на прощанье дарить. Обнажит, словно в небо забросит, опустевшие гнезда грачей и расплатится золотом просек за спокойную звездность ночей этот месяц особенно щедро. Чтобы слово привета поймать, буду слушать мелодию ветра и морзянку дождя принимать.

Я не умею жить без веры. Во что? В сегодняшний ручей, и в то, что летний день без меры одарит ласкою лучей. Он все кругом умоет ливнем, осыплет чистою росой. И станет вновь, как в детстве, длинным проселок, поутру босой. Я верю доброму рассвету, ночному звездному шатру, я верю теплому привету, что не погаснет на ветру в холодной пасмури осенней, когда и встречи на бегу. И, может быть, мое спасенье в том, что не верить не могу.

Наша обложка:
«Весенние каникулы».
Картина художников
М. АБДУРАХМАНОВА и
Г. ЯРАЛОВОЙ

- 1 МОЙ СЪЕЗД.
Письмо инженера Давида ПУРЦЕЛАДЗЕ.
- 2 60 ЛЕТ СССР. ВСЕСОЮЗНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ:
«ЭСТАФЕТА ДРУЖБЫ И ПОДВИГА».
Поэтическая переключка советских республик.
- 4 РАБОЧИЕ БУДНИ ПЯТИЛЕТКИ.
Николай ХЛЕБОДАРОВ.
«ОСТРОВ ШАГАЕТ ПО МОРЮ».
- 6 Александр РОГИНСКИЙ.
«КАЧЕСТВО ПЛЮС ЭКОНОМИЯ:
ЗА ЧЕРТОЙ ОБЩИХ ИСТИН».
- 8 Майя ВАЛЕЕВА. «ВОЛКИ».
Мария МАМОНОВА. «СЕНЬКА-ГРИБНИК». Рассказы.
- 11 ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ.
Георгий ЯКОВЛЕВ. «НИКОЛАЙ ОСТРОВСКИЙ».
- 14 XIX СЪЕЗД ВЛКСМ. КОМСОМОЛЬСКОЕ ШЕФСТВО.
«ДЕТСКИЙ ДОМ — ТЕПЛЫЙ ДОМ».
- 19 КОНКУРС «НАША РОДИНА».
- 20 МАРТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.
- 22 Виктор ПОЛОЖИЙ. Роман «ПЕПЕЛ НА РАНЫ».
- 24 «СВЕТЛЫЙ ЛИК ОТЕЧЕСТВА».
Стихи Владимира КОЧУПАЛОВА.
- 26 Продолжаем дискуссию
ХОЧУ БЫТЬ ПЕРВЫМ.
- 27 ФИЗКУЛЬТ-УРА! СПОРТ В МОЛОДОМ ГОРОДЕ.
Сергей ВИШНЯКОВ.
«У СЛИЯНИЯ ВЯТКИ И ЧЕПЦЫ».
- 30 Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Е. М. Ульянова. Технический редактор А. В. Исаева.

Николай ХЛЕБОДАРОВ.
Фото автора

В точном назначенный час наш вертолет поднялся в воздух и взял курс в открытое море — к самоподъемной плавучей буровой установке «Сиваш».

Быстро пересекаем знаменитые черноморские пляжи, и вскоре сферы воды и неба сливаются. Дует порывистый ветер, поэтому махина «Ми-8» чайкой мечется над волнами, которые так и норовят нас лизнуть — подобное ощущение невольно рождается из-за отсутствия ориентиров. Видимость миль 15—20, но кругом вода. Глубина, чувствуется, тоже приличная: даже сверху не видно окраски дна. Охватывает непривычное ощущение беспокойства: ведь садиться вертолету некуда...

Приметный ориентир — буровая вышка — появляется на горизонте миль за 20. Площадка, на которой она стоит, поднята над волнами на четырех ажурных ногах, поэтому невольно напрашивается сравнение с избушкой на куриных ножках. Хотя ноги железные и прочно заглубляются в дно, но на фоне морских просторов они кажутся слишком миниатюрными, чтобы держать на себе буровую установку — целый завод со сложным автономным хозяйством. Если на суше нет проблем с размещением любого оборудования, то в море буквально каждый квадратный метр на учете. В открытом море любая мелочь может стать причиной простоя или даже аварии, поэтому все необходимое надо брать с собой и размещать на крохотной площадке. А оборудования и различной аппаратуры здесь больше, чем на земной буровой, потому что любой участок континентального шельфа имеет «свое лицо» — определенное геологическое строение, глубину моря, природные особенности: высоту волн, направление течений, силу ветра, сейсмичность.

Судостроительные фирмы мира создали различные типы «плавучих домов», но обилие этой техники не означает, что она пригодна для «всех случаев жизни». Оказывается, порой выгоднее создать новую

технику для конкретных условий, чем приспособлять к ним уже известную. Вот и при выезде в Черное море надо было учесть его особенности: в главном — сократить высоту моря. Так и родилась первая отечественная самоподъемная буровая установка «Сиваш» с оставшимися промышленными «ногами» вод. Такой плавучий искусственный остров буксировался на тенку бурения, с поднятыми вверх ногами, которые затем опускались на дно и тщательно закрепляются. Потом по этим ногам поднимается плавучая платформа со всем оборудованием — на высоту, недоступную для самых больших самоподъемных остров, существующих, пока идет разведочное бурение и исследования потенциальных залежей подводных ресурсов. А заканчивая работа в одном месте — и платформа по ногам «спускается» на воду, или переводится в другое состояние, и остров переводится на другую тенку. Одна плавучая самоподъемная платформа можно быстро последовать за другой, занимая тем же временем, но оставшаяся на территории человека предельной длительности надрез-

Видимость сверху приводит на специальную площадку, ориентированную по ветру, расположенную в пяти отходах континентальной буровой вышки. Первую вышку вывели в море еще в начале 70-х годов, и в настоящее время «Сиваш» работает на глубине. Машина уже не садится на шпильки, но в аварийных случаях она спускается после земной вышки. Платформа сразу же садится на свое место. После завершения бурения вышка «Сиваш» или никогда не возвращается в море, или используется на другом месте. В настоящее время она находится в море.

В настоящее время установка «Сиваш» находится в море. В настоящее время установка «Сиваш» находится в море.

В настоящее время установка «Сиваш» находится в море. В настоящее время установка «Сиваш» находится в море.

«пищевом» — современного кафе. У нас на «берту» работает более двух десятков служб: буровики, механики, электрики, геологи, водолазы, прибористы и так далее. У каждой службы, конечно, своя задача, но дело общее — успешная разведка морских недр. Поскольку «Сиваш» работает в море автономно, приходится все делать самим, от организации работ до налаживания досуга и здорового быта. Каждый человек должен чувствовать себя на «Сиваше» как дома.

Сравнение «Сиваша» с домом я слышал буквально от всех. И неудивительно, куда пойдешь после работы? Можно конечно порыбачить, но чаще всего после смены все собирается в клуб-компанию. И споры здесь идут о литературе и любви, о море и космосе.

Невольно вспоминаю дом Циолковского. Я недавно там читал его работы, посвященные созданию будущих «звездных» поселений. Вряд ли сам Константин Эдуардович предполагал, что первый дом такого

МАШИНЫ И АППАРАТЫ НАПРЯМУЮ РАБОТАЮТ НА ДНОМ. РАБОТА НЕ ПРОСТАЯ.

МЕСТО РАБОТЫ — МОРСКОЕ ДНО.

ОСТРОВ ШАГАЕТ ПО МОРЮ

**ВЕРТОЛЕТ НАДЕЖНО СВЯЗЫВАЕТ
ИСКУССТВЕННЫЙ ОСТРОВ С БЕРЕГОМ.**

поселения — космическая станция — будет построен так скоро. Реальность обогнала самую смелую фантазию ученого. Космическая станция — не просто дом, но и победа человека над земной тяжестью, прорыв в космическую пустоту и стужу.

Так же стремительно настало время осваивать и «гидрокосмос». Какой дом строить в море? Можно, конечно, воспользоваться опытом нефтяников Каспия и построить в море многокилометровые эстакады и искусственные металлические острова. Но эта задача разрешима лишь при глубине моря до 100 метров. К тому же при подобном строительстве возникает целый ряд новых проблем: изменение фасада побережий, усложнение судоходства, недолговечность морских сооружений...

Мне однажды пришлось пережить шторм на знаменитых Нефтяных Камнях — городе в открытом море, построенном на железных сваях. И глубина моря там всего два десятка метров и сооружения прочны, но население этого города постоянно ощущало на себе всеильное дыхание разбушевавшейся стихии. Привыкнуть, говорят, к этому невозможно. Но это все же город с целой системой защиты от стихии, а каково работать на крохотной искусственной площадке, удаленной на сотни километров от берега? Правда, дом

на железных ногах построен с многократным запасом надежности: может противостоять любой стихии. Но все равно человеку трудно преодолеть сразу «боязнь моря». Особенно сугубо земным нефтяникам. Человека надо специально готовить для работы в этих специфических условиях, как готовят к дальним плаваниям моряков, к полетам космонавтов.

Профессия морского нефтяника, пожалуй, сейчас наиболее трудная. Еще труднее вести эти работы под водой. Специалисту, работающему под водой, придется испытывать громадное давление толщи воды, дышать «экзотическими» газами, находиться при низких температурах. Не случайно один американский астронавт, проработав длительное время под водой, сказал, что морские глубины значительно враждебнее космических.

Однако человек вынужден преодолевать и эти трудности...

— Чем привлекают геологов Черное и Азовское моря? — переспрашивает старший геолог «Сиваша» Владимир Кеба. — Значительной перспективой на открытие месторождений нефти и газа.

Первые же разведочные скважины, пробуренные в море, подтвердили: газ есть в промышленных масштабах. Геологи прикинули: например, Азово-Черноморье со своими запасами на многие годы удовлетворит быстрорастущие потребности Украины в газе. Бездымное топливо для Черноморского побережья с его знаменитыми курортами, фруктовыми плантациями и целебным воздухом, конечно, кстати. И не надо будет гнать газ из холодной Сибири за многие тысячи километров. Эти соображения и ускоряют поисково-разведочные работы на Черном и Азовском морях...

— Чем интересна эта скважина? — уточню я. Вместо ответа Кеба дал мне понюхать керн — столбик горной породы, поднятый с глубины за 4 тысячи метров. От темно-серого песчаника пахло характерным запахом углеводородов. Только опытный геолог мог понять ту далекую эру, в которой родились эти углеводороды и, закупоренные в горных породах, пролежали до наших дней. И вот пришло их время служить человеку.

— Газ будет! — уверенно сказал Кеба.

Освоение нефтегазовых ресурсов континентального шельфа — проблема сложная, однако острая нехватка энергетических ресурсов толкает развитые капиталистические страны на значительные затраты: освоение морского месторождения, например, на мелководье Мексиканского залива обходится в 30—50 миллионов долларов, а в глубоководном Северном море — 2—2,5 миллиарда. Сейчас поисками морской нефти и газа занимаются около 100 стран, а ее добыча уже приближается к 30 процентам от всего мирового объема. Активизировались поиски нефти и газа и на континентальном шельфе СССР.

Темпы освоения ресурсов зависят от скоростей развития системы «наука — техника — производство». На данном этапе ведущую роль играет фактор техники. Уже очевидно, что простой перенос береговой техники в море не даст качественного скачка. Наступает эра нетрадиционного подхода к освоению богатств, значительно удаленных от берега и разделенных мощной толщей воды, в районах с трудными погодными и океанографическими условиями. Дальнейший прогресс может быть достигнут, если отказаться от многих уже изживших себя технических средств и технологий и перейти на принципиально новые. История развития техники знает много таких примеров: многомоторные пропеллерные мастаноднты были вытеснены реактивной авиацией, появление транзисторов качественно изменило радиоаппаратуру, микропроцессоры вдохнули вторую жизнь в ЭВМ.

Однако все это требует солидной научной базы. Природная среда континентального шельфа — это единое целое, все составляющие которого находятся между собой в тесной, взаимообусловленной связи. Эти связи меняются очень быстро: прибрежные зоны многих стран это уже ощущают.

Изменения связаны с индустриализацией прибрежных районов, эксплуатацией разнообразных морских ресурсов, размещением хозяйств аквакультуры. Существенное изменение морского фасада приводит к утрате неповторимого облика берегов морей и океанов. Во многих странах уже пришли к необходимости не только переоборудовать побережья, но и провести определенные строительные работы для создания курортных центров с новым обликом. В будущем побережье любой страны будет не просто внешней границей, но и средоточием ее экономической и социальной жизни.

...Когда я вскакивал в кабину вертолета, командир был суров и немногословен: «Вы первый из корреспондентов, кого я взял на борт! Больше меня уже никто не уговорит!»

Наш вертолет пришел на базу за две минуты до захода солнца.

Выйдя из кабины, Губарев тяжело вздохнул: «Много я летал, но такого напряжения не помню. Ну и работенка у морских нефтяников!»

ЗА ЧЕРТОЙ ОБЩИХ ИСТИН

Александр РОГИНСКИЙ

1. ДОГОВОРИМСЯ О ТЕРМИНАХ

На одном представительном совещании, посвященном проблемам качества, некий уважаемый ученый рассказывал о причинах возникновения у строителей аварий. Показывал, что может произойти, если качество — проектов, работы, отношений — низкое.

Из зала кто-то невинно спросил профессора-аварийщика:

— Как вы считаете, а что такое качество?

Профессор энергично бросил в зал: — Надежность.

— Значит, чтобы достичь качества, надо повсеместно ввести перерасходы?

Завязался торопливый спор, который скорее похож был на спор мальчишек о том, кто «красивее забил гол».

— А на этот вопрос, — сказал мне один знакомый инженер, — вам никто и не ответит. Качество — категория философская.

Я бросился на поиски: кто-то все-таки должен знать!

Один говорил: качество — это соответствие ГОСТам и СНиПам; второй приводил пример, когда строители и монтажники с оценкой «отлично» сдали объект, а он и по сей день не может выйти на стабильную технологию. А ведь в промышленном строительстве едва ли не каждый узел сдается по актам. Тут вам и надежность, и соответствие требованиям, документам.

После всего этого мне стало как-то не по себе. Возникнул естественный вопрос, а как же строить, если мы не знаем главного, если...

— Но ведь мы строим, — резонно заметил мне мой давний знакомый, заведующий отделом качества УкрПКИ-монтажспецстроя Ю. Литвинов, — и строим неплохо. Больше того, уровень качества каждый год у нас растет. В 1980 году, скажем, организации Минмонтажспецстроя СССР сдали с оценкой «хорошо» и «отлично» 99,6 процента объектов.

— Ну, а качество, — с надеждой спросил я, — как его все-таки сформулировать, что оно такое?

— Да, — откровенно огорчился Литвинов. — Тут тебе вряд ли кто-то исчерпывающе ответит. Вот как, к примеру, расшифровывали оценку «отлично» в одной инструкции: «Работы, выполненные согласно СНиПам и при высоком мастерстве». А что такое это самое «высокое мастерство»? Абстракция. И все же, — оживился Литвинов, — что такое качество, можно сказать. Только для этого надо хорошо познакомиться с системой управления качеством, которую мы уже несколько лет внедряем в министерстве.

— Она действительно дает плоды? — Пока, — признался заведующий от-

делом, — идет организационная работа. Но КСУК обязательно заработает.

Этот наш разговор состоялся несколько лет назад. Тогда же мы договорились: как только система «подает признаки жизни», Литвинов мне сообщит.

И вот недавно телефон зазвонил.

Когда я приехал, Литвинов показал мне отчет, озаглавленный так: «Собственный брак».

— Если строитель начал показывать «собственный брак», значит, система заработала, — сказал твердо Литвинов.

Я взял несколько отчетов из главков. В 1978 году в пяти трестах «Главхим-промстроймонтаж» «собственный брак» вообще не указывался. В 1979 году его уже было указано на 14,1 тысячи рублей. В 1980 году — 12,6 тысячи рублей. А за первый квартал 1981 года — 21,7 тысячи рублей. Нет, строители не стали хуже работать, просто в этих главах одними из первых занялись внедрением системы.

Я не верил своим глазам: неужели строители, которые исстари свой брак перекладывали на плечи других — поставщиков, проектировщиков, управленцев, — вдруг ударили себя в грудь и во всеулышание заявили: «Мы — бракоделы!»... Да ведь за это и премию снимут и шею намылят...

2. «НАРОДНЫЕ ЗАСЕДАТЕЛИ»

Львов — город чистый. Мой сосед по купе убеждал меня, что потому во Львове начали бороться за качество, что это город чистый.

— Брак, — говорил сосед, — это всегда грязь.

Жарким утром я пришел в трест «Промхимсантехмонтаж». Я увидел дворника, который подметал домашним веником небольшую площадь перед зданием. Прошел внутрь и очутился в идеально чистом помещении.

Начальник технического отдела треста Ирина Петровна Ленская рассказала:

— До внедрения системы нам работало легче. Правда, сейчас строителям вообще тяжело. Три года мы вели подготовительную работу, разрабатывали (первыми в стране) стандарты, и в первый год работы системы показатели еще были, как говорится, «не очень», случались и удовлетворительные оценки. В 1976 году всего лишь 5 процентов объектов было сдано с оценкой «отлично»... Но система дала себя знать, сейчас у нас с качеством дела поправились. Что еще? — Она надолго задумалась. — Да, — сказала, словно вспомнила что-то, — мое отношение к системе — это частное мнение.

— И какое же это мнение?

— Еще не до всех она дошла (я имею в виду первых руководителей строительных организаций), и пока много бюрократии. Рабочие это чувствуют... А вообще лучше всего этот разговор оставить сейчас, познакомьтесь, что у нас есть, а потом... Знакомство, думаю, надо начинать с «моих девочек»...

Представьте себе, что к вам — уже взрослому человеку с богатой практикой и высокой должностью — приходит молодая и модно одетая женщина и начинает задавать вопросы. Больше того, бракует вашу работу. Такую работу, которая раньше считалась вполне сноской и сходилась с рук. Вы справедливо взрываетесь. И начинается мужской строительный разговор.

В этом женском царстве, которое носит прозаическое название «Группа управления качеством», Лариса Климова самая старшая. И по возрасту и по служебному положению. Лариса и оставит, когда нужно, и, наоборот, «поддаст жару», если это полезно для дела.

Средний возраст «народных заседателей», как еще именуют группу, 26 лет. Немного, если учесть всю серьезность вопросов, которыми они занимаются.

Ира Лотос зубок знает СНиПы (строительные нормы и правила): она отвечает за приемку работы от генподрядчиков. Это сильное оружие — знание СНиПов. Многие инженеры, занимающие солидные посты на линии, искренне изумлялись, когда Ира цитировала по памяти тот или иной параграф.

Надя Иванус — крупный специалист по оценке качества труда. Она занимается еще и «собственным браком», то есть потерями...

Несколько слов надо сказать о предмете нашего разговора — системе управления качеством. «Ее цель, — как записано в документах, — создание условий, позволяющих обеспечить необходимый уровень работ в соответствии с проектами, СНиПами и стандартами. Эта цель достигается решением трех основных взаимосвязанных задач:

- установлением критериев и показателей качества;
- обеспечением качества в соответствии с установленными критериями;
- получением информации о достигнутом уровне качества и его поддержании».

На составление и разработку стандартов у группы ушло три года. Но это была настоящая исследовательская работа, а «бумаги» такого рода — первыми в нашей стране в области строительства. Сегодня в тресте создано уже 34 стандарта, которые охватывают все уровни управления качеством. Потому система в тресте и носит название комплексной.

За качеством от первого кирпичика до начала выпуска продукции «следит стандарт». Он одергивает бракоделов еще тогда, когда на площадку приходят первые чертежи: он же вмешивается в профессиональные и нравственные вопросы: следит за квалификацией рабочих, руководителей, за их отношениями; следит за тем, как выполняется сама работа.

Стандарт решает массу вопросов, у него масса дел. Но не у одного, конечно, стандарта. Один в поле не воин — и здесь уместна эта формула. Тридцать четыре богатыря, каждый из которых имеет в руках сильное оружие — закон, вступают в единоборство с расточительностью, ленью, nepopядочностью, непрофессионализмом, низким мастерством, низким качеством, наконец. Стандарты, каждый на своем месте, проводят воспитательную работу, они учат человека порядку. Это, конечно, если стандарт хороший.

— СНиПы, — сказала, объясняя, мне Ленская, — это лишь алфавит, «свод правил», а стандарт — живое слово и реальная сила. Было немало скептиков, которые считали, что стандарт применим лишь к вещи, а человек как-нибудь обойдется и без него. Не обошелся да и никогда не обходился. Разве то, что вы приходите на работу в одно и то же

время, не стандарт? А норма выработки?.. Но это разрозненные, неувязанные стандарты, потому и работают они вяло. А вот если их в одну упряжку, а вожжи в одни руки... КСУК этого и добивается. Если управляющий трестом в конце каждого месяца даже мельком просмотрит все наши стандарты, у него тут же вырисовывается реальная картина состояния его «войска». Он четко будет знать свои возможности, резервы экономии. Он, не вызывая к себе подопечных, может знать, чем они занимаются, а главное — как и какая от этого отдача. Он будет, словом, знать качество труда всего треста.

Когда группа разработала стандарты и начала их внедрять, это многим не понравилось. Действительно, если начальник управления или главный инженер многие годы работали и их хвалили, а тут вдруг КСУК начал показывать и сигнализировать наверх, что не только хвалить не за что, а и вообще доброго слова тот или иной руководитель не заслуживает, — кто же этому порадуется?

— Знаете, чем КСУК всех сегодня завоевывает? — спросила Лариса Климова. И сама ответила: — Честностью. До этого ведь никто серьезно не занимался самообразованием. А тут получается, что каждый месяц составляется как бы социальный портрет коллектива. Один начальник управления мне как-то сказал, что до КСУКа он, оказывается, не знал полностью свои служебные обязанности. И это многие строители могут сказать о себе. КСУК, например, выявила и такую не очень радостную для нас цифру: на 70 процентов наша линия занята рутинным трудом.

Да, стали показывать свой брак; начали применять строго штрафные санкции. В тресте десять управлений и два завода. Так вот, эти управления теперь штрафуют свои же предприятия, от которых приходят некачественные изделия. На первых порах в это трудно было поверить, и директора заводов апеллировали к управляющему: «Нельзя, мол, сор из своей избы выносить, ведь это отрицательно сказывается на общем финансовом состоянии треста». На что управляющий трестом М. А. Сорка отвечал: «Сор для того и выносится, чтобы в доме было чище». «Стали бракоделами» — отвечайте.

Подобное происходило и с наказанием нерадивых руководителей. Показал КСУК низкий уровень руководства участком, управлением — выговор.

Теперь к такому поведению системы управления качеством привыкли, стало меньше апелляций...

Все привыкли и к «дням качества», которые проводятся регулярно, и к появлению молодых женщин-инженеров в самое неподходящее время.

— Система подтянула многих до высшего уровня, заставила работать на повышенных оборотах, не допускать потерь, — говорит Лариса. — Она выравнивала требования ко всем службам; вносит справедливость в материальное и моральное стимулирование. А это уже много.

— Ну, а главные производители — рабочие бригады — почувствовали они силу КСУК?

— А вы поезжайте и посмотрите. Советую комсомольско-молодежную бригаду Ярослава Обуха. Она монтирует шагающие экскаваторы. Там и требования к качеству и экономии высокие и бригадир интересный человек.

3. ШИРИНА ШАГА

— Да, качество, — сказал начальник участка С. Е. Фразе-Фразенко, — это проблема. Вот какую глотку надо иметь, — показал он на горло, — чтобы его добиться. А бумаги? Я тут писарем стал. Но система, — сказал он после недолгого раздумья, — хо-ро-ша.

— Чем же? — поинтересовался я.

— А тем, что вольную птицу — строителя заставляет летать по одному

маршруту... Что сказать о бригаде Обуха? Она и до этой системы работала неплохо: все экскаваторы в карьере — роторные и «шагаи» — смонтированы. Но КСУК помогла лучше организоваться. Я вот эту статистку заполню и начальству пошло. И если рабочий не обеспечит своими действиями нормальную работу, то тем самым он подведет и самого себя. Ведь и его работа по такому же стандарту проверяется. Информация снизу доверуха. И первый сигнал подает бригада. Вот пока какова ее роль в системе управления качеством... Правда, сигналы могут быть разными: одни слабыми и ложными, другие сильными и правдивыми. Та бригада, которая сознанием доросла до правдивой информации КСУК, полезна... А «правдивыми» обычно являются бригады высококвалифицированные, которые хотя нормально работать. Слабому коллективу лишь бы день до конца добить, а такой бригаде, как у Обуха, каждый день подавай хорошее снабжение, оперативный простор. Каждый день решаешь проблемы — да все одна другая крупнее... Это, конечно, от человека идет. Личность сама живет крупными делами и других заставляет так жить. Мелкий человек вопросы мелкие задает.

Обух — личность. Если ты ему не помог, он сам себе поможет. И тут нет для него преград. Главный для него принцип — он не любит ждать. Значит, время беречь надо. Сколько помню его, столько удивляюсь этой его настырности.

Вот недавно в поселке, где он живет, не было долго воды. Приехала в это время делегация знакомиться с жизнью Новояворовска. Обух тут как тут. Подходит ко мне, спрашивает: «Где тут главный?» Я ему показываю. Он, недоумая, раздумывая, напрямик к нему. Управляющий наш за спины спрятался, машет мне рукой — ты, мол, что? Обух все обстоятельно рассказал высокому начальству, вода вскоре в поселке была.

Эта черточка его характера — «не могу ждать» — не всем нравится. Но для его работы она просто-таки необходима. Однажды, к примеру, заартачился шеф-монтажник — не разрешил менять «на горячую» подшипник на роторном экскаваторе. Из принципа не разрешил — разругался с бригадиром. Обух все подготовил — резак, горн, — спрятал в бытовке, выждал момент, когда шеф-монтаж не было на площадке, и провел молниеносную операцию. Потом шеф-монтажник руками размахивал, но дело было сделано.

С «шагаями», знает, маеты много, а заказчик сонный какой-то. Вот и сейчас бригада монтирует «шестикубовик», а шпал нет, не на чем выставить опорное кольцо... Мы тут ничем помочь не можем, это дело заказчика, и Ярослав выходит на главного инженера объединения. Благо, тот живет с ним в одном доме.

— Ну что, хватит? — спросил Фразенко. — Мне кажется, достаточно, чтобы составить о Ярославе верное представление. Обух как раз тот бригадир, который «подаст» системе верный и своевременный сигнал, но и потребует тут же ответа.

4. БРИГАДИР

Зной плотный, сухой: земля курится, дышать тяжело.

Ярослав ведет меня к экскаватору. Второй пятнадцатикубовик уже смонтирован, сейчас здесь заканчивают свои работы электрики.

«Шагаи», как его ласково называют монтажники, — это небольшой завод по выемке грунта; это 1600 тонн металлических конструкций, оборудования. Здесь целое хозяйство: лебедки, двадцатитонный мостовой кран, гидросистема, километры проводов... Почти все сделано из металла. Это и понятно: чтобы быть устойчивым, экскаватор должен быть тяжелым, для этого добавляют сюда еще металлические шары — контргрузы.

Сами размеры и назначение экскаватора диктуют и класс точности работы. Он при сборке должен быть очень высоким. Достаточно сказать, что давление в гидросистеме достигает 240 атмосфер. А, к примеру, допуски торцевого биения — 0,03 миллиметра.

Сборка ЭШ-1590А (емкость ковша 15 кубометров) состоит из 34 основных операций. На каждую определены точный срок и уровень качества, за которыми строго следит представитель Уралмашзавода, или, как его еще называют, шеф-монтажник. Все узлы им проверяются.

Монтажники на сборке этого гиганта должны обладать многими специальностями. Для того, чтобы смонтировать зубчатый венец (на допуск 0,02 миллиметра), надо поставить на площадке сверлильный станок. А для того, чтобы провести клепальные работы, нужно уметь обращаться с горном.

Контроль за качеством строгий. Клепку, например, проверяют так: кладут рядом с клепкой шарик, бьют с противоположной стороны молотком. Если шарик запрыгал, значит, брак. На первом «шагае» прислали аса-клевальщика, уже немолодого рабочего. Так 40 из 50 клепок пошли в брак. А все потому, что спешил: привык на роторных к 20 секундам, а здесь в два раза дольше процесс клепки должен длиться... На второй «шагай» в бригаде клепал уже специально подготовленный молодой монтажник: отлично сработал.

Но, конечно же, самым строгим судьей качества служит работа экскаватора в карьере. Монтажный брак сразу виден. Одним из главных критериев здесь является надежность. Вот когда зашагал первый ЭШ в карьер, то чуть не случилось беда. Экипаж на экскаваторе поспешили необученный, так рванули стрелу, что, казалось, никакая клепка и сварка не выдержат. Но выдержали.

А в карьере? «Шагаи» потому и ставят сейчас с роторным комплексом, что последние здесь, на руднике, часто выходят из строя. Грунт тяжелый, просто добывать серную руду. Вот и ставят, как более надежный, шагающий экскаватор. Он должен все выдержать, а значит, должен быть собраным также со Знаком качества.

Задача определяет уровень организации, взаимоотношений, квалификации.

— Есть просто летчики, — говорит Обух, — а есть летчики-испытатели. И у нас так: каждый день для нас испытание. Казалось бы, монтаж экскаваторов, поскольку они одной серии, должен быть одинаков, но это не так. И монтажная схема подчас другая и условия несхожи.

Высокое качество конечного «продукта» требует высокого качества на всем пути его изготовления. Следовательно, комсомольско-молодежная бригада Обуха должна быть чуточку лучше остальных, в ней должна быть особо строгая дисциплина, понимание поставленных задач; она должна быть высококлассной бригадой.

И это так. Не зря ведь именно этой бригаде поручался монтаж всех роторных и шагающих экскаваторов, работающих в карьере. Да и когда ремонтировать технику надо, частенько вызывают Обуха, хотя дело это не его, а эксплуатации.

Как же был достигнут этот уровень? Бригадир создал свои стандарты, которые, на удивление, точно совпали с теми, что имеет и КСУК. Ну вот, например, оценка качества труда и работы (совместим эти стандарты). Сюда входит и оценка отношений членов бригады, расстановка специалистов, соответствие разряда работы, разряду рабочего.

Обух сводит в пары абсолютно разных людей. Если ты куришь, в напарники получаешь некурящего; если любишь пошутить, порабатывай с малоразговорчивым, если ты меланхолик, вот тебе в товарищи весельчак... Полная несовместимость. Сознательное обострение взаимоотношений. Кажется, при таких

жестких условиях, когда люди сталкиваются не только со сложной работой, но и со сложным микроклиматом, когда они еще должны преодолеть барьер психологической неприязни; невозможен работоспособный коллектив. Взрыв неминуем. Но...

— Не люблю унижаться до конфликта, — говорит Обух, — а то, что «сталкиваю» людей, лишь укрепляет коллектив. Давление в работе мы испытываем высокое, значит, и «стенки» наши должны быть крепкими. А я убедился: если работают разные по характеру люди, они обязательно начнут взаимодействовать, начнут в конце концов учиться друг у друга. Ведь одинаковые заряды отталкиваются...

В стандарты «оценка качества труда и работы» входит и такой показатель: что может бригада?

— Каким бы совершенным ни был проект, — считает Ярослав, — рабочий все равно должен подумать, как выполнить экононее. Есть, правда, вынужденные рационализаторские предложения, когда рабочий ликвидирует безграмотность инженера. А есть такие предложения, которые что-то вносят и в технический прогресс.

Творчество в бригаде Обуха стало нормой. Потому, наверное, не всякое предложение оформляется как рационализация. Казалось, всем хорош ППР, по которому монтирует бригада ЭШ. Да это как посмотреть. Вот, к примеру, монтаж нижнего и верхнего поясов стрелы. Он по ППР предусмотрен с помощью стометрового троса. Инженеры так рассчитали: он должен быть на площадке, этот трос. А его нет — и basta. Останавливать монтаж? Бригадный совет садится за стол, решает сложную задачку. И обходятся без троса вообще, заменив его двумя кранами. Это не только сэкономило дорогостоящий трос, но и улучшило технологию монтажа.

Перед своим начальством Обух редко ставит технические вопросы, больше организационные, бытовые, социальные. Конечно, ответственность большая ложится на плечи бригадира. Но иначе, считает Ярослав, работать нельзя. Когда же собирать машину, если начать бегать по начальству с пустяками.

...Бригадир заботится обо всех и других учит тому же. «Шагаи» требуют не только кропотливой и сложной работы, но и специальных инструментов. Таких, каких не выпускает в нужном количестве наша промышленность. И бригада по крохам собирает: от ротора остались пневматические гайковерты, от «шагав» — рейберы. Инструменталка у бригады — позавидуй. Но, кроме нее, у бригадира есть специальный сейф, в котором он хранит особо ценные инструменты; ключ он носит всегда при себе.

Так бригадир учит бережливости, сознательному отношению к труду... Хороший у бригады получается стандарт, целиком и полностью он укладывается в рамки системы управления качеством.

5. ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Но не переставал меня волновать вопрос: а есть ли веревочка, связывающая КСУК с бригадой? То, о чем я рассказал, уже было у Обуха до внедрения системы. Да, КСУК помогает работе бригады, наводит вокруг нее порядок. Но непосредственно на организации работы бригады не сказывается.

Получается так. Обух построил свой коллектив сообразно своим профессиональным (очень высоким) возможностям и человеческим (как мы видели, довольно убедительным) принципам... Обух «подаст» системе грамотные и своевременные сигналы, но ведь многие вопросы повисают в воздухе.

Тут вроде бы круг замыкался. Не хватало одного звена в системе.

— Стандарта, — уточнила И. П. Ленская. — Только-только мы начали разрабатывать такой стандарт для бригады, который и поможет решить многие из вопросов бригадной организации труда.

Но и сейчас бригада уже многое дала системе управления качеством. Она помогла вскрыть глобальные проблемы, с которыми сегодня не считаются уже нельзя. Вот, к примеру, первый шагающий экскаватор коллектив Обуха монтировал по методу Злобина. Условия договора они выполнили, а премию от заказчиков ждуть и по сей день. У бригады сейчас сложилась довольно сложная ситуация на монтаже «шестикубовика». И снова заказчик... С ним КСУК бороться не может, поскольку заказчик находится вне зоны влияния.

У нас нынче весь город охвачен системой управления качеством. В последнее время ее начали называть комплексной. Но такой, к сожалению, она, как мы видели, у нас пока не стала.

С генподрядными трестами «Львов-промстрой», «Львовжилстрой», «Львов-сельстрой», «Дрогобыч-промстрой» мы начали давно работать по системе. Но старые строительные болезни во многих случаях положили КСУК на обе лопатки. Мы не принимаем у генподрядчика объект с недоделками, он нас же наказывает материально. А как быть с такой проблемой? Есть у нас сантехническое управление, которое очень трудно работает и всегда в числе отстающих. Причины здесь не столько в плохой организации, сколько в еще существующих диспропорциях в нормировании и оценке труда. У сантехников много мелкой работы, которая плохо оплачивается. Разве в этом можно винить руководителей управления?

А планирование качества? Здесь вообще «нога человека еще не ступала». А ведь КСУК предполагает и это, как предполагает и материальное стимулирование за высокое качество работ.

Итак, бригада Обуха «подаст» грамотные сигналы, они фиксируются: резко проявляются крупные проблемы, мелкие решаются на месте. Связь есть, есть и какие-то положительные результаты. Но заслуга ли это системы, не вводим ли мы себя в заблуждение? Ведь как определяется это понятие в «Словаре русского языка»? Система — это «нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей». Где же эта «взаимная связь частей», если даже в том же Львове, где процветает культ системы управления качеством, не все строители по ней работают, не говоря уже о заводах, проектировщиках...

Какую бы совершенную систему управления качеством ни создал у себя трест «Промхисантехмонтаж», она будет малоэффективной именно по этой причине: кто-нибудь да подставит ножку, кто-нибудь да забудет о порядочности и ответственности.

Ведь, честно признаемся, еще немного у нас бригад класса бригады Обуха. И система управления их не воспитывает, а «берет» готовыми. Локальность, замкнутость КСУК грозит и еще одной большой неприятностью — искусственным созданием новых проблем.

Надо четко уяснить себе: наполовину сделанное дело — это все-таки полдела. А если отсутствует тенденция к совершенствованию, ликвидации узловых проблем, то это уже вредное дело, потому что равнодушие и косность, а также демагогия несут только вред. И в хорошем тресте «Промхисантехмонтаж», где внедрением полезной системы занимаются упорно и настойчиво, я уже почувствовал нотки усталости: сколько же можно? Сколько можно говорить о комплексной системе управления качеством и не внедрять повсеместно ее? Сколько можно...

— Качество и проблемы — вещи несовместимые, — веско сказал Литвинов. — Показатель высокого качества — показатель уже решенных проблем. Отлаженной экономной работы. То, что есть во Львове, пока достижение отрасли. Многие проблемы там успешно решены, значит, и определенный уровень качества уже достигнут.

Что ж, тут нам нечего возразить.

В традиционной рубрике «Новое имя» наш журнал постоянно знакомит читателей с творчеством начинающих прозаиков и поэтов. Но вот в № 15 «Смены» за 1979 год такую рубрику можно было поставить к каждому материалу — он был посвящен творчеству подростков. В этом номере редакция напечатала рассказы двух шестнадцатилетних девочек: «Предательство» Майи Валеевой из Казани и фантастический рассказ «Испытание» Марии Мамоновой из Москвы.

За прошедшие годы «Смена» не теряла творческих контактов с юными авторами, были на их пути, конечно, и неудачные пробы пера, и вот в этом номере мы с радостью печатаем новые рассказы Майи и Марии.

Майя **ВАЛЕЕВА** — студентка Казанского университета, ее будущая специальность — «охрана природы». Природа, отношение человека к животным — это и главная тема ее творчества. Слово «творчество» в данном случае совсем не громкий аванс Майе. Она автор книги «Повесть о черной собаке», сейчас работает над повестью о студенческом движении по охране природы, в котором и сама принимает активнейшее участие.

Мария **МАМОНОВА** теперь студентка философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Увлечение фантастикой осталось, но она стала активно пробовать себя и в реалистическом жанре. «Сенька-грибник» — одна из этих проб, на наш взгляд, удачная.

Хотелось бы получить ваши отклики на публикуемые рассказы, дорогие читатели, ведь они так важны для начинающих прозаиков, делающих первые шаги по тропке, ведущей к литературному мастерству.

Майя **ВАЛЕЕВА**

ВОЛЧИЦА

РАССКАЗ

Памяти Валерия Ринчинова

В морозную и светлую ночь волки вышли на окраину леса. Они стояли на пригорке и смотрели на поселок. Пахло человеком, собаками, лошадьми, дымом — всем, что так пугало и так немислимо влекло их.

Волчица посмотрела на свою тень и тень волка, потом подняла голову. Блеск луны всколыхнул все внутри, и ей почудилось, что она видит лицо человека. Извечный страх перед ним сковал ее, и она затащила длинную высокую ногу.

— Ай-йо-у-й-й! — басом ответил волк.

На крайнем дворе, за забором, залаяла собака. Волк отступил назад, тронул волчицу носом. Она не обратила на него внимания и заела громче. «Мой хозяин, он вам даст, даст, даст!» — захлебывалась собака. Волк тихо зарычал. Его пугала непонятная привычка волчицы выходить каждую ночь к поселку.

К этой зиме она стала взрослой, и молодая, красивая, посеяла в стае волнение и суматоху. Дрались старики и слабенькие переярки, пока не появился он — крупный и широколобый. Весной убили его старую светло-серую подругу, и он долго тосковал о ней. Но эта, высокая, подозрительно рыжая, взбудоражила в нем все прежнее, и он без труда отбил ее у своих соперников.

Во дворе, где лаяла собака, заскрипели ворота, и волк понял: это человек. Он предупреждающе зарычал, но не тронулся с места — не мог оставить свою подругу. Волчица как завороченная смотрела на человека, и в ее глазах был

Рисунок Сергея ГЕТЫ

Мария **МАМОНОВА**

РАССКАЗ

СЕНЬКА-ГРИБНИК

Сенька-а!.. Да куда же ты запропал?! — кричала мать откуда-то издали, и голос ее закатывался в низкорослый ельник.

— Тута-а я-а! — ответно вопил Сенька, прекрасно зная, что не «тута», а «тут», но залихватисто, со вкусом вывода это певучее — «та-а я-а...»

Сеньке уже стукнуло восемь, и он перешел во второй класс русской школы. Русской — потому что семья его жила в маленьком латвийском поселке, возле самого побережья.

Было семь утра. День только начинался, и солнце вставало из-за моря и просвечивало сквозь утренний туман большим масляным пятном. Море шуршало мягко, тихонько, над его ровной дымчатой поверхностью лениво кружили чайки. Роса еще блестела на траве плотными пластмассовыми шариками, над песчаной почвой стлался пар. День начинался великолепный. Настоящий июльский день.

— До обеда, похоже, сполна собираем. После вчерашнего дождика грибов

повылезло! Только присесть успевай. Ну, пошли на просеку, там поглядим. — Мать сняла плащ, скатала его, сунула в корзину, подхватила ее и быстро зашагала, оставляя по росе темно-сырой след.

Сенька еще посидел на треснутом пне, наблюдая за огромными оранжевыми муравьями, ползавшими неторопливо по корявой, словно измятой, коре.

— Эй, Сенька! — позвала мать.

Он вскочил и помчался к просеке. Яркая косынка матери мелькала в березовом молодняке. Березки ютились под основными гигантами. Спустившись с пригорочка, Сенька удобно расположился среди витиеватых корней старой сосны, осевшей в песок, точно оплывшая старая свеча.

Просекой называлась полоса между мелкими, еще юношески пушистыми сосенками и березками, выходящими на самый пляж, и высокими многолетними мачтами леса. Просека была вырублена под столбы электропередач.

В разрыве веток и облаков блеснула чайка, за ней — еще, словно брызнули белыми стусками пены. Хвоя покрывала траву, и Сенька ощущал ладошками эту теплую пружинящую подстилку. Ароматы березы, хвои, грибов и солоноватый, терпкий морской воздух смешивались в одно утреннее благоухание. После вчерашнего дождя в мире было особенно светло, радостно. В такие дни дерзкими, яркими делаются спокойные обычно северные краски — дождь словно вымывает все тусклое из них.

Сенька любил сосновый лес за его прозрачность, привольность. До самого донышка просвечивают деревья! Трава низенькая, на кочках чуть пробивается кустарник, расстилается мох, и все кругом — стебли, мох и даже лепестки цветов — все покрыто тонким налетом хвои или отдельными иссохшими хвоинками.

— Сенька! Пройдись вдоль просеки, погляди там! К обеду должны домой обернуться!..

Он не сразу поднялся. Руки, ноги онемели, не слушались его ленивого приказанья, будто не он сам, а вот эта громадная свеча-сосна, под которой он сидел, командовала им, как одним из своих бесчисленных корней... Сенька сонно встал и, волоча за веревку пустую корзиночку, пошел на склон. По пути попались два масленка. В лоснящихся кремевых шляпках торчали иголки.

страх. Она попятилась назад. Она впервые видела человека, но пошла к лесу лениво, хотя и дышала тяжело, открытой пастью. Сзади нервной трусой шел волк. Она оглянулась. Человек все стоял, и по светлomu снегу тянулась его черная кривая тень.

Толян услышал лай Туза и тут же вскопчил. После жарко натопленной избы на морозе перехватило дыхание. Черный лохматый Туз гремел цепью и надрывался в лае. Толян вышел за ворота и увидел волков.

Он весь задрожал от возбуждения. Волчьи шкуры, серые, темные, пушистые... Снова мерещатся, не дают покоя. Вот они, волки. До них рукой подать. Но вдоль леса тянулись один за другим полосатые столбы. Даже волков охраняли в этом проклятом заповедном лесу.

И снова явились видения. Волк в его капкане прыгал, рвался, лязгал зубами. А он с размаху бил прикладом по оскаленной пасти, по мутным от бешенства глазам. И волк визжал, извивался под его ударами. А он все бил и бил по уже бездыханному телу...

Толян очнулся потому, что весь ооченел. Волки исчезли.
— Заткнись! — Толян пнул собаку ногой, и Туз, поджав хвост, полез в конуру. Толян вошел в сени, вытащил капкан. Он поглаживал толстую тугую пружину, а перед глазами снова и снова метался волк.

В Игрим мы приехали утром. Потрёпанный грузовичок остановился у двухэтажной бревенчатой конторы Игримского заповедника. Вышла пожилая красивая женщина, и мы узнали тетю Ульяну. Она была в заповеднике лесничим и тоже вспомнила нас. Тетя Ульяна улыбалась:

— Приехали наконец! Мы ведь вас ждали. Сейчас вот Михалыч выйдет, директор наш новый.

— Здравствуйте, тетя Уля! — закричали мы наперебой.
Стали выгружать свое добро. И потому, что было утро и солнце, потому, что нас ждали, потому, что впереди было самое интересное и трудное, бесшабашная детская радость охватила нас. На снегу уже высилась пестрая гора из «станкачей» и рюкзаков, лыж, спальников, ящиков. Отовсюду свисали, торчали и тянулись какие-то ремни, шнуры, ляжки. В центре лежала уродливая старая сетка с супами в пакетах.

Грузовичок урчал и дышал на нас своим теплом. Резко пахло бензином. Я оглянулась и увидела, что на меня смотрит Леша. Борода и ресницы его покрылись инеем, и было так красиво: белый иней и черные глаза.

— Замири, Лешка! Выдающийся кадр! — закричала я, судорожно настраивая фотоаппарат. Лешка засмеялся и показал мне язык. Затвор щелкнул.

— Ну вот, все испортил! Дите малое...
Михалыч оказался молодым очкастым парнем. Он крепко, по-медвежий поздоровался со всеми нами, потом позвал Лешу в контору.

— У командора военный совет, а нам что, замерзать? — хитро спросил меня Рустик.

— Не-е, Руст, — осторожно сказала я, предчувствуя последующие события. Рустик чуть приподнял меня, сзади на него налетела Сонька.

— Наших бьют! Держись, Руст! — закричал Женька и бросился к нам. Я вцепилась в Рустика, пытаюсь уронить его. Но через несколько мгновений мы с Сонькой валялись в сугробе. Мальчишки хохотали.

— Сонь, представляешь, как это дико смотрится со стороны? — сказала я.

— Да, наверное, очень!
— Ну, кто на меня? — спросил Рустик.

— Ввиду явного преимущества соперника сдаемся, — проворчала Сонька. Мы вылезли из сугроба и стали отряхиваться от снега. Большая черно-белая лайка подошла к нам и обнюхала валенки. Соня вдруг сказала:

— Как хорошо, что мы всегда и во всем им верим, правда?

— Кому? — не поняла я.

— Да этим вот! — Соня кивнула в сторону мальчишек.

— Этим — да!
Вышли Леша и Михалыч. Леша надел шапку:

— Хлопцы, нам в Галашки, хутор тут такой есть. Через двадцать км мз! Рюкзаки, лыжи, палки — все летело обратно в кузов. Сетка с супами развязала,

и все посыпалось на дорогу. Мы проклинали сетку и ползали под машиной. И тут я услышала тонкий смехок.

Неподалеку стоял парень в телогрейке и волчьей шапке. Он был мал ростом и тощ, с красным жабым лицом и широко разбросанными глазами. Он улыбался и жевал папироску.

— Эй, парень, закурить будет? — спросил Леша. Парень засуетился, полез в карманы. Я подошла к тете Ульяне:

— Кто это, тетя Уля?

— Да горе наше, Толян... Все ему нипочем. Знаешь, дочка, ловит он зайца и шкуру с него, живого-то!

— Зачем?!

— Заяц кричит, а Толяну приятно...
Парень подошел и протянул Леше на красной крепкой ладони мятую папиросу.

Мы погрузились, и машина тронулась. Ледяной ветер охватил нас. Поселок остался далеко внизу и казался теперь игрушечным.

Все это время Толян стоял на другой стороне улицы. Незнакомые шумные ребята встревожили его. Толян все жевал потухшую папиросу. Он вспомнил, как лесники говорили о каких-то «дружинниках» — ждали приезда студентов, которые в каникулы будут охранять заповедник.

Они откуда-то с Волги. Наверное, даже его ровесники. У него вдруг появилась и заскребла нутро щемящая зависть к их веселью, их смеху, к той неведомой, иной жизни, которой жили эти люди и которой никогда не знать ему, Толяну. И он уже ненавидел их. За их смех, за свой неосознанный еще страх перед ними. За шутками, смехом скрывалось что-то другое, серьезное и враждебное ему. Это он почувал сразу. Хотя и смеялся черноволосяй бородатый парень, но глаза у него упрямые, цепкие. Такой докопается до всего.

Сегодня в одиннадцатом квадрате, там, где тянулась цепочка волчьих следов, Толян поставил капкан.

Наконец-то оттаял заледеневший потолок, и теперь со свежих бревен, с сырого, голубоватого мха-сфагнума падали холодные капли. Согретое зимовье вздохнуло сухим жаром, от которого заколыхалось пламя керосиновой лампы. За маленьким окошком был черный невидимый лес. Глухо шумела речка Сулем, и мне снова захотелось ее хрустально-холодной воды.

Позади — десять дней работы. Мы, как цыгане, кочуем из зимовья в зимовье, бродим по тайге. Нетронутые снега, завалы, горы. Подгоревшая каша по утрам и горячий чайменный кофе в кружке. Длинные вечера, когда приятно ломит мышцы и можно растянуться на деревянных нарах, наслаждаться теплом и смотреть сквозь ресницы на блики огня, которые скачут по бревенчатым стенам. И слушать треск дров и метель за стеной.

Рядом пыхтел над приемником Рустик. Он решил вдруг приобщиться к цивилизации, но приемник упорно не хотел ни петь, ни говорить.

— Бог с ней, с цивилизацией, Руст, — сказала я, но уже не слышала, что он ответил. Я смотрела на Лешкино лицо. Он спал и даже во сне хмурил брови. Вдруг открыл глаза, словно проснулся от моего взгляда. Улыбнулся:

— Завтра еду в Игрим, к Михалычу. Надо писать отчет.

— Давай будем писать!
Мы сидели рядом, почти касаясь друг друга. Он держал свечу у самого носа, пытаясь разобраться в своих каракулях.

— Так, восемь капканов на кунцу, два на норку... Два ружья, семь протоколов. И еще научная часть.

В его черных глазах прыгал огонек свечи.

— Ты на вечного странника похож... — тихо сказала я.

— Что? Тропление лосей, зимние учеты... Ты пишешь?

— Смотри, Рустик спит с приемником.

Рустик спал, не выпуская из рук приемника, в котором что-то булькало и пищало. Лешка потянулся, встал, задев макушкой потолок.

— Жарко. Может, подышим, а то я тоже засну!
Мы вышли. Луны не было, и только звезды сверкали всюду. Яркие и большие.

— Лешка, они звенят, слышишь?!

Бахрома была точно как у мамы на шарфе. Сенька аккуратно срезал их, оставив в земле свежие блестящие пеньки. Осмотрелся. Даже прилег на траву. И необыкновенное царство представилось его глазам.

После дождя несметное число грибов раздвинуло землю. Они не успели еще вырасти, сгорбиться, одряхлеть, а только выглянули из своих шалашиков, залитые росой, глянцево-зеленые, как парное утреннее солнце. Каждый грибок словно жил в своем доме, на своей улице, такие у них разные были физиономии. Бурные, багряные, болотно-зеленые сыроежки, оранжевые рыжики, карие маслята... Сенька осторожно снимал травинки, раздвигал стебельки, серьезно разговаривал с каждым мальшом.

Вот на розовом боку грибка сидит плоский розовый жук, не хочет уходить. Упрямится, не идет в мох. Пришлось посадить на колокольчик. Тогда жук заулыбался, снова сложил хрустящие крылья и застыл, поводив черными лаковыми усами. Вот четверо сыроежек срослись вместе — на общей ножке четыре шляпки. Улитка пыталась против воли разделить братьев — Сенька отнял у нее грибы. Вот горькушка прильнула к шершавому древесному стволу, и сама искривилась, чуть в петлю не завязывается. Головку наклонила, прислушивается, как дышит, ходуном ходит кора, текут соки, семян где-то наверху муравьи. Сенька подоткнул горькушку мхом, чтоб удобнее лежалось, грезилось, и пополз к ложбинке. Там попался ему гриб совершенно необыкновенный. Он чуть падал на бок, а три толстых, упругих стебля придерживали его с трех сторон. Казалось, что он, Сенька, с далекой-предалекой высоты разглядывает исполинское, сложное сооружение. Стебли увенчивались тяжелыми малиновыми цветами, и гриб тоже был малиновый, высокий, будто его грибы-соседи превратились в цветы, а он потянулся за ними, да так и остался на полдороге — длинным, изящным грибом, но коротким, неуклюжим цветком. А дальше виднелись другие: и семейки, и пары, и одиночки, под корнями, в траве, на песке, перепачканные смолой, землей и туманом... Глаза разбегались! Маленькая корзинка наполнилась до краев, и тогда Сенька лег на спину. Над ним струились облака и рассеивающийся туман. Солнце властно ступало, и уже не только ходили лучей, а толпы лучей шагали и суетились в лесу — сплошные потоки света. Все искрилось, мелькало, меняя цвет под широкой солнечной кистью.

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

и даже не стал завтракать, чтобы никого не разбудить в доме и избежать расспросов. Сразу выскочил на залитую горячим светом улицу и помчался на велосипеде вниз, к сверкающему морю. Девушка ожидала его на скамейке, светловолосая, в парусниковой юбке и белой майке, так красиво оттеняющей ее загар. Она улыбнулась, спросила удивленно:

— Как, мы поедем вдвоем? — кивнул на велосипед. — Но я никогда...

— Ничего, — решительно перебил он девушку, улыбаясь. — Всем иногда приходится делать что-то впервые.

Они помчались под гору знакомой дорогой, и он бережно прижимался к этой красивой девушке.

— Где ты была так долго? — спросил он, когда они уже сидели на скамейке в тени пышных пальмовых шапок.

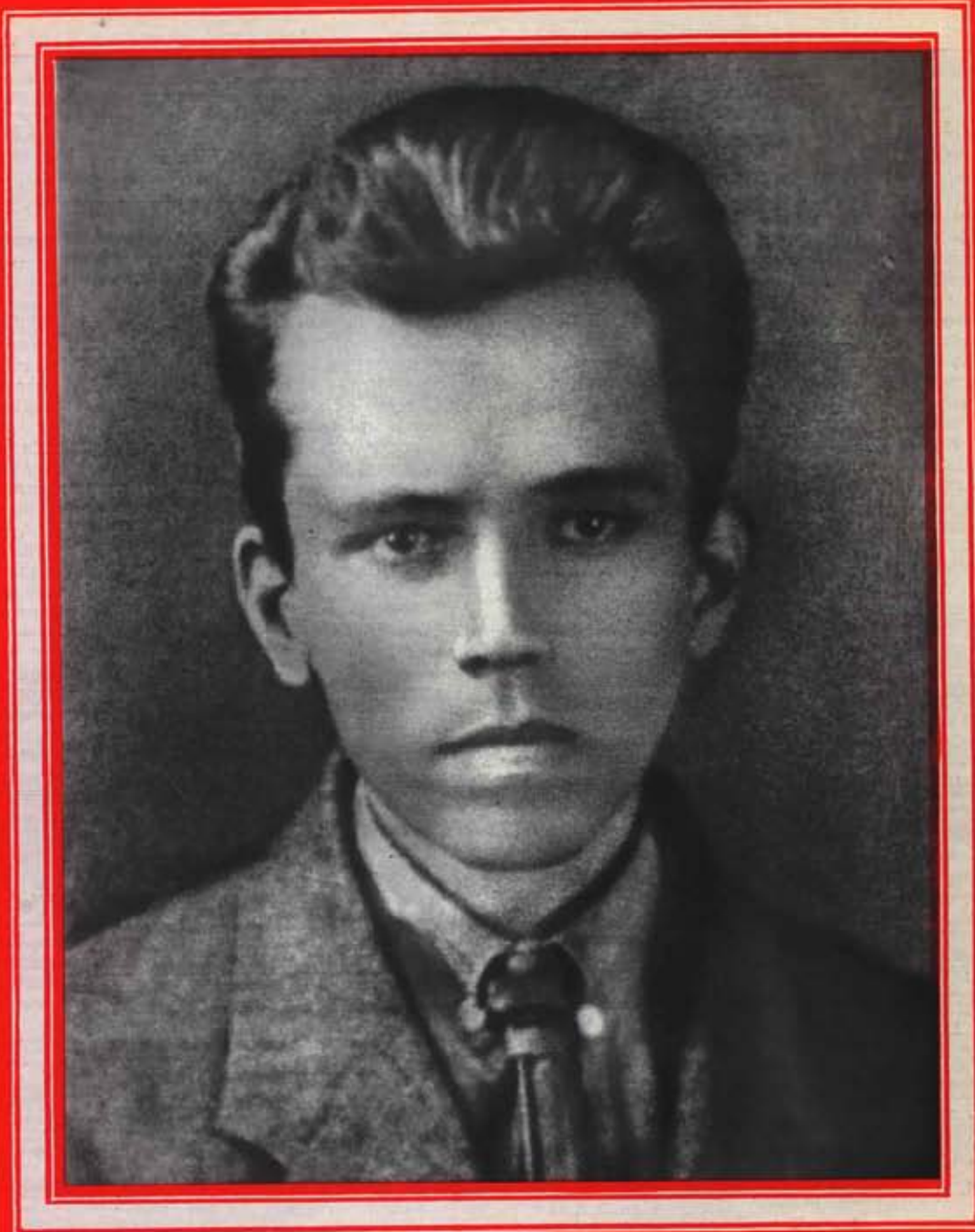
— Поедем туда — Девушка, смущенно оправляя майку, показывала вверх, где проходила тропа по краю обрывистого берега.

— Подожди, я взгляну, куда идет дорога.

Он легко избежал по тропке и сразу потерял девушку из виду, но прекрасно понимал, что она ждет, будет ждать его всегда. Внезапно дорога уперлась в обрыв, и он, спустившись на несколько метров, вдруг ощутил под ногами вязкую ползущую глину и испугался. Неужели так хорошо начавшийся день может закончиться столь нелепо! Он из всех сил карабкался наверх, чувствуя, как слабеют руки и ноги, и все же, стиснув зубы, поднимался все выше, а земля мягко уходила из-под ног.

Последним рывком он выбросил обессиленное тело на край той самой каменной тропы и, задыхаясь, услышал далекий голос: «Катя, посмотри, он весь мокрый, вытри его». Почувствовал на лице прикосновение чего-то влажно-прохладного, привычным усилием воли стряхнул с себя опекающие сна. Конечно же, это голос матери, Ольги Осиповны, а это сестра протирает ему лицо полотенцем. И яркое солнце, ровно лившее на мир жаркие свои лучи, стало угасать.

Дорогу называют символом вечного движения. Сколько позвизг себя Николай Островский, в его жизни не было остановок, он всегда находился в пути. Кроме вынужденных — в киевском госпитале после тяжелого ранения 19 августа 1920 года во время кавалерийской атаки, при операциях и лечении. Да и можно ли считать это остановками — нет, ни в коем случае. Он всегда был в движении, всегда

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЮДАЕИ

Николай Островский

в пути, всегда на передовой. «То, что я сейчас прикован к постели, не значит, что я больной человек, — писал Островский своему близкому товарищу П. Новикову в Харьков. — Это неверно! Это чушь! Я совершенно здоровый парень! То, что у меня не двигаются ноги и в ноге черта не вижу, — сплошное недоразумение, идиотская какая-то шутка, сатанинская!»

В декабре 1926 года, в день приезда в Новороссийск Марты Пуринь, товарища по партии, старшего друга, Николай Островский с трудом сделал несколько шагов ей навстречу, своих последних самостоятельных шагов. Ему было горько, что Марта Яновна, с которой он познакомился совсем недавно, летом в Евпатории, и клялся преодолеть все болезни, увидела его беспомощным. А именно так сказала впоследствии Ольга Осиповна гостю: «Беспомощен, как дитя».

Гордость не позволила ему согласиться с матерью. Из многих близких людей Николай выделил Марту, человека необычайной, героической судьбы. Вступила в семнадцатом в партию в буржуазной Латвии, вела нелегальную работу. При выполнении задания ее схватили, заключили в Центральную рижскую тюрьму. Не сломили, не заставили гово-

рить. А в девятнадцатом Пуринь приехала в Советский Союз, училась в Институте красной профессуры, работала в редакции «Правды». Ее слова звучали для Николая веско, убедительно. Особенно когда она внушала: для человека сильного, мужественного преград не существует. Непреодолимых преград, которые бы помешали ему в той или иной форме служить народу. А себе записала: «Среди санитарных больных Николай был самым юным и наиболее тяжело больным. Карие глаза его смотрели на мир сосредоточенно, с оттенком грусти, порой сурово. Чуть-чуть лукавая мальчишеская улыбка придавала облику неповторимое обаяние».

Его дороги... У белого дома с залитой солнцем верандой — подарок правительства писателю-коммунисту Н. А. Островскому — сочинцы часто видели легковую «эмку» с женщиной за рулем. Своего водителя Николай Алексеевич называл Катюшей или Автокатей. Сам он не ездил в этой машине — не мог, зато всегда просил Катю показывать гостей. А в них недостатка не было — А. Фадеев, Ю. Либединский, А. Лахути и многие другие ездил с Катей по городу и окрестностям. Всегда после этого спрашивал: «Где были, понравилось ли?» Катю уговорил пойти на курсы шоферов, оплатил обучение. Успоко-

ился, когда Катя получила права шофера первого класса.

В этом белокаменном доме по улице Павки Корчагина, 4, где за минувшие годы побывали сотни тысяч человек со всех стран мира, Николай Островский жил недолго, всего несколько месяцев. Поселился он в нем с семьей 17 мая 1936 года, вернувшись из Москвы. Свою на этот раз творческую командировку в столицу называл «северной экспедицией». Несколько месяцев работал с архивными материалами о борьбе Советской республики против белополяков. Говорил близким, что еще напишет роман исторической правды и больших художественных обобщений.

А вернулся и вновь впрягся в тяжелую колесницу литературного труда: изучал историю, возвращался к архивам, работал по десять—двенадцать часов в день, без выходных. Он диктовал роман «Рожденные бурей» торопливо, целыми абзацами. Интонационно дополнял характеры героев. Не терпел, чтобы перебивали, переспрашивали. Позже — пожалуйте, сам просил высказать замечания, многие из них учитывал. Да и в течение дня не раз просил вернуться к готовому тексту, внести поправки, удивляя феноменальной памятью.

воевал, на фронте и в комсомол вступил. Николай обрадовался ему, обнял дружески:

— Здорово, что приехал. Выходит, мы с тобой тут пионеры будем.

— Почему пионеры? — не понял Корсун. — Я же комсомолец.

— Ну, самые первые, понял? — заулыбался Островский.

Бюро Шепетовского окружкома КСМУ утвердило первую комячейку в Берездове и рекомендовало Николая Островского ее секретарем. А вскоре не без участия Лисицына первый комсорг был выдвинут в политуки райвсеобуча.

Помчались вкачь дни, до краев наполненные заботами. Островский носился на гнедом жеребчике по району — пропыленный, всегда стремительный, юношески открытый для всех. В хуторах его называли «завзятым комиссаром». Он знал, что его так называют, втайне гордился этим, потому что в его понимании комиссары были самыми самоотверженными бойцами и первыми выходили вперед в опасные минуты.

Мог ли Николай Островский даже мечтать о том, что в конце января 1936 года ему присвоят звание бригадного комиссара и легендарный Клим Ворошилов лично подпишет его военный билет? Хранил его до конца дней в кармане. Кстати, парадную гимнастерку с ромбами в петлицах, которую все знают по фотографиям и картинам, Островский впервые надел 8 марта.

Мило шутил накануне со своими: «В честь Международного женского дня, в знак уважения и дружбы к могущественному полу, я впервые завтра надену свой комиссарский мундир...» Всего несколько раз надевал эту гимнастерку, сшитую специально для него, с разрезом, как на кителе. Обычно его видели гости в вышитой рубашке или сшитой сестрой Катей хлопчатобумажной гимнастерке без знаков различия. Зато всегда был чисто выбрит, причёсан. «Следил за собой», — вспоминают близкие.

Все это случилось много позже, а пока здесь, в Берездове, «неистовый комиссар» встречался с допризывниками, сам выявлял неграмотных, находил тропки к сердцам парней.

За несколько месяцев в районе произошли большие перемены. Для хуторян открылись избыточные школы, на уроки грамоты стали приходить даже бородатые дядьки. Созданные Островским ячейки комсомола в той или иной форме участвовали в решении важных для населения вопросов о заготовке топлива, условиях работы батраков, ликвидации безграмотности, организации отрядов «юных ленинцев».

Полистали архивные документы... 27 октября 1923 года. «...Слушали: о переводе в партию в день 5-й годовщины РКСМ на торжественном заседании членов КСМУ Берездовской организации (т. Лисицын).

Постановили: провести кандидатами КП(б)У самых выдержанных и стойких членов КСМ: секретаря райячейки Островского...» Первым поручился за него Лисицын.

А ровно неделю назад, 20 октября, Островский выполнял важное поручение — в качестве уполномоченного райизбиркома провел выборы в Мало-Праутинском и Манятинском сельсоветах. Об этом и говорит недавно найденный документ — докладная записка Островского. В селах Большом и Малом Праутине кулачество оказалось крепко спаянным, вело постоянную агитацию против проводимых властью мероприятий. Незамощные же сплочены слабо, не смогли дать отпор. Выборы закончились в четыре утра, намеченные кандидаты избраны в сельсовет. Можно представить, как трудно пришлось уполномоченному.

Зато иную картину, судя по докладной, встретил Островский в Манятинском сельсовете. Здесь кулаки притихли — так слаженно и организовано выступали активисты. Крестьяне проявили большой интерес к международному положению, и беседа с ними после выборов затянулась до вечера. И одной строкой в заключение: «Там же, между прочим, удалось убедить крестьян посылать детей в школу и купить учебники».

В ту пору Николаю еще не исполнилось девятнадцать лет. Поздней осенью болезнь обострилась. Он не ездил больше верхом, тяжело переживал, что в такие горячие дни привязан к Берездову. В начале зимы стало еще хуже, приехала Ольга Осиповна, вновь парила ноги, не разрешала подниматься с кровати. И только в конце января неожиданное, как удар молнии, событие всколыхнуло Николая. В шинели, с палкой он шел, спотыкался и снова шел эти долгие метры до райпарткома. Над знакомым порогом увидел портрет в траурной рамке, стал расстегивать шинель, задыхнулся и, прежде чем войти, долго тер непослушными пальцами сведенное судорогой горло. В кабинете секретаря райкома собрались почти все райработники, кто-то, он не

смог разобрать, кто, читал сообщение ЦК РКП о кончине В. И. Ленина: «...Никогда еще после Маркса история великого освободительного движения пролетариата не выдвигала такой гигантской фигуры, как покойный вождь, учитель, друг. Все, что есть в пролетариате поистине великого и героического: бесстрашный ум, железная, негибаемая, упорная, все преодолевающая воля...»

Домой Николая привели товарищи.

Имя Ленина Островский пронес в своем сердце через всю жизнь. «Меня спросили: «Скажите, товарищ Островский, какой день в 1935 году взволновал вас больше всего?» Я мгновенно вспоминаю первое октября. Мягкий сочинский вечер. Открывается дверь, и мне говорят: «Мария Ильинична Ульянова, Дмитрий Ильич Ульянов». И сердце мое вздрогнуло радостным приветом. Вот они сидят рядом со мной, простые, но такие прекрасные, сестра и брат нашего великого вождя, отца и учителя...» В тот же день звонок — из Москвы сообщили о награждении писателя Островского орденом Ленина. А через несколько дней он получил от Ульяновых письмо, начиналось оно так: «Дорогой и родной Николай Алексеевич! Горько поздравляем с заслуженной высокой наградой, завоеванной могучей волей и настоящим большевистским упорством. Гордимся и радуемся высокому качеству добытой стали. Верим вместе с вами в дальнейшие успехи на новом фронте. Крепко жмем руки ваши».

Успехи, признание открыли Островского, он работал без устали по двенадцать часов в сутки. И у него, мечтателя, вместе с раздвигаемым горизонтом знаний росли и ширились творческие планы. Он хотел закончить роман о Павке книгой «Счастье Корчагина», хотел написать фантастическое повествование, книгу для детей. И учиться, «учиться вглубь и вширь», учиться до последнего вздоха. В комнате у него под рукой были радиоприемник, патефон, шахматы. На стене висела карта Испании с флажками, отмечавшими движение войск...

Он умер 22 декабря 1936 года, вечером, в Москве, в доме на улице Горького, где сейчас расположен музей. Здесь он диктовал последние страницы романа «Рожденные бурей», стремясь во что бы то ни стало закончить его к двадцатой годовщине Великого Октября, отсюда передавалась в Киев его яркая речь на IX съезде украинского комсомола, делегатом которого избрали писателя-коммуниста. А за день до смерти, уже впадая в забытие, спросил: «Держится ли Мадрид?»

Ромен Роллан в предисловии к французскому изданию романа «Как закалялась сталь» называл людей, рожденных революцией, величайшими произведениями искусства, которые в будущем станут прообразами и героями эпических поэм и песен. «Николай Островский — один из этих людей», — писал он, — один из этих гимнов пылкой героической жизни...»

Весной 1924 года Лисицын перевели председателем райисполкома в более крупный, Изяславский район. По его настоянию сюда же направили вскоре райорганизатором комсомола Николая Островского. И здесь «неистовый комиссар» работал, как всегда, не щадя себя, с «шести утра до двух ночи». Ибо в его понимании только так и мог относиться большевик к своему делу. А примером был для него Лисицын.

За короткий срок он стал своим человеком в районе. Его энергия, неутомимость в работе зажигали комсомольцев. Николай не терпел пассивности, открыто возмущался, если кто-то не выполнял данных ему поручений, мог в гневе накричать, сказать обидное слово.

— Умеряй свой пыл, — не раз советовал ему Лисицын. — Нельзя требовать, чтобы все вот так сразу перекавалось, сознательными стали. Убеждать людей надо.

Нина Львовна Гутман, одна из первых изяславских комсомолок, рассказывала: «Николаю прощали горячность. Он ведь по натуре был очень отзывчивым, последним всегда поделился. И скромным. Нигде себя не выпячивал... Его очень уважали».

Трудно тогда создавались сельские ячейки. Церковники, хозяйчики сеяли слухи, запугивали родителей. Однажды в канун крупного религиозного праздника Николай с активистами приехали двумя подводками на площадь села, к церкви — служба как раз шла. Завели патефон, зазвучали задорно песни. Парни и девчата вначале выглядывали из церкви, потом к ним присоединились. Николай радовался: «А говорят — отстальные... Увлечь молодежь надо, оторвать от религии». Часто выезжал с группой художественной самостоятельности по селам, всегда выступал с политдокладом. А потом мог и спеть и представить в лицах веселую историю.

И все, что работал с ним тогда, единодушны в оценках: был горяч в работе, верил в людей, ни в какой форме не воспринимал ложь, скрывал мужественно болезнь... Все знали и о «слабости» комис-

сара. В любую свободную минутку заскакивал в детский дом, что недавно при его содействии открыли в Изяславе. Городская комсомольская ячейка устраивала здесь субботники — ремонтировала помещение, благоустраивала двор. Подключили и молодежь из воинской части, те помогли бельем, одеялами, выделели для летнего лагеря палатки.

Любил Николай с детьми петь «Орленок, орленок...», «Мы кузнецы...», «По морям, по волнам...», «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем...». Пели все азартно. В годовщину комсомола устроили обед с конфетами и пряниками. Ребята собрали для него кулечек, чем тронули Островского до слез. Уходя, он незаметно передал этот кулечек воспитателю, и те на другой день раздали ребята сладости. Любил говорить: «Дети — наше будущее».

И еще одно письмо Л. Бернфус, дочери врача Бердянского курорта, где он лечился после госпиталя: «Спросите меня: что у меня осталось родного, дорогого? Только одна партия и те, которых ведет она. Вы мне писали: что дает она мне? А дает то, что я не имею, это то, что движет нами — сильное, могучее, чему мы преданы всей душой...»

Это письмо было послано накануне события, ставшего праздником всей его жизни.

На 9 августа 1924 года было назначено собрание коммунистов изяславской партиячейки. В протоколе отмечалось единогласное решение «перевести тов. Островского в действительные члены КП(б)У, считать его коммунистом Ленинского призыва». Это было выражением особого доверия. И здесь первым поручителем Николая был Лисицын. Встретились они с Лисицыным не скоро, уже после выхода книги «Как закалялась сталь». На фотографии рядом с Николаем рослый человек в военной форме, с ромбами в петлицах. После Изяслава Николая Николаевича направили парторгом ЦК партии на завод имени А. Марти в Николаев. Затем партбилетовали в Военно-техническую академию, работал в одном из военных округов. В архивах сохранилось его последнее письмо от 13 июля 1935 года: «Здравствуй, дорогой Коля! Сегодня у меня удача — я вновь увидел на вокзале Митю и именно тогда, когда он едет к тебе. И так, я имею возможность передать тебе мои лучшие пожелания и главное — здоровья...»

Николаю осталось прожить в Изяславе считанные недели: еще проведет он праздник Урожая, еще обедет сельские комсомольские ячейки. Окружком партии будет рекомендовать Островского в партшколу, и он, колеблясь, станет советовать с Николаем Николаевичем, ехать ли ему на учебу.

Медицинская комиссия внесла в эти планы свои жестокие коррективы, Островского направили на лечение в Харьковский медико-механический институт. Он уедет с надеждой на скорое выздоровление, и Николай Николаевич стиснет его на прощание в стальных объятиях, пожелает побыстрее вернуться... Начнутся тяжелые годы в жизни «неистового комиссара».

Обращаясь к молодежи, Николай Островский призывал не просто созерцать, как растет «дворец человеческого счастья», а требовал: «...пусть ваши руки будут по локоть измазаны цементом и глиной, иначе в доме, построенном не вашими руками, будет вам и холодно, и стыдно». Он имел моральное право так говорить, ибо руки его всегда были по локоть в цементе, до последнего вздоха он находился на посту — боец, коммунист, писатель. Романы «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей» обошли планету. И не давая читательской моде можно объяснить миллионные тиражи. С этих страниц поднялся новый герой, человек, рожденный революцией, воспитанный партией.

«Самое прекрасное для человека — всем созданным тобой служить людям и тогда, когда ты переставешь существовать». Эти слова Н. А. Островского могут служить эпиграфом ко всей его жизни.

Он всегда мечтал — утром и вечером, даже ночью. И мечты эти менялись, по его словам, как восход и закат солнца. Вот он видит себя могучим оратором на площади в Испании и увлекает за собой народ. Организуется восстание на вражеском дредноуте. В его руки попадают миллиарды богачей — неважно как. Или убивает ненавистного Франко. Важно лишь любыми путями переправить золото в руки рабочих и крестьян...

— Скажите, вы очень страдаете? Ведь вот вы — слепой. Прикованы к постели в течение долгих лет? — Это вопрос корреспондента «Москау дейли ньюс».

— У меня просто нет времени на это, — ответил Островский.

Слова «партия» и «комсомол» были наполнены для него особым созидательным смыслом. И не случайно он сказал однажды: «В моем партийном билете лежит маленький сынишка, билет Ленинского комсомола... И в этом есть что-то прекрасное и замечательное...»

ДЕТСКИЙ ДОМ

**XIX
СЪЕЗД
ВЛКСМ**

**КОМСОМОЛЬСКОЕ
ШЕФСТВО**

Дорогие друзья!
Перед вами третий блок материалов, посвященных детскому дому. Мы решили рассказать в нем о самом обычном детском доме — одном из сотен, познакомить с людьми, добрыми и бескорыстными, которые приходят на помощь детям, оставшимся без родителей. Нас, сотрудников «Смены», очень радует, что так много добрых, участливых людей среди наших читателей. Свидетельство тому — поток книг в редакцию, идущий в ответ на призыв создать общими усилиями библиотеки в детских домах. Вновь публикуя текст обращения, мы надеемся, что наше с вами общее дело будет находить все новых и новых сторонников. Просим вас, дорогие друзья, поделиться своим мнением, высказать предложения по поводу комсомольского шефства над детскими домами и школами-интернатами для детей-сирот.

Сергей ПОПОВ,
специальный
корреспондент
«Смены»

ДЕРЕВЦА БЕЗ КОРНЕЙ

Человек что дерево: корни его — это семья, отчий дом, земля, на которой рожден. Они поят благотворными соками душу его и память. И как ни скупа бывает эта почва, она родная.

Но есть земля, которая губит зеленые побеги. Это пустыня. И есть семьи, похожие на пустыню.

«...Комиссия по делам несовершеннолетних при Якшур-Бодьинском сельсовете обращается в народный суд с иском о лишении родительских прав супругов Валеевых. Супруги Валеевы, имея шестерых детей, воспитанием их не занимаются, злоупотребляют спиртными напитками, оказывают вредное влияние на детей своим аморальным, антиобщественным поведением...»

«...Куранова Г.Ф., 1955 года рождения, нигде не работает, ведет аморальный образ жизни, воспитанием четверых своих детей не занимается. Обстановка квартиры состоит из небольшого столика и кровати, постельного белья нет. Дети грязные. С Галиной живет ее мать, не имеющая постоянного места работы. В доме временами не бывает даже хлеба. Галина лишена родительских прав, поэтому детей необходимо устроить в детский дом...»

Чему могут научить своих детей такие курановы и валеевы, какие нравственные устои привить? Увы, перевоспитывать этих родителей зачастую бывает уже поздно. Спасать нужно их детей.

Когда суд лишает горе-отца или горе-мать родительских прав, детей приходится у них забирать чуть ли не силой. И не бывает при этом трогательного прощания, не слышат сыновья и дочери родительского благословения, ибо на

что же способна благословить опустившаяся женщина-пьяница или осужденный за хулиганство мужчина?!

Но не об этих людях хочется вести разговор. А о тех, кто берет на себя ответственность за деревца без корней.

Не на главной магистрали педагогики детские дома, скорее на обочине. Не пишут о них монографий ученые, редко балует вниманием пресса. Но не говорить о детских домах — значит обходить молчанием труд многих и многих людей, связавших свои судьбы с судьбами детей. Причем детей чужих, ставших для них близкими. Огромный запас душевных сил надо иметь, чтобы выпрямлять вянувшие деревца, возвращать детям веру в людей: ведь отцы и матери много уже сделали, чтобы веру эту убить...

Попросите незнакомого человека рассказать о его семье. Он похмет, нахмурит, плечами: «Живем помаленьку. Работаем, детей растим. Дома у нас мир». Действительно, будни большинства семей складываются из мелочей, событий негромких, незаметных. Но будни хорошей семьи не серые, потому что в такой семье каждый день светел и маленький человек чувствует себя защищенным от стихии моря житейского, он здесь, как в тихой гавани. И будни в хорошей семье не в тягость, потому что легко жить в атмосфере спокойной доброжелательности.

Я хочу рассказать о детском доме, в котором уставшие ребячьи души лечат именно этим лекарством — спокойной доброжелательностью. Детском доме в старинном удмуртском селе Нылга, что в полусотне километров от Ижевска. Здесь детям возвращают детство.

СЕМЬЯ — СТО ДВАДЦАТЬ «Я».

— Саша? Наконец-то!

— Что же ты так долго? А мы тебя вторую неделю ждем.

Новичка только что ввели в кабинет директора детского дома Лидии Григорьевны Денисовой, и он недоверчиво озирается по сторонам. Нахохлившийся,

тихий птенец. На радушие директора и завуча Егора Романовича Трофимова он особенно не реагирует, ибо весь его жизненный опыт говорит: взрослых надо опасаться, никогда не знаешь, чего от них ждать. Слух этого маленького, затравленного человека больше привык к брани и оскорблениям, чем к похвалам и ласкам. И только почувствовав, что этих взрослых бояться нечего, Саша успокаивается, и по его все еще напряженному лицу проходит тень улыбки.

Когда закончится официальная часть встречи, директор взглянет на чумазую физиономию мальчишки и спросит добродушно: «Саш, а ты в печную трубу случайно не лазил?» Он не найдет, что ответить, да его ответа и не будут дожидаться, а поведут в баню. Там отскребут, отмоют, и отправится новичок в столовую. А потом воспитатель — Саша уже успел с ним познакомиться и знает, что зовут его Владимиром Петровичем — проведет его по всему дому. Экскурсия закончится в уютной спальне, где рядом с Сашинной стоят еще пять кроватей. Все Сашины соседи по комнате — члены новой его семьи. И сам новичок тоже теперь ее частица.

Утром следующего дня Саша пойдет в школу — она рядом, в двух минутах ходьбы. Вместе с ним в одном классе еще четыре воспитанника детдома. Они ничем не отличаются от сельских ребят, их никто не называет «детдомовцами». А когда закончатся уроки, Саша обратит внимание на то, что его новые товарищи скажут не «пойдем в детский дом», а «пойдем домой». Домой... Постепенно в сознании новичка утвердится это слово. И детский дом станет для мальчика не приютом, не временным пристанищем, а теплым домом.

Их сто двадцать человек здесь. Сто двадцать мальчиков и девочек от трех до шестнадцати лет. Сто двадцать характеров. Общее жилище, единый распорядок дня не делают ребят одинаковыми. Один быстро засыпает, другой до полуночи готов читать книжку, один трудолюбив, а другой не очень, один

ОТКРЫТЫЙ ВЗВУДУ

- ТЕПЛЫЙ ДОМ

ЗА ОКНОМ ВЬЮЖИТ, А В НЫДНИНСКОМ ДЕТСКОМ ДОМЕ ТЕПЛО. САМОВАР УЖЕ ВСКИПЕЛ, И ПЕРЕД ЧАЕПИТИЕМ МОЖНО ПОСИДЕТЬ НА КОЛЕНАХ У ЛИДИИ ГРИГОРЬЕВНЫ, ПОГОВОРИТЬ С ЕГОРОМ РОМАНОВИЧЕМ...

Фото Альберта ЛЕХМУСА

застенчив, а другой бесцеремонен, у одного энергия бьет через край, другой быстро устает. Один совершает проступок по незнанию, другой сознательно идет на нарушение.

Многие беды воспитания часто идут от того, что педагог видит перед собой только массу детей, не различая лиц. Нылгинские воспитатели все время видят и лицо и глаза каждого своего подопечного. Управлять детским коллективом им легко. Не потому ли и наказания в детском доме столь гуманны? Не одно уже поколение воспитанников испытало на себе благотворное действие «умного стульчика». Странное название? «Все очень просто», — объясняет Владимир Петрович. — Берешь небедокурившего за руку: «Посиди на стуле, подумай хорошенько сам, в чем ты провинился».

Не пугать малыша наказанием, а пробуждать его совесть — вот что важно.

Кто бывал в детских домах, знает, как тянутся ребята к взрослым. Должен быть, обязательно должен быть у ребенка человек, которому можно поплакаться в жилетку. До самого отбоя не закрывается дверь кабинета Егора Романовича. Малыши заходят просто так, иногда только для того, чтобы по головке погладили, старшие — посоветоваться, какой-то вопрос обсудить.

Нельзя ребенку без утешения, без ласки. Самые горькие слезы те, что пролиты в одиночестве. Плачут ли дети в Нылгинском доме? Плачут, но нет здесь слез в одиночестве, всегда найдется добрая душа, утешит.

...Пять лет назад произошло событие, которое перевернуло весь привычный уклад жизни детского дома. Привезли в Нылгу большую группу дошколят, и стал детский дом смешанным. Сейчас здесь детей дошкольного возраста гораздо больше, чем школьников. Предлагали Денисовой вообще перевести детдом в разряд дошкольных, да она запротестовала: смирилась с таким предложением — это же подрубить сук, на котором Нылгинский дом держится. Прежде всего развалится подсобное хозяйство — трехлетнего малыша не пошлешь картошку окучивать. Поэтому идеальным представляется вариант, при котором школьников и дошколят было бы в детдоме поровну.

— Труднее стало работать, и все-таки я за смешанные детские дома, — убежденно говорит Лидия Григорьевна. — Ведь у нас братишки и сестренки — а из одной семьи их бывает по четыре-пять человек — под одной крышей живут. Разве это плохо? Помогают друг дружке, старшие о младших заботятся. А раз мы стремимся к тому, чтобы ребенок у нас в семейных условиях воспитывался, значит, просто права не имеем братьев и сестер по разным детским домам раскидывать...

Ребенок растет, набирается знаний, а родителям забота: кем станет, куда пойдет — работать или учиться? Перед такими вопросами ежегодно оказываются и нылгинские учителя. Еще задолго до выпуска Лидия Григорьевна беседует с каждым о его будущем. Когда же выбор сделан, начинаются звонки в училища, техникумы, институты, чтобы там к парню или девушке отнеслись внимательно, чтобы, если поступит, и общежитием обеспечили и стипендией. И долго еще, пока бывший воспитанник совсем уж не оперится, поддерживает Денисова с ним связь, подтверждая и так хорошо известное: «Если трудно, если в тупике, приезжай ради бога, поможем, чем только возможно».

«КУДА ЖЕ ОТ НИХ ДЕНЕШЬСЯ?»

Конечно, ребята ждут того дня, когда жизнь выведет их за порог детского дома. Да и какой ребенок не мечтает побыстрее стать взрослым? Но вот письмо от девочки, которая волею случая была переведена из Нылги в школу-интернат. «Лидия Григорьевна, не хватает мне дома. В спальне восемнадцать девчонок, просто ужас, не могу больше здесь жить. Все мне мерещится, что

войдут сейчас Мария Романовна, Егор Романович. Какие замечательные, добрые и требовательные люди в детском доме! Я просто восхищаюсь ими. Пишу от чистого сердца, не преувеличиваю нисколько. Я даже во сне вижу наш дом. Сколько слез пролила, наверное, на всю жизнь наплакалась. У меня нет ни отца, ни матери (я уж не считаю ту женщину матерью), у меня другие родители, те, кто меня воспитал. Только детский дом и есть у меня на свете...» Люда Коклеева, написавшая это письмо, вернулась все же в Нылгинский дом, а сейчас уже кончает Ижевский механический институт.

Как возникает привязанность детей к воспитателю? Наверное, секрет ее в искренности взрослого человека, который серьезно воспринимает все движения детской души. Ведь если нет этой искренности, душа ребенка становится «застегнутой на все пуговицы рубашкой».

Лидия Григорьевна Денисова стала директором детского дома восемнадцать лет назад. Был у нее десятилетний опыт директорства в школе, а в новой должности пришлось все начинать сначала.

— Поначалу долго искала, как найти подход к этим особым детям, — рассказывает она. — А потом поняла: не голого послушания требовать, а обогреть их, чтобы не чувствовали они себя сиротами. Чтобы выросли образованными, воспитанными, трудолюбивыми. И на людей чтобы не смотрели исподлобья, чтобы был у них открытый взгляд...

Привезли однажды к нам из школы-интерната девочку лет десяти. Сопровождал ее молодой воспитатель. Зашел ко мне, и первое, о чем спросил: «А сколько вы с сотрудниками за питание вычитаете?» Вот те раз, думаю. Я жду, чтоб о ребенке рассказал, а он о деньгах! У меня всякая охота разговаривать с ним пропала. Какой же это воспитатель, если ребенок для него на последнем месте?!

Но уж если воспитатель отдает подопечным и душу и сердце, то они в долгу перед ним не останутся. Спросите любого из воспитанников, кого в детском доме они не просто уважают, но любят, и услышите в ответ: «Егора Романовича, нашего завуча». Этот тихий, не очень-то разговорчивый человек для детского дома значит столько же, сколько заведенная пружина для часового механизма: с утра и до вечера он с ребятами. И так двадцать пять лет. Стоит уйти Трофимову в отпуск, и всем недостает его. Во всяком организованном им деле завуч умеет найти изюминку. И если идет в детском доме соревнование, то это не скучный подсчет баллов, а воображаемое космическое путешествие. Огородная агрономия, фотокружки, походы в лес — это тоже Егор Романович. Именно с легкой руки Трофимова утвердилось в детдомовском лексиконе взрослое слово «разнарядка». Обычно звучит оно днем, когда школьники возвращаются с занятий. Ни одного праздничатогося — вот принцип разнарядки. Завуч заранее расписывает, кто чем займется. В столярку нужны люди мебель чинить, старшие девочки отправятся на занятия по кройке и шитью к Клаудии Ивановне, кто-то пойдет каток заливать, если дело зимой, кто-то картофель перебирать — дело каждому найдется. Так что неугомонный этот человек еще и управляющий делами. Вопрос, почему и выходные свои он проводит в детском доме, Трофимову кажется по меньшей мере неуместным. «Хозяйство все мое домашнее — кошка. Печку с утра истопил — и я свободный человек. Отчего же мне с ребятами не повидаться?»

— Хотя это и странно, но технический персонал влиял на нас порой даже больше, чем воспитатели. Воспитатель представлялся фигурой идеальной, и потому в разговоре с ним мы старались соблюдать дистанцию. Ночные няни, повара, шоферы доступнее, с ними мож-

но общаться запросто. И детей они не делят на отличников и двоечников. Все любимы ими одинаково.

Это наблюдение бывшего детдомовца Петра Гордымова, ныне офицера Советской Армии. Мать сдала Петю в Дом малюток, когда было ему три месяца от роду. Вот и воспитывался мальчишка по детским домам. А Нылга — это восемь лет Петини жизни. Он добавляет: лучших лет. Петр уехал из Нылги двенадцать лет назад, поступил в физико-математическую школу-интернат при Московском университете. Школа прекрасная, и учиться здесь было интересно, а вот поди ж ты, сейчас, спустя годы, Петр с большей теплотой вспоминает не столичный интернат для одаренных детей, а скромный детский дом в удмуртском селе, добрых его хозяев. Потому что именно они — эти люди с прекрасной душой, открытым сердцем, зачатую не имеющие педагогического образования, воспитали его так, что он, не знавший никогда ни материнской заботы, ни твердого отцовского слова, вступил в самостоятельную взрослую жизнь легко, уверенно и занял в ней достойное место.

«Воспитывает каждая минута жизни, каждый уголок земли, каждый человек, с которым формирующаяся личность соприкасается подчас как бы случайно, мимоходом». Это мысль замечательного советского педагога Василия Александровича Сухомлинского. Задумайтесь: воспитывает каждый встречный. А что же говорить тогда о нянях и поварах, которые годами общаются с ребятами. Проста их наука и слова безыскусны, но какой же яркий след они оставляют в душах, если бывший детдомовец спустя и полтора десятилетия с благодарностью о них вспоминает!

Да, эти люди заслужили, чтобы их любили. Любили так, как любят тетю Марусю — Марию Романовну Кудрину. Сорок пять лет она у плиты, сорок пять лет — почти полвека! — кормит детдомовских ребят завтраками, обедами, ужинами. А по воскресеньям стряпает для детей пироги, да такие вкусные, что пальчики оближешь. И не только стряпает, а и девочкам этому учит. «У меня сердце радуется, когда дети накормлены вкусно и ухожены. Помню, привезли к нам ребятишки из расформированного детского дома. Глянули мы на них и чуть не заплакали: лица длинненькие, серые, щечки впалые. Ввели мы для них пятиразовое питание, полдник дополнительный. За несколько месяцев выровнялись ребятишки, не стали от других отличаться».

Не так давно газета «Красноярский рабочий» писала о хищениях продуктов сотрудниками Дзержинского детского дома. Горько, но факт этот, к сожалению, не единственный. Украсть у того, кто и пожаловаться-то не может, украсть у сироты — существует ли большая низость! Увы, не у всех детдомовцев есть такая вот тетя Маруся, за полвека куска не взявшая с детского стола. Честность воспитывается честностью, трудолюбие — трудолюбием. Прекрасные уроки жизни дает детям Мария Романовна.

Два десятилетия — по столько лет работают в детском доме кастиляна тетя Гутя — Августа Филипповна Князева, няня Анна Харитоновна Сазонова, повар Надежда Александровна Степанова. И муж Надежды Александровны Петр Васильевич тоже двадцать лет здесь же инструктором по трудовому обучению. «Мастерская у меня отдельная от основного здания, так когда бывшие выпускники приезжают, почему-то не в дом, а в мастерскую вначале заглядывают. «Ну что, по запаху стружки соскучились?» — спрашиваю. «Соскучились, дядь Петя», — отвечают. — У нас с Надей своя дочь выросла, а вот прикипела душа к этим ребятишкам, и никуда от этого не денешься...»

Традиции Нылгинского детского дома держатся на людях, работающих здесь десятилетиями. Тети Маруси и дяди Пети — вот кто наряду с директором и

завучем хранит его тепло. Преданные своему делу, они прежде всего преданы детям. Они не только готовят обеды, выдают белье, охраняют ночной покой. Они учат жизни. Без назидательности и нравоучений, что так не любят подростки. И потому прочно усваивается их наука.

ПЛЮС ЧЕТЫРЕ ГЕКТАРА

Осенью прошлого года председатель райпотребсоюза жаловался Денисовой, что из-за жары капуста не уродилась и трудненько приходится с планом заготовок. Директор посочувствовала и вроде бы в шутку предложила: «Так мы можем вам помочь, у нас капусты много». Капусту в детском доме выращивают свою, и, поскольку заботятся о ней не так, как в некоторых хозяйствах, урожай каждый год — грех обижаться. Впрочем, отменные здесь урожаи и помидоров (шутка ли — три тысячи кустов высаживают), и картофеля, свеклы, моркови. Много собирают и смородины.

Детский дом в Нылге сельский, это и накладывает на весь его быт определенный отпечаток. Начнем с того, что в городе никто не предоставил бы нылгинцам такой роскоши — иметь приусадебный участок в четыре гектара. А они сегодня и не представляют, как без этих гектаров обходились бы. Приусадебный участок — общая забота и взрослых и детей. Здесь они на равных, а даже директор, приметив, что какая-нибудь Наташа из младшей группы обращается с рассадой, как заправский овощевод, не считает для себя зазорным у такой малышки поучиться. Ну, а главный консультант по всем вопросам агрономии — Егор Романович, который и правит огородным царством.

У нылгинских детей труд наполнен реальным содержанием. Во-первых, к нему добавка: капуста соленая, помидоры, компот смородиновый — вот они, на столе, угощайтесь, пожалуйста. Во-вторых, не лишнее для ребят трудовые навыки. К сожалению, в последнее время далеко не в каждой и сельской семье дети знают, как пропариваются бочки для капусты, как маринуют и солят помидоры, как варят смородиновое варенье, как пекут пироги и стряпают пельмени, запрягают лошадь. Нылгинские воспитанники все это и знают и умеют.

Но к земле отношение здесь не только утилитарное. «Приезжайте к нам летом, — говорят нылгинцы гостям, — увидите, сколько у нас вокруг дома цветов». А от цветов польза известна какая: для красоты их выращивают.

Нужно отдать Денисовой должное: чуть ли не вся материальная база, какой детский дом теперь располагает, построена во многом благодаря ее трудам. А база эта солидная: и само здание дома светлое, уютное, и баня, и гараж, и прачечная, и конюшня, и свинарник. О транспортном, так сказать, единичке стоит сказать особо: это автобус, грузовой, «уазик», кобыла Звездочка и мерин Сокол. Автобус приблизил детдомовцев к Ижевску. Интересный спектакль в театре, новое цирковое представление — пожалуйста, час езды, и ребята в городе. Когда Денисова спрашивает: «А лошади-то вам зачем при трех машинах?» — она спокойно объясняет, что гонять технику по всякому поводу расточительно. Кроме того, лошади незаменимы на сенокосе.

И, в-третьих, добавляет Лидия Григорьевна, детям радость. Ни один праздник проводов русской зимы без Сокола и Звездочки не обходится. Расчесывают тогда ребята своим лошадкам гривы, надевают красивые сбруи, попоны, сажают малышей, и... мчите, сани, свищи, ветер!

И еще один аргумент в пользу сельского детского дома. Дети сюда поступают отнюдь не пышущие здоровьем. У многих из них неврозы, расстроена нервная система. Их после кошмаров, которых они по воле своих родителей на-

смотрелись, на курорт надо отправлять. А тут, в Нылге, самый настоящий курорт и есть: и лес рядом, и речка недалеко, и воздух не сравнишь с городским. Поэтому, наверное, две комнатки изолятора почти весь год и пустуют...

«КУБ» — ЭТО...

...Коммунистическая ударная бригада. Родился «КУБ» четыре года назад на инженерно-строительном факультете Ижевского механического института — давнего шефа нылгинцев. К чести студентов, стоит сказать, что детскому дому они и раньше немалую помощь оказывали. «КУБ» — это, можно сказать, только новая ее форма. Первым командиром ударной бригады был Иван Шахов, нынешний командир ССО Удмуртии. Именно кубовцы решили: на все заработанные в третьем семестре деньги покупать подарки для детского дома.

«Ребята, вы что, за бесплатно работаете?» — с недоверием спрашивали у студентов шабашники, которые, как известно, за «спасибо» гвоздя к доске не прибьют. Потом к «КУБу» на стройке привыкли и уже не смотрели как на «чокнутых», потому что работали ребята здорово и норму, как правило, перекрывали.

Только заканчивается третий трудовой, едет в Нылгу студенческая делегация. С каждым из воспитанников поговорят студенты, пока не выяснят, что бы тот хотел получить в подарок. Заявки выходят все разные: кому игрушку хочется, кому платице (хоть и своих хватает, но от подарка кто откажется?), кому машину заводную, кому туфельки. И студенты бегут по магазинам, чтоб ни один из ребят не остался в обиде. Когда приходит в Нылгу груженный чуть ли не по крышу автобус, трудно бывает понять, кому в этот день радостней на душе — ребятишкам или студентам.

Итог четырех семестров — тридцать тысяч заработанных рублей. Тридцать тысяч, подаренных студентами детскому дому. Подарок от маленького отряда единомышленников, которых в институте кое-кто называет «идеалистами». Может, они какой-то выгоды для себя ищут? Но когда по итогам трудового семестра студентам предложили путевки за границу, они отказались, решили, что слишком громкая награда за их труд. Просто в отряд идут люди с обостренным чувством совести. Эти ребята, будьте уверены, последним куском хлеба поделаются и с незнакомым человеком, как делятся заработанным с нылгинскими детьми...

Нылгинскому детскому дому сорок лет. Тысяча маленьких граждан нашей страны прошла за эти годы в его стенах школу становления характера и обретения знаний. Каждый день почти приходят в Нылгу весточки то из Крайнего Севера, то из Сибири, то из Средней Азии. И нет для воспитателей писем более дорогих, чем эти, простые и безыскусные.

«Здравствуйте, дорогой Егор Романович! Вы все годы были мне как отец. Поэтому сейчас, перед отправкой в ряды Советской Армии, я Вас прошу дать мне родительское благословение. Пусть это покажется сентиментальным, но я с великой благодарностью вспоминаю годы жизни в детском доме. Сырчин Коля».

...Есть у нылгинцев традиция. Выпускники, уходя, высаживают дерево. Время летит быстро, и незаметно около дома выросла уже целая аллея. Высоко поднялись березы, шумят листвой. Тянутся к солнцу и совсем юные деревца, как и они сами, нылгинские воспитанники, — хрупкие деревца, пересаженные из пустыни в добрую почву. Хорошие люди помогают им выпрямиться, обрести силу. А они, крепко закрепившись на земле, не забывают их, добрым словом вспоминают тех, кто дал им лучшую из путевок — путевку в жизнь.

Подарим к XIX съезду ВЛКСМ библиотеки
всем детским домам страны!

Доброе дело

К читателям и друзьям «Смены»

Начав в «Смене» разговор о проблемах детских домов, мы отметили такую деталь: в детских домах нет своих библиотек. Наверное, очень давно, когда жили мы победнее, кто-то решил, что детдомовские ребята вполне могут обходиться книгами из библиотеки районной или городской. И все-таки нужны, очень нужны детским домам свои собственные библиотеки. Книга — это ведь тоже воспитатель, воспитатель тонкий и умный, и ребятам, чья судьба лишила заботы отца, нежности матери, книга просто необходима. И находится эти добрые друзья должны не где-то далеко, а в самом детском доме, чтобы, как из семейного книжного шкафа, мог ребенок взять книгу и открыть заветные страницы, когда будет у него на то время и желание.

Как подступиться к проблеме? Можно, конечно, дожидаться, когда государственные организации изыщут необходимые средства для комплектации библиотек в детских домах, и они, вероятно, рано или поздно будут созданы. Но есть и другой вариант...

Две поразительные цифры. Если сложить в общий фонд книжные сокровища всех библиотек страны, то получится собрание из пяти миллиардов томов. Но оказывается, что государственные библиотеки по своему объему и близко не могут сравниться с личными, — на руках у населения книг сегодня тридцать (!) миллиардов. Малой, совсем малой каплей этого огромного книжного моря достаточно, чтобы утолить жажду в книгах

детдомовских воспитанников.

Журнал «Смена» вновь обращается к вам, дорогие наши читатели.

Давайте внесем и мы свой вклад в общее дело, создадим библиотеки «Смены» в нескольких детских домах и школах-интернатах для детей-сирот. И пусть это будут библиотеки, с которых можно брать пример. Какие книги присылать? Мы думаем, любые из тех, что, на ваш взгляд, интересны детям и подросткам: художественные, научно-популярные — любые. Только одно важное пожелание: книги должны быть в хорошем состоянии, чтобы служили они долго, не одному поколению детдомовских ребятишек.

Надеемся, что на нашу просьбу откликнутся не только молодые читатели, но и люди старшего поколения, сыновья и дочери которых уже выросли, а любимые ими когда-то книги сейчас скачуют на полках. Особо ждем помощи в сборе книг от пионеров, школьников, студентов, комсомольцев — всех, кого волнует судьба детей, оказавшихся в беде.

Комплектование будущих библиотек мы решили организовать в самой нашей редакции, поэтому напоминаем адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, журнал «Смена», «Детский дом — теплый дом».

О детских домах, в которых будут открыты библиотеки, собравшие читатели, мы, конечно же, расскажем на страницах нашего журнала.

Ждем вашего отзыва, ваших книг, дорогие друзья!

Уже пять месяцев почта ежедневно приносит все новые подтверждения, что наш призыв — подарить библиотеки детским домам — с одобрением воспринят читателями. Идут в «Смену» посылки и бандероли с книгами, и почти в каждой из них добрые, трогательные письма.

Четыре года назад мы приехали в Новый Уренгой. Тогда он был маленьким поселком, а сейчас это настоящий город. У нас уже три школы, две из них строил наш папа. Очень радуют и согревают нас книги, которые прислали друзья из разных уголков страны. Прочитав в «Смене» обращение к читателям, мы тоже решили послать книги ребятам из детских домов. Создание таких библиотек, как наша в Новом Уренгое, и те, для которых посылаем книги мы, еще раз показывает, какие добрые в Советской стране люди.

Сестры МУСИЕНКО

У меня есть папа и мама, они покупают мне книги. А кто купит книги ребятам, которые живут в детдоме? Я высылаю свои.

Коля ИВАНОВ,
Верхнекамский район
Кировской области

Высылаю книги из библиотеки моей дочери. Она трагически погибла в сентябре прошлого года, проучившись в первом классе всего шестнадцать дней. Библиотеку я собирала в течение нескольких лет, книги в ней разноплановые: и для малышей и для подростков. Думаю, старшеклассникам будет интересны поэтические сборники. Я люблю книги, читаю много и дочь свою приучала к этому. Теперь эти книги пусть читают другие дети.

Жанна Зорабова,
КАРЯГДЫ,
Баку

Я бывший воспитанник детдома и по себе хорошо знаю, как нужна детям интересная книга. От всей души подерживаю ваш призыв.

Ю. А. ШЕРСТЮКОВ,
Джамбулская область

Перед войной я воспитывалась в ашхабадском детском доме № 1. С тех пор прошло более сорока лет. Жизнь поразбросала нас по стране, и ни о ком из своих бывших однокашников ничего не знаю. Я вырастила четверых детей, все они встали на ноги, но хочется сделать что-то хорошее и для других ребят, тех, что воспитываются в детском доме. Книжки подбирала так, чтобы была не только художественная литература, но и научно-популярная и по рукоделию. Желаю, чтобы детские дома стали теплыми.

Е. А. СМОЛЕНСКАЯ-ТУШМИНЦЕВА,
пос. Красные Баррикады,
Астраханская область

В нашем селе новая, только год назад построенная трехэтажная школа. Есть и своя библиотека. Нам бы хотелось, чтобы наши ровесники в детских домах имели такие же. Высылаем несколько бандеролей.

Члены КИДа «Факел»
Бабинской средней школы
Каменецкого района
Черновицкой области

В нашей семье пятеро детей, все девочки. Каждая из дочек выбрала свои любимые книги и дарит их детям.
Семья ЧЕБАНУ,
Красноярский край

Работаю в Московском институте химического машиностроения старшим лаборантом. Наша газета перепечатала призыв «Смены» собрать книги для библиотек в детских домах. Высылаю десять книг. Очень бы хотелось, чтобы начатое вами дело подхватили многие.

Э. С. МЕЛЬНИКОВА

С волнением прочитали ваше обращение на классном часе. Уже на следующий день многие принесли книги. Желаем счастья ребятам из «теплого дома».

Ученики 6«А» класса школы № 35,
г. Уральск

С большим волнением узнали о новой инициативе «Смены» — собрать книги для детских домов. Посылаем собрание сочинений В. Г. Короленко. Пусть это будет нашим скромным вкладом в общее полезное дело.

С. С. и Е. А. СТЕПАНОВЫ,
Красноярск

Прочитав обращение, я пересмотрела свою домашнюю библиотеку. Сын у меня взрослый, служит в армии, внуков пока нет. Если книги понравятся ребятам, я буду рада.

Н. П. ДУБИНИНА,
Севастополь

Коллектив крутильного цеха № 1 Коломенской ордена «Знак Почета» канатной фабрики имени В. И. Ленина горячо откликнулся на призыв журнала. Высылаем библиотечку, собранную рабочими цеха.

Начальник цеха З. КОЗИЧЕВА,
секретарь комсомольской
организации
В. КУКОЛЕВА

В годы войны я потеряла родителей и воспитывалась в одном из детских домов в Белоруссии. Я уже давно сама мать и хочу хоть чем-то помочь воспитанникам детских домов. К сожалению, у меня не очень большая библиотека, но самые лучшие из своих книг я высылаю.

Евдокия СТРЕКАЧ,
Алуштинский район
Крымской области

Дорогая редакция! Примите, пожалуйста, книги для детей-детдомовцев от комсомольско-молодежной бригады проводников фирменного поезда «Запорожье». Надеемся, что книги эти принесут ребятам много радостных минут.

Комсорг бригады
Надежда КРОЖИНСКАЯ

Пятьдесят тысяч книг от вас, дорогие читатели, получено редакцией «Смены». Большинство из них уже переданы детским домам.

В одном из ближайших номеров мы подробно расскажем о ходе операции «Добрые книги — детскому дому». А пока еще раз сердечно благодарим всех, кто уже откликнулся на наш призыв.

Идем к друзьям!

В конце марта в стране будет проходить II Всесоюзная неделя «Творческая молодежь — воспитанникам детских домов». Проводят ее Совет творческой молодежи ЦК ВЛКСМ, союзные министерства культуры и просвещения, союзы писателей, художников, композиторов и кинематографистов, ЦК профсоюзов работников культуры и просвещения.

Совет творческой молодежи ЦК ВЛКСМ обращается к молодым литераторам, музыкантам, художникам, актерам:

Дорогие друзья, побывайте в дни Недели в детских домах, организуйте выставки картин или проведите уроки живописи, покажите ребятишкам веселый спектакль или прочтите отрывок из своей новой книги, помогите в оформлении интерьера детского дома, наконец, просто побеседуйте с ребятами — увидите, сколько радости доставит им ваш приход. Конечно, формы вашего участия в Неделе могут быть самыми разнообразными, и мы надеемся, что в детском доме вы станете частыми гостями, подружитесь с ребятами. Они очень ждут вас!

Думаю, что каждый человек, увидевший однажды глаза ребенка, которому суждено расти без родителей, не сможет жить дальше так, как жил прежде. В нем, несомненно, родится потребность отдать частицу своего тепла, своего сердца детям. Взамен он получит поистине неизмеримое богатство — трогательную детскую привязанность. А эти дети способны быть удивительно благодарными. В них живет огромная потенциальная сила любви, так же как и жажда получить хоть малую толику любви взрослых и их внимания...

По предложению Совета творческой молодежи ЦК ВЛКСМ наш театр шефствует над 105-й школой-интернатом Москвы. Мы познакомились в прошлом году, когда ребята пришли к нам в «Современник» на новогоднюю елку. Я смотрела тогда на нарядных детей сотрудников нашего театра, в массу которых влились мальчики и девочки в более чем скромных костюмах и платьицах, и подумала: какое счастье, что дети лишены бытующего порой в обывательском сознании взрослых представления — «встречают по одежке...». Как же хочется, чтобы именно у этих детей было все самое лучшее: нарядная одежда, книжки в ярких переплетках, желанные игрушки. И глаза, освобожденные от детской тоски.

Наверное, нужно сделать лишь первый шаг — прийти к этим детям, а потом... Потом я даже к своим друзьям стала относиться иначе. Они невольно делились для меня на тех, кто сразу включался в новое дело, не жалея сил, времени, нервных затрат (они зачастую и отпугивают, ведь мы так иногда жалеем себя, так не хотим причинить себе лишнюю боль), и на тех, кто оставался равнодушным.

Тогда, на новогоднем празднике, я впервые опутала и на себе тепло и благодарность новых маленьких друзей. Они выигрывали конфеты, безделушки, сувениры, участвуя в аттракционах и играх, — и несли свои призы взрослым. Это было так трогательно, что я отказывалась поначалу, говоря:

ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ

Екатерина МАРКОВА,
актриса московского театра
«Современник», член Совета творческой
молодежи ЦК ВЛКСМ

В «СОВРЕМЕНИКЕ»

«съешь сам» или «оставь себе», и тут же видела, какую это вызывает обиду. Наверное, в этом кроется один из непостижимых парадоксов жизни: чем меньше имеет человек, тем сильнее в нем живет потребность отдавать.

Именно с новогодней елки началась наша дружба.

Потом коллектив «Современника» собрал для интерната библиотеку. И самое радостное было то, что люди отдавали самые лучшие из своих книг. На титульном листе каждого издания был проставлен специально изготовленный экслибрис — театральная маска.

...По воскресеньям ребята приходят в «Современник» на детские спектакли. И не беда, что они смотрят их уже, наверное, в десятый раз. Главное, что дети приходят в дом, где их ждут и где им рады. Тем более, что дом носит такое чарующее имя — театр.

Весной прошлого года в гости к ребятам мы поехали с Константином Райкиным. Сначала он очень смешно изображал зверей, сопровождая показ рассказом о том, как он подглядывал за их повадками. Потом пародировал абитуриентов, поступающих на актерский факультет. Абитуриенты были разные: одаренные и напорч лишенные способностей, косноязычные и болтливые, заикающиеся от робости и непомерно смелые от того же смущения. Дети буквально плакали от смеха. Так было радостно смотреть на их разгоряченные, порозовевшие лица, в их глаза, утратившие обычное напряженное выражение. А Костя вдруг хитро подмигнул ребятам и сказал:

— А что же все я да я? Давайте-ка и вы мне что-нибудь покажите. Кто умеет петь, танцевать, читать стихи — лезьте на сцену.

Рядом со мной послышались взволнованные вздохи педагогов и воспитателей:

— Да как же, наши дети не смогут...

— Ой, что вы, они так стесняются!..

И произошло чудо. Не для нас с Костей, а для воспитателей, которые при всей погруженности в жизнь своих детей не учли, видимо, одного — великой жажды творчества в маленьком человеке. И еще, наверное, того, что искренняя заинтересованность расковывает человека.

Сначала по одному, а потом уже группами выбегали дети на сцену. Они хотели показать нам все, что умели. Костя терпеливо и очень внимательно выслушивал каждого и находил ему одному предназначенные слова похвалы и одобрения. Мы пробыли в интернате долго, пока не почувствовали, что дети устали.

А потом стали думать, чем порадовать детей в их коллективный день рождения. Возникла мысль об интересных книгах в подарочном издании. Но где их взять? Мы обратились прямо в издательство «Детская литература».

И дети нашего интерната получили в подарок прекрасные книги. Люди, к которым обращались мы с подобными просьбами, делали все, что было в их силах. Про исключения не хочется говорить. Черствые наказывали себя сами — их нравственная глухота потом ударит по ним самим. Я в этом уверена. И уж, несомненно, их меньшинство.

Зато какие поразительные человеческие приобретения подарила мне судьба, сведя с воспитателями московского интерната! И еще таллинского детского дома № 2. В Таллин я попала прошлой весной, в дни недели «Творческая молодежь — воспитанникам

ШИРОКА СТРАНА МОЯ РОДНАЯ

детских домов». Там и познакомилась с Юлией Михайловной Скибиной. Внешне она совсем неброская, даже кроткая, со взглядом, изюм всех сил маскирующим беззащитность доброты. «Мам Юль» — слышалось со всех сторон, всем детям она была необходима одновременно.

— Самое большое несчастье, что не являюсь педагогом по образованию, — сказала тогда Юлия Михайловна, — поэтому не могу работать воспитателем в детском доме.

А я смотрела на нее и думала, что вот она-то и есть истинный воспитатель по призванию. Каждый день после работы, а работает Юлия Михайловна в статистическом управлении, едет она в детский дом. Уходит, когда дети ложатся спать. И так каждый день, уже много лет подряд. Я была у нее дома, в ее маленькой однокомнатной квартире. Всюду — фотографии детей с самыми нежными надписями. Она знает абсолютно все о каждом воспитаннике детского дома. И по каждому из них болит ее сердце. Она живет их радостями, болеет их бедами и каждодневно отдает детям всю себя. Она рассказывала о своих ненаглядных ребятах, а я слушала ее и думала о том, что никогда, наверное, эту женщину не коснется одиночество. Сама бывшая детдомовка, Юлия Михайловна свою жизнь посвятила детям из детского дома...

«Человек стоит столько, сколько отдает добровольно...» Тогда же, в Эстонии, судьба свела меня с корреспондентом газеты «Вечерний Таллин» Августинной Гербер. Впервые она побывала во втором детском доме вместе с нами. А сейчас именно по ее инициативе для этого дома собрана довольно большая библиотека.

В заключение хочется сказать вот о чем. Хорошо, что Совет творческой молодежи ЦК ВЛКСМ взял на себя такую благородную миссию привлечь к шефской работе в детских домах молодую художественную интеллигенцию. Пусть к детям придут художники, музыканты, писатели, актеры и общат их к таинствам творчества, помогут вступить в мир искусства. К сожалению, в детских домах нет ставок для руководителей кружков. А ведь значение творчества для ребенка не переоценить, и зачастую это самый верный способ вернуть ребенку возможность радоваться, видеть мир ярким, гармоничным, наконец, созидать самому.

В нынешнем году мы устроили для детей из интерната новогодний карнавал, каждый его участник должен был спеть песенку, прочесть стихотворение или показать смешную сценку. Театр обеспечил интернат марлей, пошивочный цех сшил тапочки, остальные делали сами дети. И справились со своей задачей прекрасно. Приехали они на елку взволнованные: ведь сегодня им предстояло быть артистами, а нам — зрителями. Довольны остались все. Дети выступали в фойе театра перед елкой. А потом их повели в зрительный зал. Они вышли на празднично освещенную сцену, зазвучала музыка, и круг, на котором они стояли, двинулся. В голубоватом сказочном освещении кружились дети, серпантин и конфетти падали на плечи, волосы ребят. А они, восхищенно замерев, глядели со сцены на сидящих в зале актеров и своих воспитателей и, наверное, у каждого из ребят взволнованно билось сердце — ведь это им сейчас принадлежала святая святых театра — сцена, для них играла музыка, переливался причудливыми бликами свет. Это был их новогодний праздник. Думается, что дети запомнят эту елку, как одно из самых ярких событий детства.

Пусть же каждый взрослый человек спросит себя: «А что я сделал для этих детей?» А ответ на этот вопрос пусть подскажет ему совесть.

Проведенный журналом «Смена» в минувшем году конкурс эрудитов завоевал большую популярность у наших читателей. Многие из них высказали желание сделать его постоянным и предложили провести на страницах журнала в этом году, когда страна отмечает 60-летие образования СССР, новый конкурс.

Редакция охотно поддерживает это предложение и совместно с Бюро международного молодежного туризма «Спутник» ЦК ВЛКСМ объявляет о начале конкурса «Наша Родина».

Конкурс состоит из трех туров, в каждом из которых читателям будет предложено 15 вопросов, касающихся общественно-политической и научно-технической жизни советских республик, истории Советского государства, географии, литературы, искусства и культуры, быта и обычаев населяющих его народов.

Название первого тура — «Широка страна моя родная», второго — «Союз нерушимый» и третьего — «Летопись десятилетий». Вопросы для всех туров редакции по традиции отберет из ваших писем, дорогие читатели. При этом вопросы первого тура, которые мы предлагаем вашему вниманию, взяты в основном из писем читателей, как раз и предложивших провести конкурс «Наша Родина».

Ждем от вас вопросы для второго тура — до 15 апреля и третьего — до 15 мая. Присылайте их в любом количестве с обязательной ссылкой на справочную литературу. Самые интересные опубликуем в номерах с указанием вашей фамилии.

Жюри будет подводить итоги как по каждому туру, так и по конкурсу в целом, выявляя победителей по количеству набранных очков. Ответы надо присылать на каждый тур отдельно. Правильные ответы на все вопросы каждого тура могут принести претенденту 50 очков. За каждый неточный или неполный ответ жюри вправе снизить оценку.

А призы? Для тридцати участников каждого тура, показавших наивысшие результаты, — это книги, альбомы, дипломы. Для трех победителей конкурса в целом — путевки для путешествия по СССР.

Итак, конкурс «Наша Родина» начинается. Ответы на вопросы первого тура редакция ждет от вас до 15 мая. Вы облегчите работу жюри, если будете отвечать на вопросы в таком порядке, как они заданы, и писать четким почерком на одной стороне листа. Если вам не удастся ответить на все вопросы, все равно присылайте ответы.

Желаем вам успехов!

ПЕРВЫЙ ТУР «ШИРОКА СТРАНА МОЯ РОДНАЯ»

1. Когда и в какой Совет впервые был избран депутатом В. И. Ленин? Кто выдвинул его кандидатуру? (3)

Ф. МОРЕНЕЦ,
г. Жданов

2. Сколько народов, ранее бесписьменных, получили письменность в ходе строительства СССР? Назовите хотя бы десять языков, получивших тогда письменность. Какой термин принят для их совокупного обозначения? (2)

А. ПАРАМОНОВ,
г. Касимов Рязанской области

3. Известный советский актер, готовивший главную роль в спектакле «Встречи с Маяковским» в 1952 году, увидел на сцене студенческого театра МГУ в этой же роли студента-химика и предложил ему сыграть ее вместо себя в Ленинградском театре драмы имени А. С. Пушкина. Студент согласился, выступил с большим успехом, ему предложили стать профессиональным актером, но он остался верен науке, стал академиком, Героем Социалистического Труда. Назовите и актера и ученого. (5)

В. ШЕСТЫХ,
г. Канск Красноярского края

4. Народ какой автономной республики после победы Великого Октября образовал самостоятельное государство? Как оно первоначально называлось? Как называлась его столица? (3)

Д. ПОЛЯКОВ,
г. Холмск Сахалинской области

5. «...И девушка наша проходит в шинели, горячей Каховкой идет». Кому именно посвятил «Песню о Каховке» М. Светлов? Какую награду получила героиня этой песни за участие в освобождении города от белогвардейцев? (5)

В. КУРОЧКИН,
г. Ижевск

6. Композитор и певец вышли из одной национальной культуры. У них одинаковые имя и фамилия. Творческий расцвет композитора пришелся на первые десятилетия Советской власти, певец с успехом выступает в концертах сейчас. Назовите их. Композитор написал оперу «Нэргиз», чья она примечательна? (3)

В. БАШИРОВ,
г. Грозный

7. Житель какой союзной республики во время Олимпиады-80, проходившей в нашей стране, получил целых двадцать золотых медалей. За что их ему вручили? (4)

А. ЧЕРНЫЙ,
г. Николаев

8. Каждый второй советский снаряд, выпущенный во время Великой Отечественной войны, был сделан из металла, выплавленного одним предприятием. Каким? Строителем его посвящено литературное произведение, названное словами из марша В. Маяковского. Назовите произведение, кто его автор? (4)

В. ТРАЦЕВСКАЯ,
пос. Боровляны Минской области

9. Все знают песню об «огненном трактористе» Петре Дьякове, в которой есть слова: «Прокати нас, Петруша, на тракторе...» Он едва не сгорел, спасая народное добро от пожара. В 70-х годах его подвиг был повторен. Кем, когда и где? Известный писатель посвятил герою очерк. Как он назывался, где опубликован и кто его автор? (4)

Е. ШИЛОВ,
г. Саранск

10. Какой документ полностью вошел в самую первую Советскую Конституцию? (2)

З. ФРУНЗЕ,
г. Рыбница Молдавской ССР

11. Только один советский летчик во время Великой Отечественной войны сбил тараном 4 фашистских самолета. Назовите героя и даты боев. (4)

Н. КАСЛОВ,
г. Чита

12. Комсомольско-молодежную стройку — БАМ — назвали стройкой века. Почему? По какому участку магистрали прошел первый поезд? Сколько станций будет на БАМе? (3)

И. ТАБУНЩИКОВ,
г. Тында Амурской области

13. По территории каких двух автономных республик и автономной области текут и в какие крупные реки впадают три левых притока с одинаковым названием? (4)

У. ЦЫЦЫКТУЕВА,
г. Улан-Удэ

14. Кто из советских спортсменов и когда установил первый мировой рекорд? Какой именно? (2)

А. ГРИШАНОВ,
г. Ленинград

15. У юношей какого народа принято загадывать на клевере имя любимой? (2)

А. МАМЕДАЛИЕВ,
г. Баку

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ С ОТВЕТАМИ НА ВОПРОСЫ ПЕРВОГО ТУРА ДО 15 МАЯ ЭТОГО ГОДА (ПО ШТЕМПЕЛЮ ПОЧТОВОГО ОТПРАВЛЕНИЯ).

* В скобках после каждого вопроса указано число очков, в которые он оценен.

МАРТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

«**Дайте нам будущее!**»

Под таким лозунгом в Великобритании прошла общенациональная кампания, организованная рядом прогрессивных организаций. Еще в мае 1977 года на совещании в Лондоне руководящие деятели ведущих капиталистических стран торжественно договорились «обменяться опытом и идеями относительно обеспечения молодежи работой». Однако после этой встречи безработица продолжала увеличиваться, и увеличение это из года в год нарастает.

Неудивительно, что летом 1981 года произошли массовые стихийные выступления молодежи в ФРГ, Нидерландах, Дании, Великобритании. Бюро по трудоустройству молодежи в Лондоне опубликовало объявление, в котором было написано: «В настоящее время в Великобрита-

нии имеется больше безработной молодежи, чем после окончания войны. При этом они вовсе не какие-нибудь тунеядцы, не желающие приложить руки к делу, а жертвы реального состояния экономики страны. Только-только переступив порог трудовой жизни, молодые люди оказываются выброшенными на свалку».

«Огромная бочка с порохом на европейской политической сцене» — так охарактеризована безработица среди молодых в документах специальной комиссии Европейского экономического сообщества. Один из членов комиссии заявил: «Вопрос, который все мы себе задаем, звучит так: насколько длинен фитиль, ведущий к этой самой бочке с порохом?»

«СТРОИТЕЛ», БОЛГАРИЯ

ФРГ: МИЛЛИОН НЕГРАМОТНЫХ

Растерянность на лице 24-летней Рут Меннерт: она пытается прочесть этикетку на товаре. Но это дело совершенно бесполезное — ведь она... не умеет читать.

По данным ООН, в настоящее время в мире имеется 814 миллионов неграмотных, из них 80 процентов приходится на развивающиеся страны. Но, как это ни удивительно, число неграмотных в таких странах, как США, Великобритания или Голландия, достаточно велико.

Что касается ФРГ, то точных данных нет, однако о неграмотности значительной части населения можно судить по косвенным сведениям. Так, например, один процент призываемых на военную службу не умеет читать и писать, и поэтому они объявляются «непригодными для службы в армии». Проверка в Баварии показала, что

пять процентов учеников профессиональных училищ едва умеют читать и писать. Количество неграмотных среди заключенных составляет семь процентов. Если все эти проценты попытаться перевести в обычные цифры, то окажется, что в ФРГ свыше одного миллиона человек являются полностью или частично неграмотными.

Компетентные органы в Западной Германии не делают почти ничего, чтобы решить эту проблему, потому что, как утверждают сотрудники федерального министерства просвещения, «с юридической и официальной точек зрения неграмотных в стране нет и не может быть, поскольку имеется закон о всеобщем обязательном обучении».

КВИК, ФРГ

АВТОМОБИЛЬ СТАНОВИТСЯ ВСЕ МЕНЬШЕ

Улицы городов, забитые транспортом. Бесконечные «пробки»... Увы, привычное для нашего времени зрелище. Выдвигается множество планов и проектов избавления от «автомобильного ада», но число машин неуклонно растет. Впрочем, одна тенденция, облегчающая жизнь городу и горожанам, устойчиво утверждает себя: автомобиль становится все меньше. «Королевы» городских дорог сегодня — малолитражка и микролитражка. Новую модель, предложенную японской фирмой «Судзуки», вы видите на снимке. Одноместный мини-автомобиль способен развивать скорость до 50 км/час и расходует в условиях городского движения не более 2 литров смеси на 100 километров. Двигатель — моторчик от mopeda...

«ТАЙМС», ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

КОСМИЧЕСКИЕ КИНОДРАМЫ

В лондонском районе Вест-Энд появятся в ближайшем будущем два кинотеатра, которые, по мнению их создателей, должны «революционизировать» традиционное кинозрелище. Зрительские кресла расположены на сложном техническом сооружении, напоминающем карусель. Мощные ускорители должны вызвать ощущение, сходные с теми, которые доводится испытать космонавту, по-

кидающему Землю. Карусель вертится, а на экране — научно-фантастический фильм. Например, о космических сражениях с воинственными инопланетянами. Пока неизвестно, будут ли зрители пристегивать к креслу, чтобы он не задумал покинуть «киноракету» раньше времени...

ШТЕРН,
ФРГ

КАПИТУЛЯЦИЯ НЬЮ-ЙОРКА

Еще сравнительно недавно многие были убеждены, что рекорды преступности в Нью-Йорке ставятся только в отдельных, особо угрожаемых районах, а в других районах города можно чувствовать себя в относительной безопасности. Увы, сейчас подобный иллюзий уже не осталось.

Уголовная хроника Нью-Йорка производит тяжелое впечатление. За 1980 год в городе произошло 1821 убийство, 3711 случаев изнасилования (полиция полагает, что их на самом деле раза в четыре больше), 100 554 ограбления, 212 748 краж со взломом. Только незначительная часть преступлений была раскрыта. Случаи ограблений раскрываются лишь на 14 процентов, краж со взломом — на 6,5 процента, 22 047 камер в тюрьмах Нью-Йорка по-

стоянно переполнены. А такие преступления, как карманные кражи, угон автомобилей, торговля наркотиками и незаконное владение оружием, вообще считаются мелочью...

В борьбе с преступностью органы полиции и суда предлагают ужесточить наказания, вплоть до применения смертной казни. Но никто не строит иллюзий относительно эффективности таких мероприятий. К тому же сокращение администрации Рейгана расходов на социальные нужды еще больше ухудшает обстановку. Похоже на то, что не только Нью-Йорк капитулирует перед преступностью, но и Белый дом...

«ТАЙМ»,
США

ИЗ БИОГРАФИИ НЕБОСКРЕБА

«Эмпайр Стейт Билдинг» отпраздновал свое пятидесятилетие. Имея высоту 381 метр, небоскреб до 1970 года являлся самым высоким зданием в мире. Затем в течение последующих четырех лет этим рекордом владели два «близнеца» из стекла и бетона (417 м), принадлежавшие Международному торговому центру в Нью-Йорке. Однако в 1974 году звание «самый высокий» перешло к чикагскому небоскребу «Сойерс Тауэр» (443 м). Городские власти Чикаго решили закрепить успех силами фирмы «Скидмор Оуингс энд Мерилл», которая спроектировала дом в 169 этажей и высотой 700 метров.

«Эмпайр Стейт Билдинг» за свои пятьдесят лет видел много всяких событий с трагическим исходом. Число отча-

явшихся и брошенных на произвол судьбы в стране «равных возможностей», которые покончили с жизнью, бросившись в бездну с платформы 86-го этажа, достигло нескольких десятков человек. В 1947 году власти решили обнести роковую смотровую площадку высоким барьером.

Были моменты, когда бетонный колосс подвергался серьезному испытанию на прочность. Это случилось, когда военный самолет, потеряв ориентировку в сплошном тумане, врезался в небоскреб на уровне 79-го этажа. В результате катастрофы 13 человек погибли и 26 были тяжело ранены. Возникший пожар распространился по всему зданию.

«СКЫНТЕЙЯ», РУМЫНИЯ

Планы Жака-Ива Кусто

Известный французский океанолог Жак-Ив Кусто, побывавший в Бразилии, сообщил, что провел переговоры в министерстве морского флота этой страны по уточнению плана научной экспедиции с целью исследования флоры и фауны Амазонки. Кусто признает, что предстоящая экспедиция будет наиболее трудной из всех, которые он совершил.

Для проведения научной работы намечено использовать океанографическое судно «Калипсо», а также гидросамолет и вертолет. Планируется экипаж в составе 40 человек, в большинстве это выходцы из стран Латинской Америки. Среди них будут научные работники различных направлений, специалисты навигационного дела, фоторепортеры и врач.

Экспедиция продлится 13 месяцев. Кроме изучения флоры и фауны, предстоит исследовать экологическую взаимосвязь между джунглями бассейна реки Амазонки и Атлантического океана.

«ЮМАНИТЕ», ФРАНЦИЯ

КАК СПАСТИ ВЕНЕЦИЮ

Новый проект защиты Венеции от наводнения разработан специалистами из Падуанского университета. Как известно, Венеция подвержена частым наводнениям вследствие медленного опускания в море побережья, на котором она расположена.

Предлагается осуществить целый комплекс гидротехнических работ. Основу проекта составляет система стальных камер, расположенных вдоль береговой линии. Чтобы не нарушать режима судоходства, их в спокойное время года намечено держать в погруженном состоянии. При возникновении угрозы наводнения в камеры нагнетается сжатый воздух, они всплывают на поверхность воды, создавая непреодолимую преграду на пути разбушевавшейся стихии.

Такой плотине не страшна двухметровый подъем морской воды. А ведь в городе у всех в памяти катастрофические последствия, которые имело наводнение 1966 года. Тогда вода поднялась до отметки 1,94 метра...

«УНИТА», ИТАЛИЯ

В ЦАРСТВЕ ЧАСОВ

Эти часы с исполненным майтиком — один из экспонатов музея часов, открытого в старом замке Штериберк, неподалеку от города Оломоуца (ЧССР). Более 300 замечательных изделий часового искусства разных эпох собрано в коллекции, да еще множество часов самых современных. Это и неудивительно, ведь в Штериберке расположено предприятие «Хропотехна», центр часовой промышленности страны. Путешествие в историю часов каждый год совершают десятки тысяч туристов.

«ФРАЙЕ ВЕЛЬТ», ГДР

На скамье подсудимых — Чарльз Дарвин

Да, именно Дарвин предстал фактически перед судом американского города Сакраменто (штат Калифорния). Дело в том, что 13-летний школьник Келли Сигрейвс из этого города пожаловался отцу: «Учитель сказал нам, что мы происходим от обезьян». Отец обвинил школу в пропаганде идей Чарльза Дарвина среди молодежи.

По мнению религиозного родителя, это поколебало у детей веру в библейскую версию о происхождении человека. 38-летний Сигрейвс принадлежит к одной из многочисленных сект и являлся прежде директором некоего «исследовательского института по проблеме происхождения мира». В суде он появился с огромным пакетом документов, «доказывавших» библейский вариант эволюции. Впрочем, успеха Сигрейвс не имел. Судья заявил, что обсуждение теории Дарвина в школах штата не нарушает правовых норм, однако добавил, что эта научная теория «не должна рассматриваться как догма». Другими словами, глубокомысленный судейский вердикт истолковывается так: детям можно продолжать присутствовать на уроках, где речь идет об учении Дарвина, но... не обязательно принимать все на веру.

Необычайный процесс в Сакраменто напомнил известную американскую судебную историю, происшедшую в 1926 году, когда учителя из штата Теннесси приговорили к 100 долларам штрафа за пропаганду дарвиновской теории. Времена и в Америке меняются. Но, как видите, не совсем...

«МАДЬЯР ИФБЮШАГ»,
ВЕНГРИЯ

КРАХ МЕЧТЫ О «СВОБОДНОМ ГОРОДЕ»

«Свободный город» Христиания, расположенный в одном из кварталов Копенгагена, появился на свет десять лет назад и скоро стал Меккой отвергнутых обществом юношей и девушек из многих стран. В 1970 году армейская часть покинула находившиеся здесь казармы и передислоцировалась на новое место. Но пока муниципалитет решал вопрос, что делать с бывшими казармами, сюда прибыло несколько сот хиппи, чтобы в конце 1971 года объявить о создании здесь «свободной общины».

Вначале Христиания казалась чисто туристским объектом, куда любопытствующие приходили поглазеть на отверженных «детей света». Но вскоре здесь начали во множестве гнездиться продавцы наркотиков, банды хулиганов, жулье разного калибра.

Сегодня большинству жителей Христиании уже не двадцать лет, а тридцать пять — сорок. Из 1000 обитателей «свободного города» только 200 человек кое-что делают в ремесленных мастерских, прочие же предпочитают попрошайничать, ожидая от властей так называемых «социальных пособий». «Свободная коммуна», одна из странных утопий минувшего десятилетия, продолжает существовать, но она фактически уже мертва.

«ЛАНД ОГ ФОЛЬК»,
ДАНИЯ

А ВИНОВАТЫ ЛИ СЛОНЫ?

Подлинным бичом для крестьян, живущих в южном Непале, стали дикие слоны. Они постоянно нападают на многие заселенные области, разрушают при этом дома деревенских жителей, выгнать урожай на их полях, порой преследуют людей.

Такие набеги повторяются из года в год, поэтому для объяснения этого необычного явления пригласили известных зоологов. После изучения обстановки специалисты объяснили странное поведение слонов тем, что земли, ныне заселенные и обработанные, были когда-то родным краем для слонов. Но с течением времени люди нарушили экологическое равновесие: вырубили леса, уничтожили другую естественную растительность и

окультурили полученную таким образом землю. У своих полей земледельцы построили скромные жилища, благодаря чему совершенно изменился вид местности. Слоны с этой новой действительностью утратили источники пропитания и, собственно, извечную родину. Со столь решительной переменой эти животные не смирились и по-своему мстят человеку...

Ученые убеждены, что, пожалуй, единственным действенным решением «проблемы слонов» было бы восстановление естественного облика южного Непала и введение законов по охране лесонасаждений и их обитателей.

«МЛАДИ СВЕТ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

КОРОЛЬ ВОДОЕМОВ

Начиная с середины 60-х годов во многих странах мира — от Юго-Восточной, Центральной и Западной Европы до Кубы и США — в водоемы, которые находились под угрозой зарастания, запускают импортированных из Советского Союза мальков белого амура. Результат поразителен, хотя он и программировался заранее: белый амур, в «меню» которого входят различные виды водорослей, полностью очищает водоемы. Ну, об остальных достоинствах этого уроженца дальневосточных рек весьма положительно отзываются рыболовы. В ГДР, например, рекордный экземпляр, попавший на крючок, весил 15 кг 480 г при длине 98 см!

«НБИ», ГДР

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

Рисунок
Марины ПИНКИСЕВИЧ

стей, прикидывает и взвешивает; начальство поругает, а возможно, и наоборот, поблагодарит за осмыслительный шаг, но если вдуматься — жизнь коротка, годы летят, и не мешаешь беспокоиться о собственном будущем, — вовсе не хитрое это молчание.

— А если нам сделать так... — начинает Раух и откидывается на спинку кресла, совсем по-домашнему, будто советуется с Поливодой, а заодно и молчаливо благословляет старосту на выполнение того, что он сейчас скажет. И Поливоде становится ясно: с него тоже снимается возможное обвинение в самостоятельности — ведь получается, идея исходит не от него и даже не от Рауха, а просто так складываются обстоятельства; в конце концов, если получится — хорошо, а если нет — они все же старались.

После паузы продолжает Раух и дальше вмиг выкладывает:

— Где-то вблизи Залес вращаются Окунь и Орлик, известные деятели из полиции. Вы войдите с ними в контакт, а Ридер даст подтверждение по своей линии, словом, узаконит. Вы отлично знаете село, кто чем дышит, знаете партизанские семьи, их же там около сотни, кроме того, сочувствующие. Списки передайте Орлику и Окуню, однако каждому порознь, двое — это уже свидетели, а вы мне понадобится и после войны, не так ли? Нам с вами еще жить да жить. Орлик и Окунь сами сообразят, как действовать, им службу нужно нести исправно, если на что-то надеются. Но обязательно проследите — мы, конечно, предупредим, чтобы не слишком грабили, в пределах разумного. СС должен взять свое. Да и после СС кое-что должно остаться. Крестьянину надо как-то жить, верно? Таким образом, мы еще раз засвидетельствуем верность великому рейху и Адольфу Гитлеру, подтвердим, что в состоянии собственными силами поддерживать порядок на этой земле! — Последние слова Раух провозгласил, поднимаясь и мгновенно, совсем незаметно застегивая на кителе пуговицы: Поливода вскопчил следом, благо, ему и застегивать ничего не нужно было, маникерка на нем как влитая.

Вот что значит политика, и даже когда тебе не дано ее определять, но ты соображаешь, как вращаются ее колесики, сам невольно становишься колесиком и понимаешь, что от тебя тоже зависит какое-то движение в гигантской колеснице, что тебя берегут и смазывают, лишь бы ты исправно вращался. Раух, казалось, всего-навсего бросил косточки на счетах, а он, Поливода, уже увидел конечный результат. И волки сыты, и овцы целы, а дело... Оно сделано руками Окуня и Орлика, на них и оштрафуются народ; если кого и пырнут вилами, потеря невелика, цепных псов хватает, на большее им и рассчитывать бесполезно, а ворон ворону глаз не выклюет.

— Ну, тогда я поеду домой, — сделал большую паузу, сказал Поливода.

— Да-да, — кивает Раух, — путь не близкий, да и дорога разбитая, хорошо, если к десяти ночи доберетесь. Ничего, — смеется Раух, — когда-нибудь шоссе проложим, автомобилем обзаведетесь.

— Э, — отмахивается Поливода, — автомобиль не по мне, нам, мужикам, привычнее с конем: и нивку объехать и подумать на возе время есть, конь знает, куда править...

— Ну, не прибудняйтесь, — говорит Раух и провожает Поливоду до самой двери.

5

Подъезжая в сумерки к Залесам, Андриан Никонович Поливода впервые не ощутил радости возвращения домой. Село виделось черным и незнакомым, хотя староста знал всех его жителей от Орининого Емельяна, родившегося неделю тому, и заканчивая восьмидесятидвуухлетним Карпуком Степаном, одной ногой уже стоявшим в могиле. Он знал, чьи куры как несутся, кто побил жену, кто на завтра собрался печь хлеб или гнать самогон. Но завидовать мне, сокрушался Поливода, может лишь человек, не ощущавший на себе тяжелого креста власти, а ведь, поди ты, находишься охотники, напьется на гулянке горилки и давай кричать: старосте хорошо живется! А сам бы попробовал, на второй день поджилки затряслись бы, языком молоть — не плуга тащить.

Колеса мягко катились по вязкой дороге, тихие жилища затаились, укрываясь мраком, тишиной, деревьями. Вот и улица началась, однако никого не видать, ни одно окошко не светится. Задумавшись, Андриан попустил вожжи, но лошади, то ли уставшие от дороги, то ли в угоду хозяину, топтали неспешно, намеренно осторожно ставили на землю копыта, отчего грязь не брызгала и вода не хлопала, казалось, их даже не тянут тепло конюшни и сумы с овсом.

Здесь вот живет Горник Семен, а Грицько, его старший сын, в партизанах, и Поливоде известно, что Грицько украдкой наведывается к старику. Вместо того, чтобы взять кочергу да отучить сына шляться по чужбине, тот, небось, еще и хлеб-сало подбрасывает в лес, одной веревкой повязаны, а теперь Грицько пусть повеет в своем лесу, когда узнает, что семьи нет, а от хаты кучка пепла осталась — проклянет тот день и час, когда в партизанку подался.

Дальше снова Горники, а за ними еще: одни по-уличному Венчалники, другие — Стручки, — обоим дешево не отделаться, а там — прямо, потом правей, на хуторе, тоже

Горники, Лапуцкие, тех беда, попоже, минует, они вечно сами по себе, плывут со своим хутором по течению, куда ветер дует. А сперва путаница вышла, и не только с Горниками. Смех-то смехом, но и до слез недалеко. В селе жителей, пожалуй, тысяча с половиной, а вот фамилий — тех два десятка едва наберется: Поливода, Конелюк, Пашук, Пыщук, Горник, Ярощук, Дордюк, Хабовец, Олексюк, Сахарчук, Сидорук... Сам господь бог перепутает, кто из какого корня, и чтобы не гадать, о каком Иване Трофимовиче Пашуке речь идет, ведь таких человек пять, в селе каждой семье дали кличку. Поэтому фамилию никогда и не вспоминают, а говорят: это у Вовков, это у Лапуцких, это у Крысы... И когда в сорок первом осенью немцы проверяли списки, он, староста, сообразил, что новым хозяевам незачем забивать мозги бесчисленными Корнелюками и Пашуками и против каждой фамилии написал уличную кличку. Немцы как всполошились, давай хвататься за оружие: кличка-то в их представлении была связана с тайным, с партизанами, с подпольем — Андриан Никонович еле-еле объяснил, что Марфа Захаровна Корнелюк (Любиха) давно выжила из ума, еще в первую империалистическую, а Митрофан Яковлевич Сахарчук (Бадрий) никак не может уйти в лес, поскольку ему от роду четыре года. Немцы, сообразив, долго смеялись, тыча один в другого пальцами, видимо, уверовали: они действительно завоевали дикий народ — одни дикари определяют по кличке, кто есть кто. Раух же, покачав седой головой, заметил о сложившейся традиции — в полесских селах не в правилах брать жену из чужого края или выходить замуж на сторону, бояться оплошать, вот и создают семьи на месте. Раух сказал об этом, вероятно, с умыслом, чтобы Андриан Никонович Поливода не отнес дикарей на свой счет и не обиделся; Раух с самого начала хорошо относился к Поливоде, без скидок, в самом деле хорошо, словно еще до знакомства наметил его, Поливоду, к себе в экономы.

На подворье отца ожидал Михайло. Андриан Никонович было его в темноте не заметил, но услышал, как в металлических петлях заскрипел деревянный брус, преграждавший въезд, — Михайло выткнул его. Потом фигура старшего мелькнула спереди, парень молча взял за узды лошадей и повел их.

Лошади остановились и с удовольствием зафыркали: дома. «И я тоже дома» — подумал Поливода, вытягивая ноги, давая им немного отойти после долгого сидения, но слезать не спешил, будто продолжал прислушиваться к себе и к раскинувшемуся вокруг селу. Михайл тем временем скоро принялся распрягать лошадей.

— Воз потом закати под навес, — сказал Андриан Никонович.

Михайл промолчал: в таких подсказках он не нуждался. Оглобли стучались о землю, кони, освободившись от постромков, переступали с ноги на ногу.

— Тату, — с отчаянием сказал Михайл, как будто заранее уверенный, что отец не привез хороших вестей, — вы опять ни о чем не разговаривали в районе?

— Не разговаривал и разговаривать не буду. Пора бы запомнить: пока срок не подойдет, пока восемнадцать не

исполнится, никакой полиции. Порядок какой-то существует или нет?

— Пока исполнится, пока исполнится... Пока исполнится, война и закончится, ничего и не выслужись.

— С умной головой выслужись. А если невтерпех с винтовкой побаловаться, иди в партизанку.

— Сейчас побегу...— буркнул сын и повел лошадей.

В хате горела коптилка, окна были занавешены темным, не пропуская свет наружу. Светлица казалась маленькой, приземистой, потолок словно навис, а стены придвинулись ближе к столу, свет красил светлицу то в красноватый, то в желтоватый цвет—на улице даже в крошечной темноте чувствовалось вольней и просторней. На столе уже исходила паром в чугушке картошка, заправленная подсолнечным маслом, стояла миска крупных огурцов. Нетронутую котомку Андриан Никонович бросил на край скамейки.

— Так за весь день и не ел?— осуждающе спросила откуда-то Мария.

— Позабыл совсем.

Он сел за стол, посмотрел на ужин, но за ложку братья не торопился, словно думал о чем-то своем. Невидимой тенью вошла Мария, плоская даже после двух детей, и неслышно поставила перед ним высокий графин на граненой ножке из темно-синего стекла, а к нему такой же, из темно-синего стекла, стаканчик, расписанный узорами, тонко позванивающий.

— Налить?

— Не надо.—Он постучал пальцем по стаканчику, отодвинул его в сторону и крикнул вслед Марии, которая незаметно вышла:

— Позови-ка Михаила.

— Да уж говорите.—Михаил стоял на пороге.

— Иди сюда и слушай внимательно.—Говорил не оглядываясь, не отрывая взгляда от темно-синего графина в узорах, что сиротливо стоял на одной ножке, от света коптилки отдававшей еще более густой темнотой.

— Налей-ка,—продолжал, скользя взглядом по тонким линиям рисунка и пытаясь не пропустить ни одного завитка, уголка, не запутаться в кружевах, а потом схватил и вышел одним глотком свою вечернюю, традиционную, обязательную, одну-единственную рюмку.—Пойдешь сейчас в Ягодное к Литуну и скажешь, пусть Орлик и Окунь завтра будут у меня: Орлик до зари, а Окунь сразу после восхода. Клюку возьми, собаки могут где-нибудь напасть. Да побыстрей!

И принялся за ужин.

6

Зельбсманн долго и пристально рассматривал Иосифа Христюка.

— Вы знаете,—сказал немного погодя,—я впервые за много лет испытываю полную неопределенность: абсолютно не представляю, какую вину вам инкриминировать, то есть с чего начать. Вина, видите ли, в принципе очевидна: путешествие по селам, вы подстрекали народ против немецкой армии, но, если я оставлю ваши показания в той форме, в какой мне о них доложили, надо мной, когда со временем кто-то станет перечитывать протоколы, горько посмеются. Переводить же ваши слова на общепонятный язык—значит лишать их сути. Перевирать ваши показания я себе позволить не могу. Хотя бы потому, что рискую оказаться в еще более непривлекательном положении—потерпевшего поражение.

— Каждый исходит из самого себя,—ответил Христюк, пожимая плечами.—Я не знаю, какой смысл вы вкладываете в понятие «поражение».

— Наверное, такой же, как и вы,—чувствовать себя не тем, кто ты есть на самом деле...

— Выходит, и победа для нас то же,—перебил Христюк.

— Оставаться самим собой?—усмехнулся Зельбсманн.

— Да, и тогда, выходит, нам вообще не о чем разговаривать.

— В некоторой степени. Никто не хочет проигрывать, экзистенция не может мирно сосуществовать, одна должна поглотить другую...

— Вы уже проиграли,— снова перебил Христюк,—сами понимаете, мы не в равных условиях. Вы меня уничтожите, но не вы, как личность, а с помощью машины, стоявшей за вашей спиной. Даже собственноручно расстреляв меня, вам не избавиться от чувства неполноценности: дело сделали, но за чужой счет. Я сейчас—только я, мне терять нечего, я вольный и останусь свободным до тех пор, пока смогу поступить по своему усмотрению, пока ваша пуля или петля не положат конец этому абсурду...

— Ну, хорошо, пусть так. Я уважаю убеждения других. Если они, убеждения других, существуют—то, безусловно, возникли не на пустом месте, и приходится их учитывать в своей работе. Как вы верно заметили, я тоже жажду остаться самим собой, а это возможно при том условии, если мир, который я воспринимаю, гармонирует с моими представлениями. По этой причине мы с вами здесь и разговариваем, два «я», две гармонии со своими мирами. И я вовсе не проиграю, потому что исхожу из своего, для меня наиболее существенного.

— Все это—абсурд,—возразил Христюк,—им вы еще раз подтверждаете: нам с вами не по пути. И, наконец, мне абсолютно безразлично, останетесь ли вы самим собой, или

проиграете. Я же точно знаю, что со мной будет так, как я того желаю.

— Никто не склонен проигрывать, вот нам и приходится вести этот разговор. Но пора бы от общих воззрений перейти к конкретным реалиям, чтобы я смог что-то занести в протокол, хотя мне и так все понятно. Но ведь я не закон, и мне не хочется, чтобы коллеги или даже потомки обвинили меня в необъективности.

— Вот и еще одно подтверждение: никакой объективности у вас быть не может.

— Теперь мне ясно, что на общей платформе нам не сойтись. Сожалею, но наш разговор придется вести, насколько это возможно, на уровне обыденного спекулятивного сознания. Попробуем без взбрыкиваний и выкрутасов.

— Как вам угодно.

— Итак, Иосиф Христюк, 1918 года рождения, бывший студент Львовского университета, который демонстративно оставил его в сентябре 1939 года после прихода Красной Армии.

— Почему вдруг демонстративно? Я покинул университет с убеждением в бесполезности дальнейшего там своего пребывания.

— Если бы вы просто покинули, то сейчас не стали бы перебивать меня, уточняя, по какой именно причине бросили учебу.

— А если бы промолчал, то получилось бы, что я ставлю знак равенства между вами и красными.

— Разве есть разница?

— Разумеется, будь одинаково, вы бы не стали иронизировать, прикрывая свое бессилие.

— Смех—оружие сильных.

— Да, но они смеются втихомолку и—над собой.

— Давайте не отклоняться, тем более, что наметился просвет в словесных облаках. Значит, вопреки абсурдности мира, красных, а точнее, коммунистов, а еще точнее, их философию—люди, судя по всему, вас интересуют мало,—подождите, не показывайте свою невоспитанность и хоть раз не перебивайте!—вы как-то вычленяете из абсурда?

— Бесспорно, ведь их система мира подвижна, она основана на диалектике. Ваша же система—железобетонная мертвая конструкция, которая отняла у человека все и закрыла ему пути возвращения к самому себе.

— Да бросьте вы!—сделал гримасу Зельбсманн.—Удивляюсь моему терпению.

— Вас удивляет не собственное терпение. Вы не уверены в своей правоте, разговаривая со мной, пытаетесь подсознательно убедить себя в ней.

— Оставим это. Я сам знаю, что мне делать.

— Безусловно, знаете: всех уничтожить, оставив часть, элиту.

— И вам аплодирую... Итак, вы, Христюк Иосиф, как монах-философ, отправились вдруг по селам проповедовать свои взгляды; я слышал, божьих людей в народе уважают, и мне неудивительно, почему вас везде хорошо принимали. Не понял сути вашей теории, наши агенты на всякий случай включали ваши откровения в свои отчеты, рассчитывая, что мы здесь, наверху, разберемся. Простые смертные слушали вас, разинув рты: еще бы, хоть и не хлеб обещает и не приход красных, но, что ни говори, слово божье человека размягчает, облегчает душу, толпу всегда увлекут непонятные идеи, они нужны ей для оправдания своего прозябания. Видите, сколько бумаг накопилось, удивляюсь, как вас случайно не пристрелили. Да... Так, значит, что вы проповедовали? Ну, болтовню о жизни и спасении души я опускаю. Ничего интересного. Ближе к делу. «Война закончится только тогда, когда каждый убьет ее в себе самом». Комментарии отсутствуют, образование не позволило агенту углубиться в содержание ваших проповедей. Потрудитесь уж сами растолковать.

— Мне показалось, суть их вы как раз и поняли. Когда каждый для окончания войны сделает все от него зависящее, тогда вопрос о войне отпадает сам собой.

— И какой путь вам видится?

— Уничтожить вас.

— Да. Есть и об этом. «Враг, пришедший к нам, заслуживает смерти, и каждый имеет моральное право его убить. Враг знал, куда шел, он сам себе выбрал смерть. И это оправдывает каждого, кто уничтожает фашистов». Записано верно?

— Содержание схвачено.

— Однако скажите, нашлись люди, полностью уяснившие то, что вы им глаголили, способные подняться на вершину своего «я», открыть себя?

— Важно зерно посеять, а всходы взойдут.

— Это коммунистическая пропаганда, она вам не к лицу. Ответу вместо вас—не нашлись, и искать бесполезно: кто должен был стать самим собой, тот стал, а кому не дано—знать, не дано. Если бы вы для порядка занимались полезным делом, скажем лечением коров, или делали вид, что заговаривая, изгоняете хворь,—тогда другое дело. А так—кому вы решились вдалбливать в голову постулаты вашей философии? Темному мужику? У него жена, дети, хозяйство, в лучшем случае он вас примет за юродивого, пусть у него в душе что-то посветлеет, но жить-то он будет по-прежнему, возиться возле скотины и мастерить детей. Все!

Авторизованный перевод с украинского

Владимира СЕРЕДИНА.

Владимир КОЧУПАЛОВ

О палехском художнике Владимире Кочупалове можно сказать, что он служит двум музам: Владимир Литвинич не только рисует, но и пишет стихи. Их не раз публиковала «Смена».

Недавно В. Кочупалов закончил работу над поэтическим циклом «Светлая лика Отечества». Он предложил «Смене» несколько стихотворений и свою иллюстрацию к циклу.

На пашне

Переложение

Русская душа миролюбива:
Поговорка

Как пашет глубоко
Микула Селянинович!
И все ему легко.
Полями и равнинами
Он ходит целый день.
Поет в седую бороду,
Любой корчует пень,
Кладет упрямо борозды.

Чтоб не был вид уныл,
Чтоб рожь была чудовая,
Он сносит валуны
Двенадцатипудовые.
Не помышляя, Вольга,
Наехать гордым витязем,
А то—вся недолга
Свое бессилие выказать.

Кольчужный высверк—шик,
Но смерть—его последствие.
А без труда мужик—
Не человек, а бедствие.
Смела при булавах
Дружинишка хоробрая,
Но лучше—голова
И сила в людях добрая.

О, княже, не тужи
И не пужай небогато.
Я дам дружине ржи
И меду духовитого.
А коль наедут мне
На пятки заколдованные—
Шатайтесь в стороне
Холодные, голодные...

Соловки

Глухие северные ночи.
Шумит у ног морская ширь,
И Беломорье рухнуть хочет
На Соловецкий монастырь.

На башни зримо прорастают,
Как в поле три богатыря,
Из тьмы веков глухих мерцают
Огни того монастыря.

Суровый край. Необозрима
Зимой ветров и снега ярь.
Не в этих ли жестоких зимах
России пестовал бунтарь?

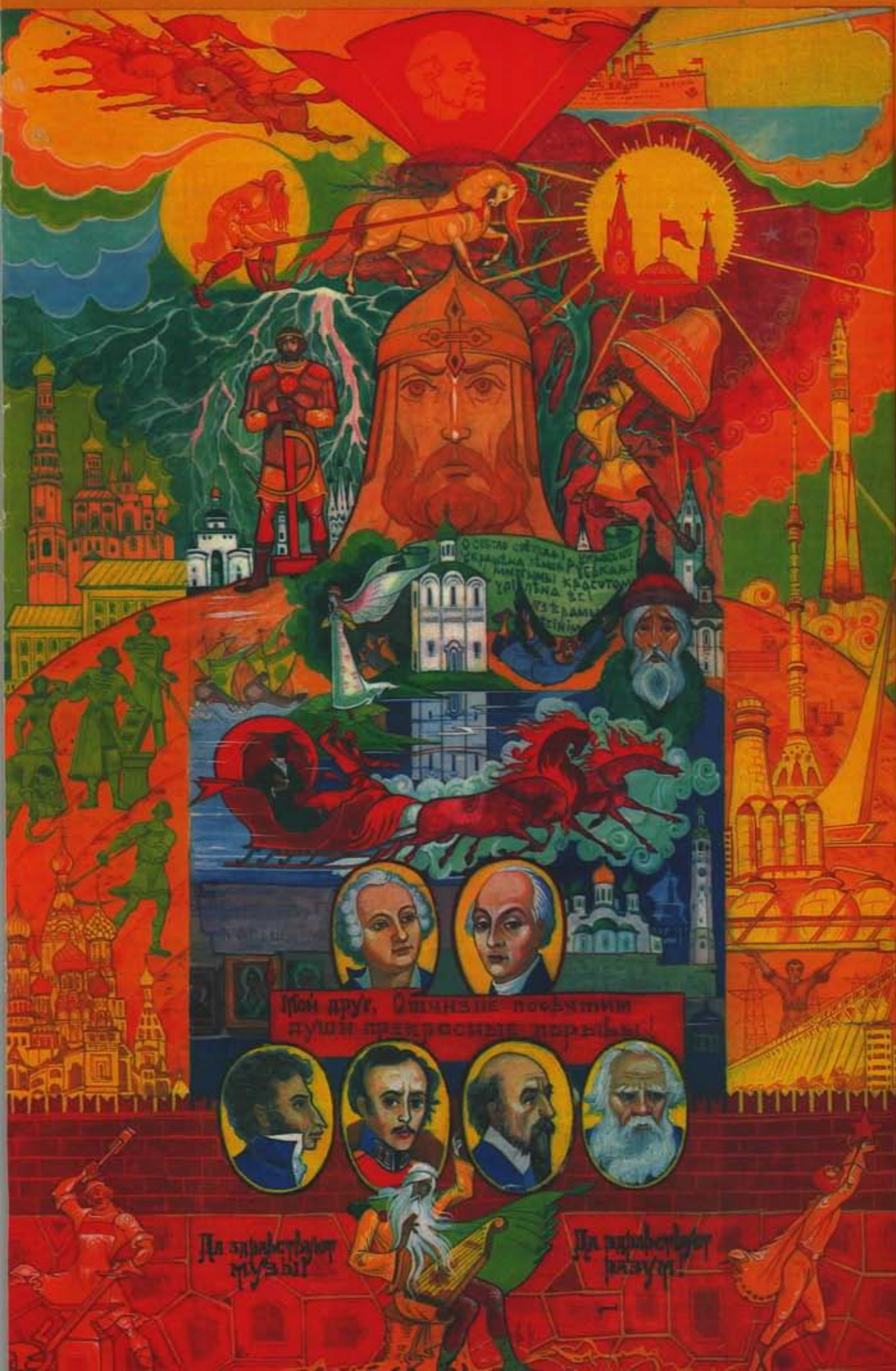
Не в полугодовых ночёвах
Горели, мрак и зло круша,
Дух Емельяна Пугачева
И Стеньки Разина душа?

Ревнителю уродства жизни,
Чревоугоднику в крестах
Уничтожали Честь Отчизны,
Сжигали Совесть на кострах.

Но дух железный и мятежный,
Рожденный среди волн и скал,
Душою искренней и нежной
По-русски чисто засверкал.

Продолжение следует.

ЫИ ЛЖ ОТЕЧЕСТВА

Басурманова погибель

Русский молодец —
ста басурманам конец.
Поговорка

Спит в морозных снегах Кострома,
Под овчины забравшись по уши.
Ходит-бродит в полюдьё зима,
Собирает поникие души.

А в глухом буреломе лесов,
Где не скрипнут промерзлые сани,
Где кружится метель колесом,
Русский дух утверждает Сусанин.

Бесит врагов страх: без еды
В лютозимье злодеи ослабли,
Над завесью седой бороды
Дико мечутся злобные сабли.

«Инородцам во выюжной Руси
Нету места, и делать им неча!
Злые души, мороз, потряси,
Кинь разбойникам саван на плечи!»

Лес-несека, вражин успокой,
Утоли их бандитскую алчность,
Дабы грады не тымло тоской,
Дабы веси не мучала мрачность!..»

Спит в морозных снегах Кострома,
А в глухомани за томень-лесами
Под снега на тот свет басурман
Из Отчизны уводит Сусанин.

Картина на палехской шкатулке

Не сон и не бессонница
Картинами пленят,—
Рубиновая конница
Вливается в меня:

Вихрастые, лобастые,
Отчаянный гусар,
Буденовки звездастые,
В кожанке — комиссар.

Летит дружина конников,
Пустив коней в намет,
А встречный ветер тоненько
Строчит, как пулемет.

Но мы, отринув сон ночной,
Тесним врага во игле,
Распространяя солнечность
России по земле.

Хохлома

Хохлома ты моя золотая,
Твой характер цветист без-прикрас.
Над Россией жар-птицей взлетая,
Ты волнуешь придирчивый глаз.

Жить не может мужик без полета:
Знай, мол, наших — не лыком я шит.
Каков сам, такова и работа,
А работа рубином горит.

Чтоб светлели суровые лица,
Украшай вдохновенно дома,
Чудодействуй в веках, мастерица —
Золотая моя Хохлома!

Пусть огонь в твоём светлом запале
Искрометно горит, без утрат.
Шлет поклон тебе нежный
наш Палех,
Как любимой сестренушке брат.

Главный вопрос дискуссии «Хочу быть первым», предложенной читателями журнала в новом году, — какие качества определяют зрелость личности, стремящейся к лидерству? — вызвал оживленный отклик многих читателей «Смены».

У Александра Козаря, молодого инженера из Киева, письмо которого положило начало дискуссии, нашлись и оппоненты и защитники. В каждом письме-отклике — свое мнение, свой взгляд на проблему лидерства, основывающийся на собственном — жизненном и рабочем — опыте и морально-этических представлениях. Сегодня мы предлагаем вашему вниманию часть из этих откликов.

ПОТЕНЦИАЛ ЧЕЛОВЕКА

ЦЕНА ЛИДЕРСТВА

Уважаемая редакция!

Равнодушно читать письмо А. Козаря невозможно. Вопрос поставлен ребром. «Быть впереди или не быть?» Почти как у В. Шекспира. Я, например, в личностном максимализме молодого инженера из Киева для себя нахожу много симпатичного. Это и собранность, и самодисциплина, и работоспособность, и деловитость, и крепкий, волевой характер. Да еще глубокие знания и практическая хватка. Это все завидные человеческие качества, и они угадываются между строчками письма.

Ничего плохого нет в том, что А. Козарь стремится к лидерству. Карьера, по-моему, совсем не отрицательное понятие, если человек выражает лучшие свои качества в труде, в творчестве на общую пользу. Частью этой деятельности может и должно быть, на мой взгляд, удовлетворение и личного самолюбия, но не только. Дело, которому служишь, важнее. Как при этом в человеке сосуществуют личное и общественное, определяется степенью его социальной зрелости. Если забыть о деле и помнить только о собственном «я» — можно скатиться к самому заурядному себялюбию, эгоцентризму. А Козарю это, кажется, не грозит. Он старается, по его словам, не для себя, а ради дела. Хотя тщеславие, честолюбие, по его же словам, ему не чуждо. Ну что ж, если до поры закрыть глаза на тщеславие, то честолюбие тоже может играть роль мощного двигателя творческих резервов личности. Но, помня о деле, не будем забывать и о людях, творящих его. Увы, об окружающих его людях А. Козарь отзывается с заметным пренебрежением. Даже о тех способных, кого в бригады протолкнул и кому, точнее, «кое-кому», квартиру помог выбить. Я уж не говорю об однокурснике А. Козаря — Володе, а также о бывшем начальнике цеха и о главном инженере завода. Они, по мысли автора, не то что «среднячки», а просто люди второго сорта. Такое небрежение к тем, кто рядом с тобой работает, прямо скажу, малооправданно и не очень порядочно. Ничего похвального нет и в том, что автор тешит самолюбие своим сегодняшним превосходством над «среднячками». Мерить личные достижения лучше, пожалуй, по не взятым еще вершинам. А тем, кто слабее, надо помогать. Или подобная норма человеческих отношений в представлении А. Козаря изжила себя? Итак, характер лидера по своей природе оказался двойственным. Поэтому и оценивать его однозначно нельзя. С одной стороны, масса ценных личностных качеств, с другой — явная склонность к преувеличению собственной роли, высокомерие и, пожалуй, недооценка созидающей роли окружающих, лидерское чванство, что ли. Но хуже всего — нежелание что-либо предпринять, если принимаются беспомощные решения, ведь «их принимает главный». В такой заданности есть нечто от карьеризма в худшем смысле слова.

Меньше всего мне хотелось бы, чтобы эти нелюбимые слова о лидере были восприняты как прямое обвинение в адрес автора письма. Лучшее в характере А. Козаря, по-моему, все-таки преобладает. Но ему, наверное, не хватает как раз того понимания общественного предназначения лидера, которое дает не любимая им история и другие гуманитарные науки. И еще понимания того, что быть первым — не обязательно быть главным в административно-должностном, служебном смысле слова. Лидерство может быть и часто бывает тихим, не столь заметным, как у А. Козаря, но от этого не менее значительным. Таким, например, как у моего знакомого заслуженного учителя школы РСФСР Ивана Владимировича Жерноклева из рабочего поселка Тульский. Никогда не занимал он высокого должностей. На

фронте был солдатом — защищал Ленинград. После войны окончил пединститут и всю жизнь до ухода на пенсию работал в школе учителем истории. Вот он был настоящим лидером среди своих коллег в районе и в области. Преподавание истории Иван Владимирович тесно соединил с краеведческим поиском, вовлек в него сотни школьников. В результате — создание районного краеведческого музея и восемь книг по истории родного края. Но еще более весомый результат его трудов — сотни выпускников школы, влюбленных в свой край, в свою малую родину. Вот счастливая судьба лидера — ощущение пользы от твоих забот людям и замечательно использованная возможность выразить самого себя.

Но, надо признать и это, есть самовыражение и другого рода. Я лично не могу взять в толк, что за необходимость для молодой женщины — не раз наблюдал я это в нашем тихом городе Майкопе, — направляясь на работу или на рынок, нацепить на пальцы три-четыре золотых перстня, на шею — пару золотых цепочек, про золотые серьги и браслеты уж и не говорю. От дам не отстают и кавалеры. Посмотришь, у инного парня, кроме обручального кольца (против него ничего не имею), еще золотая «печатка», а на плечах престижная дубленка — и это в яркий солнечный день, при нашей южной зиме, когда в декабре в скверах распускаются бутоны роз. Самому себе пытался объяснить этот «золотоострастный» феномен следствием дурного вкуса. Потом убедился — не только во вкусе дело.

Мания вещизма — это искаженная форма лидерства. В сознании такого «лидера» реальный мир перевернут вверх ногами. Истинные человеческие ценности — ум, образованность, эрудиция, доброта, благородство, гуманность — подменены ложным понятием — «у меня есть три золотых перстня, а у других по работе не одного, значит, я лучше», «у меня в квартире новая импортная стенка, а у соседей книги на самодельных полках, значит, я удачливее, талантливее и, конечно, лучше».

Разумеется, оценка человека стоимостью вещей, которыми он обладает, очень сомнительна. Хотя надо признать, что определенная часть «лидеров» от «Гриондига» и «Сони» оценивает людей именно по такому принципу. Принять во внимание другие качества эти «ценители» просто не в состоянии.

Со временем, надо полагать, «вещная» болезнь пройдет, но сколько сил, энергии — душевной и физической — потеряют те, кто включился в неумную гонку за первенством обладания тем или иным фетишем престижности...

Однако вернусь к письму А. Козаря. Для кого и для чего лидерство? И какой ценой? Во что обходится лидер обществу с экономической, социальной и нравственной точек зрения? Это не праздные вопросы, а на них письмо Александра при всей его откровенности до конца не отвечает. Из его письма неясно, например, очень существенное: если поставит вопрос так — «Я или дело?», что выберет автор. Пойдет ли он на личные жертвы ради производства, ради товарищей по работе? Мне кажется, не пойдет, если судить по эпизоду с начальником цеха.

Человек не машина. Он целый мир, сложный и противоречивый во многом. И если люди называют руководителя за глаза «ЭВМ», значит, стоит задуматься, не подменяет ли он человеческие факторы, сложные взаимоотношения людей в производственном коллективе механическим «переставил», «убрал», «выдвинул», «пробил». До поры это может действовать на пользу делу и коллективу, а дальше? С «среднячками» как быть? Без них лидеру каково? А на «среднячках» ох как много держится. «Это завистники, которых бесит чужой успех» — слабое утешение. Оно и самого Александра не удовлетворяет. Письмо его пронизано тревогой: «Прав ли вы?» Это

хорошая тревога, она вселяет надежду, что совесть автора неспокойна, собою он не удовлетворен. Не только как жаждущий первенства, но и как человек среди людей. Идущему впереди надо быть человечнее.

Я за то, чтобы А. Козарь и все талантливые, целеустремленные становились генералами в своей профессии. И за то, чтобы они глубоко понимали, ради чего и во имя кого стоит быть первым.

Евгений САЛОВ,
Краснодарский край,
п/о Шунтук, пос. Тимирязево

ОТСЕКАЯ ЛИШНЕЕ

Здравствуй, «Смена»!

Разрешите и мне принять участие в дискуссии «Хочу быть первым». Мне кажется, что понятие «карьера» нуждается в некоторой реабилитации, что ли. Как в свое время нуждалось в ней понятие «честолюбие». «Честолюбив» — сегодня эта черта характера, попадая в служебную характеристику, умными руководителями рассматривается прежде всего как черта положительная — конечно, если носителем ее является человек энергичный, целеустремленный, профессионально подготовленный, обладающий организаторскими способностями. Собственно, если отсечь лишнее (по Родену), то карьера есть следствие честолюбия (не будем здесь, лукавя, фарисействовать, маскируя мысль; я уверен, в вашей почте появятся письма с определениями «здорового честолюбия», как, помните, поется в не очень глубокомысленной песенке — «зависть бывает черная и белая...»). Неправда это! Зависть — она всегда зависть, а честолюбие — это любовь к чести. По труду и почет. Если же не быть прямолинейным и воспользоваться игрой слов, то можно сказать, что честолюбивый человек должен быть прежде всего честен и иметь свой кодекс чести, выработанный на основе высоких нравственных идеалов и принципов, а значит, полностью совпадающий с моральным кодексом строителя коммунизма.

А Александр Козарь с его теорией лидерства мне несимпатичен. Он беспощаден, а беспощадность в сочетании с талантом — опасная вещь.

С уважением

Николай ЧАЙКА,
начальник отдела метрологии,
заместитель секретаря парткома
ПО «Запорожпромартур»

МОНОЛОГ «СЕРЕДНЯКА»

Уважаемая редакция!

Я — та, кого устраивает принцип «отвечаю только за себя». То есть та самая профессиональная посредственность, о которой пишет в своем письме Александр Козарь.

Прежде всего в вопросе о моральном праве человека стремиться к лидерству я абсолютно согласна с Козарем. Хотя бы потому, что сильному специалисту абсурдно быть в подчинении у слабого. И если человек не только хочет, но по своим способностям может находиться на руководящей должности (что бывает не часто), то, как говорится, кто же будет возражать. Трудно, конечно, представить в роли начальника цеха смиренного ясноглазого отрока с

томиком Ахматовой. Такая работа по плечу человеку жесткому, волевому, практичному, инициативному, и... честолюбивому. Так что, по-моему, в данном случае все логично.

Теперь слово в защиту «середнячка». В свое время я окончила школу, хоть и без медали, но очень неплохо. Это ввело всех в заблуждение — пришлось поступать в технический вуз. Училась успешно (со стипендией и без «хвостов»), но не легко и не охотно. Любимым предметом был французский язык, на котором я и защитила диплом (на «отлично!»). Первые три года практической инженерной деятельности (слабая профессиональная подготовка + отсутствие организаторских данных + добросовестность и любознательность) завершились нервным срывом и переходом в рабочие на винограднике. После этого я сказала себе «хватит экспериментов» и пошла работать дежурным техником. Отвечать только за себя, за свою смену, за свою работу. В течение пяти лет получила звание «Ударник комтруда», несколько благодарностей, заработала авторитет и как специалист и как человек. Да, я не надрылась, да, в спокойное дежурство, если не было повреждений, и вязала, и читала, и в магазин бегала, и даже начала работать внештатным корреспондентом городской газеты. Не говорю, что так должно быть, но это, в общем, типично. К сожалению, по семейным обстоятельствам я не смогла больше ходить в смену, стала искать дневную работу. Нашла — инженером на заводе. Не работающим инженером, а пишущим за столом. Горы всяких отчетов, бумажек, палки с подшитой перепиской между отделами. А большая часть рабочего времени — говорильня. Это было КБ отдела главного энергетика. В ящиках — романы, в сумочках — вязанье (только уже тайком), и масса ухищрений, чтобы в рабочее время проскользнуть через проходную в город. И четкое сознание собственной ненужности и никчемности. И хроническая текучесть кадров (парадокс — острая нехватка ИТР при их незагруженности работой). Я выдержала полтора года. Сейчас я работаю техником в другой организации (в окладе, разумеется, потеряла). Опять я при деле, опять отвечаю только за свою работу, опять я нужна. Хоть и работаю несколько месяцев, чувствую уважительное к себе отношение (не из-за диплома, а как работник). У моего начальника — техникум за плечами, у моих коллег — 10 классов. Преимущества моего высшего образования реализуются на общую пользу. Где нужно глубже разобраться в теории — поручают мне, где смежная отрасль — опять моя обязанность. Подчеркиваю, я не «ложусь костыми». И вяжу, и читаю, и гуляю в рабочее время. Но, если надо, работаю и в личное. Все бывает.

Я не хочу быть генералом. Мне, дай бог, в этой бы организации, на этой должности до пенсии досидеть (мне 33 года). Но все-таки я неплохой солдат. Убеждена в этом. Я делаю свое дело. И делу хорошо, и мне хорошо. И если я знаю, что без надрыва мне не быть хорошим инженером, то не честнее ли быть низкооплачиваемым, но хорошим и уважаемым техником и отвечать только за себя и свою работу? И если приятель автора письма вместо посредственного конструктора стал хорошим наладчиком — браво. Талантливый, знающий инженер не пойдет в техники или рабочие. А если пошел, значит, инженерство — не его дело.

Что действительно аморально — это со знаниями и любовью к делу на уровне вахтерши сидеть в КБ, техотделе или НИИ. С утра — полчаса на косметику, потом час на обсуждение телефильма или отсутствующей сотрудницы, потом со скучной миной через силу часок-другой подзаныться бумажками и т. д. и т. п. И гордо именоваться инженером или научным сотрудником. Вот с чем надо бороться.

Но все же мне кажется, что отсутствие у человека неистребимой жажды знаний и тяги к профессиональному совершенствованию еще далеко не означает, что человек этот мещанин и собственник. Героев у нас единицы. Скромных, непритязательных тружеников — миллионы.

С уважением

О. К.

(Подписываюсь инициалами, так как мой город маленький и все друг друга знают)

**Спорт
в молодом
городе**

УСАМЫНЬЯ ЧЕПЫ ВЯЩЕ

Сергей ВИШНЯКОВ. Фото Алексея ФЕДОРОВА

Неверно думать, что молодые города не имеют традиций, не обладают тем самым «лицом необшим выраженьем», которое определяет не только своеобразие ландшафта, но и атмосферу повседневного бытия.

Неверно это вот почему.

Во-первых, в населенном пункте, лишь сравнительно недавно получившем статус города, живут люди, которые родились где-то еще, были воспитаны в определенных правилах и понятиях, а поскольку на новом месте всем нам свойственно общаться более активно, чем в рамках привычного уклада, то обычаи и взгляды, привезенные из-за тридевяти земель или из соседней деревушки, быстро перемешиваются и образуют в результате новый и порою довольно неожиданный, интересный сплав.

Во-вторых же, молодым городам, как и людям молодым, обыкновенно присуще ярко выраженное стремление к самоутверждению, к формированию собственной и притом по возможности незаурядной биографии. Нравится иметь свои особенности и достопримечательности, приятно гордиться близко знакомыми героями, хочется думать, что твоя среда не такова, как везде.

Возможно, найдутся примеры, опровергающие эти несколько общие рассуждения, но зато сказанному вполне соответствует город Кирово-Чепецк, расположенный в 38 километрах от Кирова. 25 лет от роду Кирово-Чепецку, 75 тысяч человек живут здесь, а впечатление он оставляет весьма цельное и необычное. Коротко говоря, это город спортивный, физкультурный, в самом добром понимании выражения «физическая культура», что и может быть доказано не только словами, но и цифрами. Тут надо сказать, однако, что жители Кирово-Чепецка — прежде всего работники, и, несомненно, хорошие работники. Потому они и сильны в труде, вероятно, что осмысленно и с удовольствием заботятся о собственном здоровье.

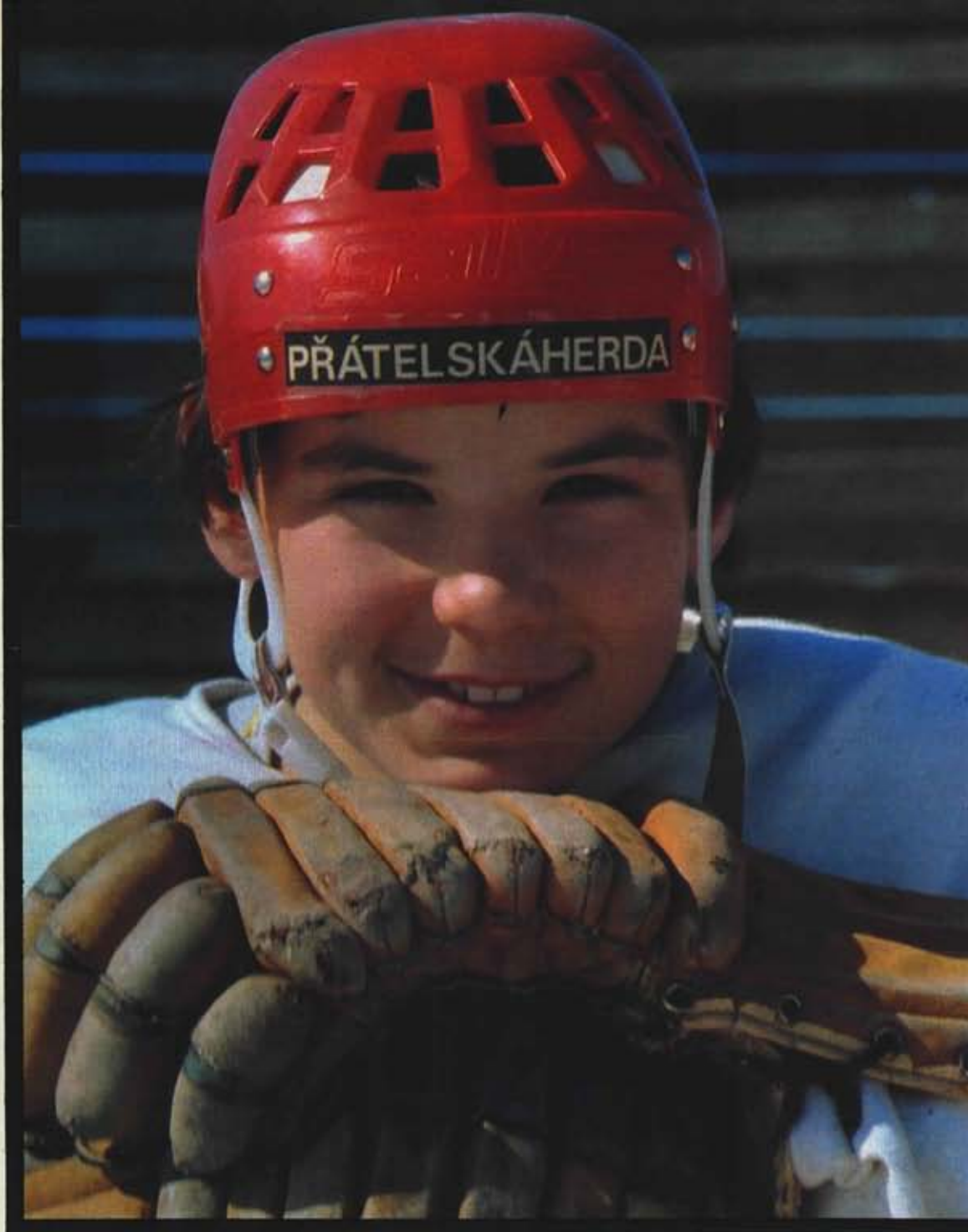
Из окна девятиэтажной кирово-чепецкой гостиницы «Двуручье» открывается прекрасный вид. Здесь слияние рек Вятки и Чепцы, пейзаж просторный и величественный, просто трудно оторваться. Вот почему я не сразу заметил бегущую по дамбе группу людей. Судя по возрасту (и стар и млад) и по экипировке (непохожей на единого образа униформу), они никак не напоминали спортивную секцию, что-то не видно было среди них «олимпийских надежд». Но бежали не поодиночке и не трусой, что можно наблюдать и на московских набережных, стало быть, не от инфаркта удирали. Догонять, чтобы расспросить, не рискнул, поскольку двигались они довольно ходко. К тому же не всякий любит давать интервью на бегу и ранним утром. Те из моих знакомых, кто тоже бегают, такой подробности своего распорядка дня почему-то стесняются...

Чуть позже мне объяснили: «Это наш городской клуб любителей бега». Они по дамбе и зимой и летом бегают. «А где этот клуб расположен? Как их разыскать не во время занятий?» — спросил я. «Только в половине восьмого на дамбе. А помещения у них нет — это ведь не клуб любителей чаепития». Логично. Девиз «Каждому клубу — свой дворец» здесь, пожалуй, неуместен. Хочешь вступить — надевай тренировочный костюм и маршмарш к 7.30 на дамбу. Минимум формальностей, максимум пользы. В дальнейшем я убедился, что такое отношение к делу характеризует всю физкультурно-массовую работу в Кирово-Чепецке.

К этой проблеме в городе относятся со всей мыслимой серьезностью, как она, собственно, того и заслуживает. Руководители городского комитета партии, горисполкома, горкома комсомола, ведущих предприятий, спортивного комитета входят в общественный совет, действующий изобретательно и четко. Прямо скажу, мне не кажется преувеличенной такая, например, цифра: производственной гимнастикой регулярно занимаются 98 процентов трудящихся из числа тех, кому разрешают это врачи. При этом, чтобы поверить и убедиться в том, что цифра взята не «с потолка», вовсе не нужно заглядывать в служебные и производственные помещения. Достаточно других, пусть и косвенных, доказательств.

Мы стояли у стенки хоккейной коробки и наблюдали отчаянную джигитовку на льду. Коробка, точнее было бы называть ее ледовым стадионом, ничем не уступала мировым стандартам, снаряжение и форма команд, в общем, тоже. А играли мальчишки лет по десять — двенадцать. Они вошли в такой азарт, что крайне неохотно выполняли указания тренера о смене составов. Удаление на две минуты воспринималось здесь ничуть не менее драматично, чем на первенстве мира. Да и играли, я бы сказал, очень недурно. С не очень большой долей фантазии можно было допустить, что кто-то из этих юных «ледовых рыцарей» спустя несколько лет будет защищать цвета сборной страны. Ведь

**ОТ РЕДАКЦИИ.
МЫ ЖДЕМ НОВЫХ ПИСЕМ.
ДИСКУССИЯ
«ХОЧУ БЫТЬ ПЕРВЫМ»
ПРОДОЛЖАЕТСЯ.**

В КАЖДОМ ЖЭКЕ КИРОВО-ЧЕПЕЦКА НА ЗИМУ СООРУЖАЮТСЯ НЕБОЛЬШИЕ ХОККЕЙНЫЕ ПЛОЩАДКИ ДЛЯ МАЛЬЧИШЕК. НА ФОРМУ И КЛЮШКИ ДЕНЕГ НЕ ЖАЛЕЮТ. НУ И, КАК ВИДИМ, МАЛЬЧИШКИ ДОВОЛЬНЫ.

автобусы, которые отвезут в город. Мимо заместителя мэра, кстати, в прошлом тоже спортсмена, мастера спорта по боксу, шли и шли веселые, румяные, бодрые люди — просто непонятно было, зачем их звать именно за здоровьем.

Здесь практически нет квартиры, где в передней не стояло бы несколько пар фирменных лыж, выпущенных знаменитой на всю страну фабрикой «Россия». — она расположена, по счастью, рядом: в Кирово-Чепецком районе. В кабинете первого секретаря горкома комсомола Александра Бабченко устроена целая выставка продукции этого предприятия, успешно обеспечивающего и чемпионов и новичков. Выглядит эта экспозиция декоративно, спортивно и как-то по-комсомольски.

Конечно, в Кировской области снега хватает, да и лыжи не дефицитный товар, но не надо считать, что дело лишь в географическом факторе. Непосредственно от окраины города тянется — одна из немногих в стране — лыжная трасса с искусственным освещением: тренируйтесь, горожане, и по вечерам, после работы, когда рано темнеет. Трудно ли ее оборудовать? Да не очень. Сотня столбов с лампочками да десяток километров провода. А руки свои. Затем. У тысяч жителей города есть «лицевые

совершили именно этот путь в большой спорт известные наши хоккеисты А. Мальцев, В. Мышкин и многие другие, кто начинал в кирово-чепецкой команде «Олимпия», а теперь выступает за команды высшей лиги. Дело дошло до того, что газета «Правда» сочла необходимым поставить на своих страницах вопрос: не слишком ли много подающих надежды хоккеистов переманивают клубы первой руки из «Олимпии»? Имелось в виду, что уж очень страдает команда, из которой за последние годы «ушло на повышение» более двадцати игроков...

А начинается все это с самого, казалось бы, простого. В каждом жэке Кирово-Чепецка на зиму сооружаются небольшие хоккейные площадки для мальчишек. На форму и клюшки денег не жалеют. Родители и учителя видят в этой игре не пустую забаву, а хороший способ физического воспитания детей, выход для бьющей через край энергии ребят, отвлечение от сугубо уличных забав и безделья. Да просто здесь это престижно, точно так же, как где-то еще «записать ребенка в фигурное катание». Идешь по улице и слышишь: «Наш Мышкин-то, а?!», «Саша Мальцев забросил три шайбы в одном матче!». И бегут пацаны с коньками и клюшками.

Почему же в других местах этого нет? Хоккей ведь почти всюду популярен. Обычно ссылаются на недостаток средств, отсутствие рабочей силы для сооружения хоккейных полей. А в Кирово-Чепецке ледовый стадион строили, как говорится, всем миром. Приходили после работы люди и строили. Таскали мусор, ровняли площадку, монтировали холодильные установки, создающие искусственный лед, варили трубы — их много надо... Я этого не видел, но почему-то вспомнил, как бригада рабочих Новоятского комбината древесных плит (он находится в Кирово-Чепецком районе, километрах в двадцати от города) строила детскую библиотеку в Новом Уренгое.

Работали вятские с раннего утра и до позднего вечера, дело двигалось с необычайной быстротой — даже местные строители, привычные к очень интенсивной работе в сильные морозы, ходили смотреть, как в цирк. А ничего особенного со стороны видно не было. Никто никому не мчался, никто ни на кого не орал, вообще не чувствовалось признаков штурма. Лишь постепенно стало ясно, что двигаются они размеренно, неспешно, но при этом не делают перерывов между движениями. Молотком по пальцу не бьют, трудности преодолевают не героически, а деловито, все, что нужно будет завтра, готовят сегодня. Вот и стадион, должно быть, строился так же.

А в результате... В 1970 и 1976 годах жэковские команды становились победителями всесоюзных соревнований на приз клуба «Золотая шайба». В детско-юношеской школе при спортклубе «Олимпия» тренируются свыше 200 подростков. Команда «Олимпия» не без успеха выступает во второй лиге чемпионата страны уже 13 лет, трижды занимала пятое место. Могла бы не хуже играть и в высшей лиге, если бы не соблазняли лучших игроков тренеры, скажем, воскресенского «Химика», только в прошлом году «вырастившие» таким способом четырех способных кирово-чепецких хоккеистов.

Заместитель председателя горисполкома Юрий Сергеевич Куклин выстрелил в небо ракетой, и из городского парка тронулось в путь целое лыжное шествие. Вывешенные по всему городу афишки заранее призывали: «Все в поход за здоровьем по маршруту Кирово-Чепецк — Цепели — Черекоп!». Поскольку адрес здоровья был обозначен так конкретно, желающих отправиться в поход оказалось тьма-тьмушная. Существовало и то, что и в промежуточной и в конечном пункте маршрута лыжников ждали буфеты с горячим чаем, а кроме того,

КУБКИ. ЕСЛИ ИХ ВЗЯТЬ В РУКИ, МОГУТ ПОВЕДАТЬ О ЛЮБОПЫТНЫХ ПЕРИПЕТИЯХ СПОРТИВНЫХ ПОЕДИНКОВ.

У ДЕТЕЙ КОСМИЧЕСКОГО ВЕКА, КОНЕЧНО ЖЕ ПОПУЛЯРНЫ ТЕХНИЧЕСКИЕ ВИДЫ СПОРТА. ЕСЛИ ПРАВДА, В РАСПОРЯЖЕНИЕ ДЕТЕЙ ПРЕДОСТАВЛЕНА ТЕХНИКА, КАК В КИРОВО-ЧЕПЕЦКЕ.

счета», где отражается количество пройденных за зиму километров. Набрать сумму побольше, чем у соседа, считается делом почетным. А фиксируется это проще простого — на трассах есть два-три контрольных пункта, где желающим делают соответствующие отметки. Вот и дополнительный стимул, кроме здоровья.

Неподалеку от города есть база отдыха «Снежинка» — несколько десятков скромной архитектуры финских домиков. Между тем сюда ежегодно съезжаются сильнейшие биатлонисты страны на всесоюзные соревнования и сборы. Дело в том, что при базе существует вполне современный биатлонный полигон с соответствующей лыжной трассой. В Кирово-Чепецк спортсмены вообще ездят очень охотно: им явно нравится здешний климат и в смысле погоды и в смысле отношения к спорту.

А в результате... В 1975 и 1978 годах город был признан победителем Всесоюзного конкурса «Лыжня зовет». В массовых лыжных стартах здесь участвуют свыше 42 тысяч человек. А всего-то жителей 75 тысяч, и есть ведь пенсионеры, грудные дети, больные и просто люди, занятые чем-то другим; весь город — вот что означает эта цифра. Здесь, в Кирово-Чепецке, были воспитаны заслуженный мастер спорта по биатлону, двукратный олимпийский чемпион И. Бяков, мастера спорта международного класса, чемпион страны и зимней Универсиады по лыжным гонкам Ю. Вахрушев и призер Универсиады по двоеборью Ю. Козулин...

ГОРОД ПОСТРОИЛ СВОИМ ГОРОЖАНАМ ЛЫЖНУЮ ТРАССУ С ИСКУССТВЕННЫМ ОСВЕЩЕНИЕМ. ТРЕНИРУЙСЯ ХОТЬ НОЧЬЮ, ТРУДНОЕ ИЛИ ДОРОГОЕ ДЕЛО? «ДА НЕТ, — СКАЖУТ В КИРОВО-ЧЕПЕЦКЕ, — ВСЕГО-ТО СОТНЯ СТОЛБОВ ДА ДЕСЯТОК КИЛОМЕТРОВ ПРОВОДА».

КТО В ДЕТСТВЕ ПЕРЕСТАЛ ВОДЫ БОЯТЬСЯ, ТОТ ВЗРОСЛЫМ ОКЕАН ПЕРЕПЛЫВАЕТ.

Ну, хорошо, зимние виды спорта развивать в Кирово-Чепецке не так уж сложно, но ведь на базе спортклуба «Олимпия» идут занятия по 22 видам спорта. Скажем, плавание... Вятка и Чепца годятся разве только для моржей, если не считать коротких летних месяцев. Между тем в городе поставлена задача — научить плавать каждого ребенка. Без исключений. В «Олимпии» есть довольно приличный бассейн, но им одним было бы не обойтись. И вот при детских комбинатах сооружены три плавательные ванны, еще два таких «лягушатника» откроют в этом году, будет бассейн и в новой школе, которая строится в седьмом микрорайоне.

Однако председатель городского спорткомитета Владимир Александрович Шитов (тоже, между прочим, может служить личным примером землякам — мастер спорта по лыжам и вообще человек отменного здоровья) не расположен к безудержному хвастовству. Его больше занимают проблемы. Нужен, очень нужен большой, по последнему слову техники и науки оборудованный стадион. И место уже выбрано — прекрасная поляна. Но уж больно сложная это затея да и дорогостоящая. Но раз нужно — значит, нужно. Городские власти, разумеется, поддержат.

Шитов снова и снова называет цифры и факты. Вот лишь несколько из них: Спортсменов массовых разрядов в Кирово-Чепецке — 20 тысяч, тренеров-общественников и спортивных судей — 1800. Ежегодно готовится около 10 тысяч значкистов ГТО. В 1977 году юные баскетболисты были призерами Всесоюзного первенства по мини-баскетболу. В 1976 и 1978 годах школьники участвовали во Всесоюзных финальных соревнованиях «Старты надежд» в Артеке. Кирово-Чепецк назван победителем Всесоюзного смотря-конкурса на лучшую постановку физкультурно-массовой работы по месту жительства в 1980 году. То есть все хорошо, все прекрасно? Да нет же, сокрушается председатель спорткомитета, стадион нужен. Он необходим сегодняшним ребятам, потому что через пять лет они уже станут юношами, и юношам, поскольку через пять лет они станут взрослыми, мужчинами, и взрослым тоже... С каждым упущенным годом все труднее и труднее начинать активные занятия спортом.

Забота о здоровье молодежи — а массовый спорт представляет собою едва ли не самый перспективный путь к нему — это проблема, далекая пока что от полного разрешения. Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев сказал по этому поводу с трибуны XXVI съезда партии: «Забота о здоровье людей неотделима от развития физической культуры и спорта. Московская Олимпиада наглядно показала замечательные достижения советских спортсменов. Однако нас всегда интересовали не только спортивные вершины, а прежде всего массовость физкультуры и спорта. Успехи в этом деле очевидны. Но все же для большинства людей спорт остается пока лишь зрелищем. Такое положение надо исправлять. Физическая культура должна входить в повседневную жизнь широких слоев населения и особенно детей».

Широкой, масштабной и вместе с тем конкретной и конструктивной программой развития важнейших сторон этого принципиально важного дела стало принятое в сентябре минувшего года постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта». И в этой связи представляет особую ценность для других молодых — и не только молодых — городов опыт Кирово-Чепецка.

Необходимо ясно осознавать, что физкультура сегодня — это сложное, многоплановое и многогранное социальное явление. Она требует к себе комплексного подхода. Сюда входит и изменение психологии иных хозяйственников, считающих неэкономичным вложение средств в спортивные сооружения. К этому же следует отнести и продолжение серьезного научного осмысления проблемы, выработку простых и широко доступных методических рекомендаций — многие ведь просто не знают, как и с чего нужно начинать спортивные занятия, чтобы принести себе пользу, а не вред. Здесь же очень важна и борьба со сложившейся в некоторых школах рутинной в преподавании физкультуры, поскольку там этому предмету порою отводится располосное место. Существенная сторона вопроса — преодоление нередких еще проявлений рекордомании, при которой в жертву пресловутым голам, очкам, секундам приносит гармоническое развитие личности молодого человека. Что греха таить, случается даже в самых скромных спортивных секциях, что одного ребенка, подающего надежды на высокие результаты, склоняют к тренировкам чуть ли не по три раза в день, а другого, который никогда не сможет подняться выше третьего разряда, отодвигают подальше. Взрослым же людям, как говорится, прибиться к занятиям спортом еще труднее, ибо мест в группах общефизической подготовки сплошь и рядом нет, а в маленьких городах положение с развитием физкультуры напоминает иногда стоячие болота.

Очень важно добиться перемен в шкале моральных ценностей. Пока бегущий грузный и седой человек будет вызывать не зависть, а насмешку, пока соревнования типа «Папа, мама и я — спортивная семья» будут большой редкостью, пока для того, чтобы ударить по мячу, простому гражданину любого возраста нужно будет набраться не меньшего мужества, нежели новичку, чтобы выйти на ринг против мастера спорта, пока... Пока все это будет, спорта по-настоящему массового, а кстат, и богатого в итоге высокими достижениями, не будет.

На прощание я еще раз прошелся по Кирово-Чепецку. Хороший город, честное слово! Построенный с размахом, с умом, с учетом новаций современной архитектуры, он ощущимо удобен, соразмерен человеку. Здесь есть весь необходимый комплекс, именуемый скучноватым словом «соцкультбыт». И здесь напрочь не чувствуется затхлой и вялой безмятежности, того, что принято называть провинциальностью. Бодрый город, веселый, здоровый. Город с румянцем.

КИРОВО-ЧЕПЕЦКИЕ РЕБЯТИШКИ ОДИНАКОВО ЛЮБЯТ КАК СПОРТИВНЫЕ ИГРЫ, ТАК И ПОЗИРОВАТЬ ПЕРЕД КАМЕРОЙ.

Счастливый 1981 год!.. В июне на V Всесоюзном конкурсе молодых исполнителей советской песни она была удостоена второй премии. А в сентябре на международном молодежном фестивале песни «Красная гвоздика» в Сочи стала первой. Солистка эстрадно-симфонического оркестра Грузинского радио и телевидения девятнадцатилетняя Тамара Гвердцители — теперь, хотя и молодое, но вполне самостоятельное имя на всесоюзной эстраде.

Скромность, строгость, какая-то наивная утонченность — обаятельные черты ее внешнего облика. Когда же слушаешь записи Тамары и не видишь ее, кажется, что поет зрелая, сложившаяся певица. Уверенность, сила, профессиональная выверенность — все это отчетливо чувствуется в ее голосе.

...Пела она всегда — как ей кажется, с самого рождения. В шесть лет поступила в музыкальную школу. В одиннадцать пришла в знаменитый детский ансамбль «Мзиури», долгое время была там солисткой.

Через «Мзиури» за время его существования прошло немало детей — и талантливых и не очень. Кончались

в песне может петься о чем угодно — текст должен быть осмысленным, должен волновать. И, конечно, «хорошая песня» — это и хорошо исполненная песня.

— А плохая?

— Надуманная, неорганичная, неискренняя.

— Почему же иногда случается, что хорошая, мелодичная песня проходит незамеченной, а откровенно пустые слова и мотивчик как-то сразу принимаются слушателями?

— К сожалению, люди часто еще ждут от эстрады облегченных песенок, развлечения, не больше. «Серьезные» песни на эстраде кажутся им чужеродным явлением...

— Молодой исполнитель, который хочет, чтобы его слушали и запомнили, — должен ли он все-таки ориентироваться на вкусы аудитории?

— Да, наверное, должен. Вначале ему особенно необходим прочный контакт со слушателем. Перед ним стоит задача как-то утвердиться на большой эстраде. Но потом, когда это позади, певец уже имеет право петь именно то и именно так, как сам считает нужным, и таким образом воспитывать своего, верного ему слушателя.

“И С УДАЧИ ТРУДНО НАЧИНАТЬ” —

— считает лауреат сочинского конкурса «Красная гвоздика» ТАМАРА ГВЕРДЦИТЕЛИ

школьные годы, и они расставались с ансамблем, выбирали себе разные жизненные пути, часто непосредственно не связанные с музыкой. Но музыка оставалась с ними...

Работа в «Мзиури» под руководством Гурама Джагани стала для Тамары школой профессионального мастерства. Она выбирает музыкальную линию жизни — поступает в Тбилисскую государственную консерваторию по классу фортепьяно. Именно фортепьяно, а не вокала. Но петь Тамара не перестала: было с тех пор много нелегкой, подчас неблагодарной работы с оркестром радио и телевидения — записи, записи, записи. Эту студийную «кухню», по мнению Тамары, должен знать в совершенстве каждый современный музыкант.

ПИАНИСТКА. ПЕВИЦА. И...

— Да, я немного сочиняю сама. Не только песни. Мечтаю, конечно, о профессиональной композиторской работе, — говорит Тамара. — Но, знаете, это сложно: к композиторскому творчеству женщины у нас традиционно относятся не очень серьезно...

И еще одно ее увлечение — народная музыка, народные песни.

— Так уж исторически сложилось, что народные песни у нас поют главным образом мужчины. Но для себя, дома, я всегда пою вместе с мужчинами, и это доставляет мне огромное удовольствие!

— Композиторская работа — это, возможно, дело будущего. Сейчас вы в первую очередь исполнительница современных эстрадных песен. «Хорошая песня» — что это такое в вашем понимании?

— Прежде всего — хорошая музыка, красивая мелодия — ее душа. Мелодия — именно она наиболее сильно эмоционально действует на слушателя. Я не хочу, разумеется, сказать, что

— Если говорить в целом, не кажется ли вам, что вкус аудитории в последнее время несколько возрос?

— Безусловно. Потому, что появилось много новой хорошей музыки, много новых имен на профессиональной эстраде, а у слушателей — возможность выбора. Кроме того, сама музыка усложняется — звучание, аранжировки, появляются новые инструменты и с ними — новые краски. Наиболее интересная для меня лично особенность последнего времени — оживление симфо-джазовой музыки, «больших оркестров». Мне кажется, время «бедных» по музыкальному оформлению ВИА проходит...

— У вас, Тамара, такое удачное начало.

— Приятно, конечно, но вот что я для себя открыла: и с удаче трудно начинать. С тебя больше спрос, на тебе большая ответственность. И нет права на неуспех.

Тамара говорит быстро, но главное для нее — быть максимально верно понятой. Кажется, ей вообще свойственно серьезное отношение к творчеству и к жизни. Выражается это, к примеру, и в ее интересе к общественной работе: студентка консерватории Тамара Гвердцители — член бюро одного из райкомов комсомола Тбилиси. И это при всех прочих нагрузках — учеба, гастроль, записи...

— Есть такое правило: чем больше человек делает, тем больше он успевает, — улыбается Тамара. — Что дает работа в комсомоле? Это прекрасная возможность ближе узнать, как, чем живут мои сверстники — мои слушатели. Ощущение личной причастности к большим общественным делам — оно необходимо. Без этого нет и не может быть художника.

ЮРИЙ БУГЕЛЬСКИЙ

КЛУБ
«Музыка
с тобой»

Фото Вячеслава КАРЕВА

С режиссером Большого театра народным артистом РСФСР, профессором ГИТИСа

Георгием АНСИМОВЫМ

беседует театральный критик Валентина РЫЖОВА

ТЕАТРА МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ

— Сложнейшие процессы происходят в современном театральном искусстве. Драма открыла для себя магическую силу музыки, ее способность преобразовать любое сценическое произведение, придавать ему эмоциональную мощь, усиливать его воздействие на зрителя, и сегодня трудно встретить режиссера, который не пользовался бы при постановке любой пьесы музыкой. Чисто музыкальные спектакли — не редкость на драматической сцене. С другой стороны, в музыкальном театре появляются произведения, в которых традиционные оперные и опереточные формы предстают совершенно преобразованными, а их сценическое воплощение требует от актера владения самыми разнообразными приемами. Одним словом, современный театральный процесс ставит перед деятелями театра и перед зрителями множество проблем, тем для размышления и осмысления.

Георгий Павлович, что вас радует и что тревожит в современном театральном искусстве вообще, в музыкальном театре в частности?

— Радует расширение границ жизни музыкального театра. «Адская» смесь — слово, музыка, действие, пластика, — составляющая зерно искусства оперы и оперетты, все больше распространяется на другие сценические жанры.

Усилилась тяга к оперному театру, который постоянно ищет новые формы, привлекает свежие режиссерские силы. За рубежом, например, в оперу пришли Дзигферелли и Феллини, у нас охотно берутся за музыкальные спектакли многие режиссеры. Возникли новые виды театров — камерная опера, спектакли в естественных условиях, детские музыкальные спектакли и целые театры.

Изменение зрительских потребностей и вкусов особенно заметно по затрудненной жизни театров оперетты. Они на распутье: с одной стороны, унаследованный от прошлого репертуар и привычка следовать давним традициям сдерживают их деятельность, а порой и ограничивают; с другой — понимание, что нынешнему зрителю нужно разнообразие тем, выразительных средств, впечатлений, приводит к тому, что рядом с опереттами и музыкальными комедиями в репертуаре появляются музыкальные драмы, оперетты-песни, музыкальные хроники, музыкальные баллады... Все сильнее

обнаруживается тяга к слиянию серьезной драматургии и литературы с современной музыкой — тяга к мюзиклу.

Чаще звучит музыка в драматических театрах, где стали появляться и музыкальные спектакли: «История лошади», «Укрощение строптивой» в Ленинграде, «Тиль», «Звезда и смерть Хоакина Мурьетты», «Человек из Ламанчи», «Снова премьера» в Москве... А если к ним прибавить многочисленные спектакли-ревю (это ведь тоже музыкальный театр) да еще вспомнить, что наиболее смелые и пытливые из вокально-инструментальных ансамблей тоже стремятся к театрализации («Волк и Красная Шапочка», «Орфей и Эвридика» и т. п.), то получится яркая и пестрая картина современного музыкального театра. Это радует.

Тревожит же то, что при огромной потребности в исполнителях театры вынуждены приглашать непрофессионалов и полупрофессионалов. Есть голос — уже хорошо, знает несколько оперных партий — просто повезло. Особенно это заметно в драматическом театре и на эстраде. В этой тотальности увлечения музыкой ею стали заниматься все, кто может и кто не может, но хочет; со слухом и без слуха, владеющие нотами и музыкально безграмотные, с голосом и без голоса — при содействии кино, телевидения, радио появилась этакая повальность, родившая повсюду нечто среднее. В песнях вместо поэтического, образного преобладает малолитературный язык, отсутствие профессионального знания музыки заставляет исполнителя с упорством робота повторять три заученных аккорда на гитаре — другие сочетания нот и тональности ему просто неизвестны. И окостеневают мелодии, рифмы, мысли...

Конечно, радио и телевидение — такие мощные популяризаторы и пропагандисты, что без них уже невозможно представить нашу жизнь. Но у связи искусства с техникой есть и отрицательная сторона: Микрофон делает мощным любой шепот. Тяжко смотреть на иных даже популярных «звезд», которые без микрофона не могут просто напеть у рояля. Микрофон должен усиливать голос, а не создавать его. Мы же сейчас видим на эстраде слишком много голых королей, прикрытых мантией из электроэнергии.

**НАВЕРНОЕ,
САМАЯ ТРУДНАЯ РАБОТА —
БЫТЬ РЕЖИССЕРОМ СВОЕГО УРОКА.
ГЕОРГИЙ АНСИМОВ
СО СТУДЕНТАМИ ГИТИСа.**

Музыкальный театр, где образ создается актером, умеющим действовать словом, пением, танцем, то есть актером синтетическим, требует профессионального владения всеми этими элементами. Вот этого профессионализма и нет, во всяком случае, в том виде, которого синтетическое искусство требует.

К сожалению, очень часто — чаще, чем хотелось бы, — современный зритель вынужден что-то прощать артисту музыкального театра. Если тот хорошо поет — приходится мириться с его невыразительной внешностью и малой подвижностью на сцене; если хорошо танцует — прощать ему слабое пение; если хорошо выглядит и хорошо поет — это так радует, что приходится делать скидку на отсутствие актерского дара... Режиссеру же, работающему с таким исполнителем над образом, приходится скорее заделывать бреши, чтобы как-то скрыть актерские недостатки, нежели формировать образ из полного комплекта необходимых выразительных средств. Комплекта нет. Можно по пальцам

считать артистов, обладающих всеми нужными музыкальному театру качествами. В чем же причина недостаточного профессионализма?

«Перевелись голоса!» — слышится иногда возглас в адрес музыкального театра. Это все из того же мешка оперного дилетанства. Красивых голосов сейчас больше, чем было раньше. И красивых и сильных. Но прежде наличие голоса уже считалось театральным талантом, и спектакль превращался в демонстрацию голоса — и только. Мог выйти на сцену артист с гусарскими усами и голосом избрать Ленского в «Евгении Онегине». Могла выйти тяжеловесная дама в жемчугах и бриллиантах и прекрасным голосом изобразить Снегурочку. Это и считалось театральным действием, теоретики оперного искусства даже придумали специальный термин — «вокальный образ», а тех, кого такое исполнение не удовлетворяло, называли невеждами. Думаю, нельзя приходить в музыкальный театр только затем, чтобы тебе ласкали слух. Или зрение. Для театра должно быть оскорбительно, когда хвалят «красивые декорации» или «красивый голос» или говорят: «Хорошо играл оркестр». Все это должно быть: и голоса, и хороший оркестр, и интересные декорации — без этого нет спектакля. Но все это — средства. Главное же — образ и мысль, они будут увлекать зрителя, пришедшего в театр. Спектакль, где мне предлагают только послушать красивые звукоочувствования, похож на выставку картин с красивым сочетанием цветов.

Театр изначально синтетичен. А музыкальный театр — самое волнующее из всех искусств, если он пытается воздействовать на зрителя всем комплексом выразительных средств. Для этого и нужен артист-профессионал. Главная беда нынешнего музыкального театра и причина недостаточного его профессионализма — отсутствие школы, актерской, вокальной, пластической школы, которая соответствовала бы требованиям современного искусства.

— Вероятно, актерскую проблему нельзя рассматривать в отрыве от проблемы режиссуры, поскольку режиссер в современном театре — фигура, определяющая все: от идейно-художественной направленности искусства до манеры исполнения. Какие черты вы считаете определяющими для режиссерской профессии?

— Режиссер создает театральное произведение. Режиссер — художник, владеющий театральными средствами и умеющий выразить мысль автора, используя средства, автором предложенные, и другие, те, что есть в распоряжении театра. Это основное положение, определяющее деятельность режиссера, то есть его мышление и все, что касается практической, «ремесленной» стороны дела.

Театр — особое искусство. У него свои законы, нарушать которые нельзя, не выполнять которые невозможно без ущерба для конечного результата творческого процесса — спектакля. Мышление режиссера — мышление театральное, то есть прежде всего образное. Оно дается человеку от рождения, как музыкальный слух или способности к математике. Вероятно, поэтому К. С. Станиславский и считал, что режиссером надо родиться. Но любые способности надо развивать, чтобы они стали элементами профессии. Знание законов театрального искусства, их изучение, овладение ими и есть путь, который может превратить человека, обладающего способностью переводить все увиденное в образы, в режиссера-профессионала.

Поскольку искусство театра включает в себя все

другие искусства, в том числе архитектуру и кинематограф, то профессия театрального режиссера предполагает необходимость знания законов всех искусств и умения ими пользоваться. Это еще одна особенность нашей профессии.

Музыкальный театр имеет свои специфические черты. Как это ни покажется парадоксальным, но его сила и слабость, профессиональное могущество и одновременно источник дилетанства — в музыке.

Кто-то когда-то решил, что главное в опере — музыка. И началась путаница. Все причастные к той или иной музыкальной профессии считают оперу своей вотчиной и меряют ее музыкальными вершинами. А оперу надо мерить особыми мерками, сложными и одновременно простыми — театральными. Опера — это театр. И музыка — не цель, а самое сильное, самое мощное средство для достижения цели — раскрытия душевного мира человека.

Любите вы музыку Верди? Помните марш из «Аиды»? А давайте после «Травиаты», когда кончится спектакль, сыграем марш из «Аиды». Почему бы не послушать еще раз хорошую музыку? Вам эта мысль кажется нелепой? Мне тоже. Марш из «Аиды» после «Травиаты» играть нельзя, потому что он не нужен. Нужна только та музыка, которая рассказывает эту историю. И когда умирает Виолетта и кончается ее история — кончается и ее музыка. И никакая другая здесь не может звучать. И это тоже закон, который режиссер-профессионал обязан знать. Да и зритель ходит в оперный театр не просто послушать музыку — а увидеть драму, выраженную музыкой.

Как в любом сценическом жанре, в музыкальном театре основной материал, из которого творится образ, — актер. Но артистическая деятельность в театре отличается, например, от исполнительского искусства в кинематографе. Театр требует от актера не просто показа его собственных, полученных от природы данных, а работы над собой, преодоления себя, постоянной борьбы с собой ради постижения и воплощения образа. Здесь артист реализует то, что задумано режиссером и совместно с ним. Они соавторы. Поэтому умение работать с артистом, знание его психологии, необходимость быть чутким педагогом при достижении творческой цели — неотъемлемое качество режиссера.

Кроме этого, у режиссера есть еще масса обязанностей. К нему обращаются с вопросами организаторы репетиционной работы — представители репертуарной части, которым он должен помочь спланировать репетиции: общие, групповые, индивидуальные; к нему идет дирижер — они вместе должны обсудить проблемы музыкального решения спектакля; художник — с макетом, эскизами декораций и костюмов; постановочная часть — с вопросами о сложностях декорационных перемен; машинист сцены — с недоумением по поводу количества станков, их высоты и крепости; реквизитор — с массой проблем: какое из имеющихся в театре двадцати ружей необходимо для данного спектакля, какие бокалы заказывать, на каком заводе и в каком количестве; костюмеров интересует, какой материал лучше для накидки — вуаль, крепдешии, сатин или шелк.

К режиссеру обращается актер, у которого приезжает тесть и он должен ее встретить, актриса, у которой заболел ребенок, и т. д. и т. п. Сотни вопросов к режиссеру возникают ежеминутно, и на все надо дать ответ. Поэтому еще одна черта, определя-

ющая пригодность для работы в качестве режиссера, — способность к организационной работе и собственная организованность, ибо для того, чтобы организовать всех, надо сначала организовать себя.

— Разделите ли вы точку зрения, что зрители надо специально готовить к восприятию музыкального искусства?

— Нет. Меня злят разговоры о том, что оперу надо научиться понимать, что зритель недостаточно культурно подготовлен к ее восприятию, и т. п. Театр должен быть понятен сразу, он должен действовать мгновенно. С первого слова. С первого звука. С первого вдоха. Если на спектакль надо ходить несколько раз, чтобы его понять, если требуется специальная подготовка к его восприятию, — это не театр.

Важна общий культурный уровень зрителя, а не специальная подготовленность. От высоты этого уровня зависит круг интересов и не только в музыкальном театре, но и в драме, и во всяком искусстве. Надо знать, чтобы по-настоящему понимать произведение и судить о нем. «Катерину Измайлову» или «Нос» понять труднее, чем, например, «Свадьбу в Малиновке», и не стоит отрицать их достоинств с позиций невежества, так же как не стоит мерить «Гамлета» меркой Островского, а Матисса судить по законам передвижников. Каждое произведение красиво своей красотой и строится по своим законам. Круг эстетических интересов и определяет привязанность зрителя к тому или другому театру. Режиссеру же необходимо решить, прежде чем он приступит к репетициям или даже к выбору пьесы, какого зрителя он признает своим, на какого зрителя он ориентируется.

И это еще одна обязанность режиссера, и самая важная, — чувствовать пульс жизни, знать современного человека, не вчерашнего, а сегодняшнего и завтрашнего.

— Являясь профессором ГИТИСа, что вы считаете главным в деятельности педагога?

— В руки педагога попадает талант, попадает то, что является редкостью, как золотой самородок или розовый горностай, попадает дар. Он может быть открыт и может быть скрыт, может быть в приятном человеке или в неприятном, но талант надо искать, позабыв о впечатлении от его обладателя.

Талант бывает порой очень трудно обнаружить. И если среди сотен поступающих на актерский факультет тобою будет открыт один талант, тебе за это воздастся. А если будет пропущен и, таким образом, загублен один — всего один! — дар, данный судьбой, природой, если ты не распознал его, — это никогда не простится.

— Георгий Павлович, пожалуйста, несколько слов о вашей последней работе в Большом театре — постановке «Кармен».

— Главной моей задачей было ввести в ткань спектакля те некоторые места, которые оказались опущенными в прежних постановках. Например, дуэт Микаэля и дон Хозе в первом акте кажется мне скучным из-за того, что в нем пропущен небольшой музыкальный фрагмент, связанный с трагической темой оперы.

Но самым определяющим мое впечатление от работы над спектаклем была встреча и творческое сотрудничество с подлинными профессионалами оперного театра: В. Атлантовым, Т. Милашкиной, Т. Снявской, Е. Нестеренко... Такие актеры представляют собой тип оперного артиста сегодняшнего и завтрашнего дня.

Свидетельствует пресса: «Грация», Италия

ЕЩЕ РАЗ О МУЗЫКАЛЬНОМ МУСОРЕ...

Скажем сразу, что американский ансамбль «Кис» ничего общего со своим названием не имеет. «Кис» — это по-английски «попелух», но ни о каких «нежностях» тут говорить не приходится. Среди горящих дымовых шашек, встывшек ослепительно-го света, завывания полицейских сирен, игры кровавых языков пламени, в разухабистом гриме «Кис» демонстрирует на сцене свое шоу ужаса. Ансамбль колесит по всему свету на семи грузовиках с аппаратурой, стоящей миллион долларов, штатом техников в количестве ста человек и четырьмя гориллоподобными телохранителями.

Джина Сайменса, Пола Каравело, Эйса Френли и Пола Стенли не смущают отрицательные отзывы критики. В своих сверкающих костюмах, демонических масках и ботинках с каблучками в 25 сантимет-

ров они паясничают перед публикой, не забывая, естественно, о бизнесе. За последние несколько лет

«Кис» продал 22 миллиона пластинок и основал настоящую торговую империю, которая выпускает все — от брелоков для ключей и рубашек со своими фотоизображениями до кинофильмов. Толпа почитателей объединена в клубы под названием «Армия Кис».

Объяснить успех группы не так легко. Ключ, может быть, лежит в хитроумной комбинации клоунады, секса, рока, рекламы и фантазии. Исполнители преднамеренно отреклись от всякой последовательности и хорошего вкуса. У них нет какой-либо мысли или идеи, которую они хотели бы передать зрителям. Просто важно быть замеченными, хотя бы в нелепом или смешном виде. Одни не принимают их всерьез, другие же пытаются «философски» обосновать их нелепое трюкачество.

В своих экстравагантных одеяниях «Кис» изображает на сцене явление в мир призраков, демонов, доисторических чудовищ и, конечно, следуя веянию эпохи — космических пришельцев. Музыка является только гарниром к этому безудержно крикливому зрелищу. И если кто-нибудь заметит им, что нелепо было бы подумать и о музыкальном творчестве, они ответят: наплевать, ведь поклонники так или иначе найдутся!

ВСЕ ТОТ ЖЕ ШАРЛЬ АЗНАВУР

Юлика ГРИГОРЯН

На эстраде — человек небольшого роста в синем костюме. Грустно-насмешливые глаза, хрипловатый голос. Внешнее спокойствие, за которым проглядывается пламенный темперамент. Его стиль — это предельная ясность слова и музыкальной фразы, задушевный и вместе с тем напряженный диалог с аудиторией. Имя Шарля Азнавура давно уже заняло прочное место в истории французского шансона. В истории — и в дне сегодняшнем. Известный во Франции музыкальный критик Ив Сальг, много написавший об Азнавура, видит причину его успеха в том, что «Шарль Азнавур является прежде всего поэтом влюбленных всего земного шара».

Поэт. Талантливый актер. Композитор... «В зените славы Шарля Азнавура, — отмечает Ив Сальг, — все эти стороны его творческой личности слились в едином артистическом ансамбле, помогая друг другу».

Это произошло несколько десятков лет тому назад. Весной 1915 года османские палачи изгнали из родных мест и уничтожили около двух миллионов армян. Оставшиеся в живых, чудом спасшись от геноцида, бежали в другие страны, разбрелись по свету. Участь беженцев-эмигрантов постигла и семью Азнавуриных.

22 мая 1924 года в Париже в армянской семье родился мальчик — Шанурх Азнавуриан.

«С самого моего рождения было ясно, что я буду артистом. Я им родился...» — напишет позднее Азнавур.

Начав выступать, он несколько сократит свое имя, полагая, что для начинающего артиста важно, чтобы оно было звучным и легко произносимым.

«Представьте себе, что на французском языке на афише начертано — «Шанурх Азнавуриан». Это могло означать крах моей еще не начавшейся карьеры».

Родители Шарля Азнавура очень любили музыку. Отец Шарля, «наделенный голосом, которому я до сих пор завидую», был профессиональным певцом. Он очень любил петь лирические песни. Пел по-армянски в армянских театрах, по-русски в русских кабаре.

«Отец все делал с большим темпераментом. По вечерам сестра Аида или мама садились за пианино, папа пел, я танцевал. Благодаря отцу мы знали много песен, и все любили петь...»

Мать Шарля была актрисой по профессии. Эмиграция, бедность, незнание французского языка заставили отца стать поваром, мать — портнихой. Шарль Азнавур рассказывает, что он «рос и воспитывался в фольклорном музыкальном климате». Любительские спектакли были большой радостью для маленького Шарля и его сестры.

В этих спектаклях принимали участие армяне-эмигранты, хранившие любовь к родине в своих сердцах, но вынужденные жить за ее пределами.

«Я любил этих комедиантов, музыкантов, фокусников, которые всю неделю работали в поте лица и казались полумертвыми от усталости, но в воскресенье на сцене словно оживали. Они играли... Им хотелось хоть ненадолго оторваться от горьких реальностей эмигрантской жизни. На несколько часов они становились королями, принцами, становились друзьями людьми...»

Как и все дети, Шарль Азнавур мечтал о разных профессиях.

«Я хотел стать пекарем, как мсье Жуаз, венгр, живущий напротив, после того, как он мне показал, как делают воздушные сливки; хотел кататься на роликах, мечтал стать дрессировщиком. Мне даже удалось научить нашу собачку Тото приносить по команде кость и пить кофе с молоком из чайной ложки».

Но это все — в раннем детстве. Позднее желание стать актером победило окончательно.

«Отец два раза в неделю ходил со мной и Аидой в кино. Я совершенно не помню первого увиденного фильма. Я даже не помню, был это немой или звуковой фильм. Но я хорошо запомнил, каким это было для меня открытием. Не хватало слов выразить охватывавшее меня восхищение, когда я видел на экране Чарли Чаплина, Дугласа Фербенкса, Мери Пикфорд...»

Я комедиант
Во всем его блеске.
Я рожден, чтобы играть.
Дайте мне подмостки,
Самые жалкие и холодные,
И я превзойду себя...»

Шарль Азнавур начал петь.

«Мой кумиром и моим учителем тогда, сам того не зная, был Морис Шевалье».

В 1939 году пятнадцатилетний Шарль, имитируя Мориса Шевалье, занял на детском конкурсе песни первое место. Азнавур исполнил тогда песню Шевалье «Дайте мне руку, мадемуазель».

В 1941 году в «Песенном клубе» Шарль Азнавур познакомился с молодым композитором Пьером Рошем. Они стали выступать дуэтом.

Однажды Азнавур сам попробовал написать песню. Его стихи Рош положил на музыку, и на следующий день Азнавур исполнил свое первое произведение в «Песенном клубе», который объединял молодых артистов и композиторов.

Георг Ульмер, датчанин по происхождению, известный в то время шансонье, поэт-песенник и композитор, согласился исполнить первую песню Шарля, которая называлась «Я выпил». Песня имела успех, а пластинка Ульмера, на которой она была записана, завоевала первый приз на ежегодном конкурсе грамзаписей. Никто тогда не знал имен авторов — кто такие были эти Азнавур и Рош? Однако постепенно их дуэт стал приобретать известность.

...Вторая мировая война увечила жизнь Европы. Франция оккупирована немецкими войсками.

В доме Азнавуриных в эти годы обстановка была напряженной. Отец Шарля воевал. В квартире укрывались от гестапо друзья отца — участники движения Сопротивления.

После освобождения Франции для Роша и Азнавура наступили новые времена. Париж ожил, и молодой дуэт выступал без устали.

В 1946 году на одном из концертов присутствовала Эдит Пиаф. И как же были счастливы Азнавур и Рош, когда она предложила молодым артистам участвовать в ее программе! Работать вместе с великой Пиаф! Это определило всю дальнейшую судьбу Азнавура.

Рош и Азнавур отправились вместе с Эдит Пиаф в турне по Америке. В 1948 году вышел их первый и единственный совместный диск с четырьмя песнями. Диск так и назывался: «Рош и Азнавур». Восемь лет существовал этот дуэт. Но Пиаф своим тонким чутьем актрисы угадала в Азнавура личность, требовавшую индивидуального развития, и убедила его в необходимости выступать одному.

Однажды Азнавура пригласил к себе для переговоров Бруно Кокатрик, композитор и джазовый дирижер, импресарио по призванию, владелец и основатель «Олимпии». Это был человек большой энергии и преданности искусству эстрады. В 1955 году он приобрел преобразивший кинозал на Больших бульварах и преобразовал его в театр. С тех пор престиж и слава «Олимпии» не переставали расти.

Кокатрик предложил Азнавуру выступить в новой программе.

«Это был для меня очень ответственный момент: успех в «Олимпии» должен был стать боевым крещением и позволить мне взобраться на ступеньку той громадной, полной препятствий лестницы, которая ведет к вершине славы».

И Шарль Азнавур поднялся на эту ступеньку. В тот вечер публика признала его. Ему неистово аплодировали, к нему рвались за кулисы, жали руки, восторгались. А Шарль, еще не привыкший ко всему такому, недоумевал:

«Почему вдруг после стольких безумно трудных лет, когда обо мне не хотели слышать, я стал звездой программы? Я ведь не изменился. Мой голос, мое тело, мой рост, моя одежда, мои жесты и мои песни остались те же».

Так что же это было? Причуды изменчивой судьбы? Возможно, в чем-то и так. Но, вероятно, главное в другом. Годы прошли в упорнейшей работе, они были заполнены поисками своей манеры, своей темы, своего героя. Шарль Азнавур, стоя на большой сцене «Олимпии», умел и мог многое. Он остался прежним, но он уже стал иным. Старше. Глубже. Мудрее.

«Служение искусству — это хаторжный труд, — говорит Азнавур. — Ахтеру не прощают промахов. Для публики, которая приодит тебя смотреть и слушать, ты являешь собой совершеннейшую современную машину, некое подобие вечного двигателя. Публика не терпит поломок. Но я не жалею о том, что мне приходится работать на износ, ведь если бы я работал на заводе, никого бы такое не удивило. Играть в кино или петь — тот же самый труд, что в цехе».

Шарль Азнавур вместе с женой Уллой и тремя детьми (у них русские имена — Катя, Миша, Коля) живет в пригороде Женевы. Его песни пишутся и в первый раз исполняются дома. Но этим рождение песни не завершается. Для Азнавура каждое исполнение — это продолжение работы над ней.

«Если поешь сердцем, песню нельзя механически повторить дважды...»

Быть может, поэтому у Азнавура нет «двойников», как не было их у Эдит Пиаф, Жака Бреля, Жоржа Брассанса, Жана Ферра.

«Я считаю, — говорит певец, — что есть люди, которые рождены для легкой жизни. Но если однажды жизнь все же заставит их потрудиться, они столкнутся с огромными трудностями. Другие рождены, чтобы трудиться, и не представляют себя без работы. Я принадлежу именно к этой группе людей. Я должен научиться отдыхать, потому что мне так же трудно ничего не делать, как некоторым людям работать. Труд для меня — физическая и моральная потребность. Я работаю — значит я живу. Еще настанет день — я надеюсь, что он далеко, — когда мне придется успокоиться...»

Шарль Азнавур никогда не изменял главному в своем творчестве: искренности, простоте, сердечности, интересу и любви к человеку. И потому новая встреча с ним — не открытие новой моды или нового Азнавура. Каждый раз это — открытие новой радости от соприкосновения с Искусством.

БУКЕТ ИЗ ЗВОНКОГО СТЕКЛА

«Счастье». Свадьба, как в песне: «был жених серьезным очень, а невеста—ослепительно была молодой». И цветущие весенние деревья, прорастающие из прозрачности хрупкого стекла. И мягкий блеск расширяющихся кверху лучистых венчиков ваз, покрытых тонкой матовой гравировкой. И нежное кружево рисунка—«Счастье». За этот набор ваз молодая киевская художница Тамилла Московка была награждена Почетной грамотой ЦК ЛКСМ Украины. Но не о наградах и званиях речь. О счастье. О самом главном счастье, кото-

ВАЗА «СЛАВА ТРУДУ».

ФРАГМЕНТЫ.

былом. Мчатся всадники, летят тачанки, комсомольцы уходят на труд и в бой, и встает во весь рост Павка Корчагин. «Комсомольцы 20-х годов» назвала Тамилла Московка свою композицию из трех ваз. Это ее дань героике прошлого.

Говорят, если молния ударит в песок, она станет стеклом.

Мать учила Тамиллу создавать из раскаленной, как молния, массы, предметы хрупкие, как воздушные шары. В Киевском художественном институте художники А. И. Сиротенко и К. Д. Трохименко ставили Тамилле руку и глаз—чтобы делать гравюры по стеклу, рука должна быть очень твердой, а глаз очень точным.

У Тамиллы Московки твердая рука и точный глаз. Но ее произведения нежны, как воздушные шары, как цветы, и так же трепетны.

Светлана ЛИПАТОВА

ВАЗЫ «СЧАСТЬЕ».

ФРАГМЕНТ.

рого устаивается человек на земле: выразить себя в труде.

...Свет стекает в стекло, как вздох стеклодува.

Тамилла с детства привыкла к этому чуду, рождающему словно бы из пустоты поблескивающие боками бокалы, стройные вазы, а то и скульптуру. Выдуванием изделий—специалисты называют это «вольным выдуванием», или гутной техникой—из расплавленной стеклянной массы занималась ее мать, известный мастер Киевского завода художественного стекла, заслуженный художник Украинской ССР Л. М. Митрева. Наверное, от матери передалось Тамилле острое чувство пластики предмета. Как и мать, Тамилла любит подчеркивать мягкую линию сгустками лепных украшений, но от гутной техники молодая художница пришла к технике холодной обработки. Посмотрите: из густой зеленой постаментов, тяжелых от цвета и монолитности стекла, вырастают удлинненные мерцающие чаши. Голос стекла в них звонок, как зов далеких труб. Из линий, затаенных в матовой дымке гравировки, встают сказания о вечном и

БОКАЛЫ «СЛАВУТИЧ».

